

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

218

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
218

Главный редактор

В. В. СЕДОВ

Москва НАУКА 2005

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Редакционная коллегия:

В.И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л.В. КОЛЬЦОВ, С.Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В.Д. КУЗНЕЦОВ,
Н.В. ЛОПАТИН, В.В. СЕДОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.А. БЕЛЯЕВ,
доктор исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ

Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии. – М. : Наука, 1939 –. – ISSN 0130-2620

Вып. 218 / гл. ред. В.В. Седов. – 2005. – 174 с. – ISBN 5-02-010263-6

Выпуск посвящен изысканиям в области средневековой европейской археологии. Публикуются материалы российско-французского круглого стола “Проблемы контактов между Западной и Восточной Европой в раннем средневековье”, прошедшего в ИА РАН в ноябре 2003 г. Статьи этого блока по-новому освещают многие сложные вопросы взаимодействия европейских народов во второй половине I тысячелетия н.э. Публикации сборника знакомят читателя с открытиями в области археологии раннего бронзового века и различными аспектами восточноевропейской средневековой археологии. В разделе “Хроника” помещены воспоминания о В.П. Алексееве, информация о конференциях, проведенных Институтом археологии в 2003 г. Основные положения публикуемых материалов содержатся в резюме на английском языке.

Для археологов, этнологов, историков.

ТП-2005-I-№ 324

ISBN 5-02-010263-6

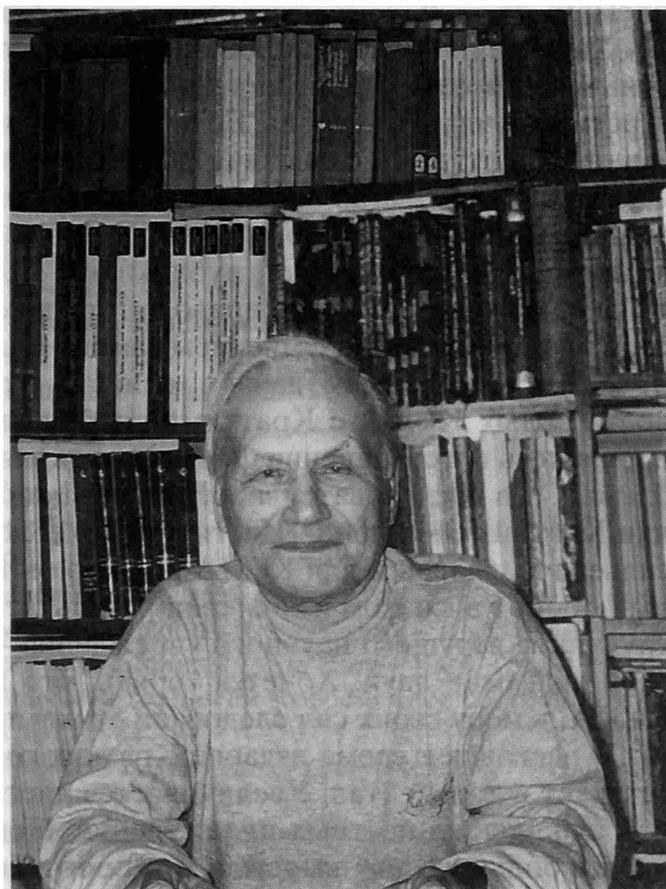
© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Краткие сообщения Института археологии” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1939 (год основания), 2005

ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА
ВАСИЛЬЕВИЧА
СЕДОВА
(1924–2004)

Уважаемые коллеги!

Перед вами – последний выпуск Кратких сообщений Института археологии, редактированный Валентином Васильевичем Седовым. С этим изданием В.В. Седова связывает многолетнее сотрудничество. Достаточно вспомнить, что в КСИА (тогда КСИИМК) была опубликована одна из первых его работ. Последние три года его жизни наряду со множеством других дел были посвящены этому

изданию. По существу, Валентин Васильевич, став в 2001 г. главным редактором, реанимировал КСИА после десятилетнего забвения.

В.В. Седов был не только главным редактором КСИА, внимательным образом читавшим все поступающие материалы, но и постоянным автором этого периодического сборника. Редкий выпуск Кратких сообщений выходил без его статьи. Причем его работы (как, впрочем, и практически все, что он писал) носили фундаментальный характер. Об этом говорят даже названия статей В.В. Седова, опубликованных после возобновления КСИА: “Предыстория белорусов”, “Русы в VIII – первой половине X века”, “Первое членение славян на две диалектные области”. В настоящем выпуске публикуется одна из последних статей В.В. Седова “Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов)”.

Как главного редактора Валентина Васильевича отличала скрупулезность подхода к каждой публикуемой работе, независимо от того была ли это концептуальная статья, или информационная заметка. Мимо его внимательного взгляда не проходили ни пропущенная запятая, ни стилистически неправильный оборот, ни ошибочная ссылка на литературу. Приходилось только удивляться, как хорошо он знал материал и по сво-

ей (достаточно обширной) тематике, и по сопредельным научным проблемам.

Характерна была для В.В. Седова и, если можно так выразиться, щепетильность в отношении научного реноме КСИА. Все работы проходили строгий научный контроль. Если материал находился вне научной специализации Валентина Васильевича (например, статьи по палеолиту, бронзовому веку), то он предлагал наиболее компетентного рецензента. Нередко поступившие материалы авторам приходилось дорабатывать, и были случаи, когда авторам было отказано в публикации. При этом главный редактор никогда не ставил под сомнение право автора на собственную точку зрения, даже если она не совпадала с мнением самого Валентина Васильевича.

В.В. Седов во всем, даже в мелочах, старался подчеркнуть преемственность новых КСИА с Краткими сообщениями предшествующих лет. Это проявилось и в сохранении формата издания (вплоть до цвета обложки и эмблемы), и в последовательности нумерации выпусков, и, главное, в концепции Кратких сообщений Института археологии. По мнению Валентина Васильевича, главным для КСИА должно быть оперативное введение в научный оборот в сжатом изложении результатов исследований и открытий сотрудников ведущего научного учреждения – Института археологии Российской академии наук. Хочется верить, что мы, сотрудники В.В. Седова по КСИА, в меру своих сил следовали этому принципу.

В настоящее время издание Кратких сообщений Института археологии вступает в новый этап. Увеличивается листаж издания, становится возможной публикация цветных иллюстраций. Новые выпуски КСИА приобретают все большую значимость в археологическом сообществе. К сожалению, уже без Валентина Васильевича Седова.

РАБОТЫ В.В. СЕДОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В КСИА (КСИИМК)

- Древнерусское языческое святилище в Перыне – Вып. 50. 1953.
 Новые данные о языческом святилище в Перыне – Вып. 53. 1954.
 Поселение XII – начала XV в. в Перыне – Вып. 62. 1956.
 Языческая братчина в древнем Новгороде – Вып. 65. 1956.
 Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области – Вып. 68. 1957.
 К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде – Вып. 68. 1957.
 Курганы с ярусными погребениями – Вып. 71. 1958.
 Гончарная печь из раскопок в г. Владимире – Вып. 72. 1958.
 Раскопки в Гороховце – Вып. 77. 1959.
 Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиции 1955–1957 годов) – Вып. 79. 1960.
 Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году – Вып. 79. 1960. Совм. с Е.И. Горюновой, А.В. Никитиным, А.Л. Монгайтом, П.А. Рапопортом.
 К вопросу о классификации смоленских курганов – Вып. 81. 1960.
 Среднерусская экспедиция – Вып. 81. 1960. Совм. с Н.Н. Ворониным, Л.П. Гусаковским, А.В. Никитиным, П.А. Рапопортом.

- Древнерусское поселение близ города Вязники – Вып. 85. 1961.
Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине – Вып. 85. 1961.
Языческие святилища смоленских кривичей – Вып. 87. 1962.
Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в. (по материалам экспедиции 1960 г.) – Вып. 90. 1962.
Из полевых исследований 1961 г. – Вып. 96. 1963.
Городище Церковище – Вып. 102. 1964.
Из истории восточнославянского расселения – Вып. 104. 1965.
Ятвяжское племя дейнова – Вып. 113. 1968.
Казахинские курганы на р. Великой – Вып. 120. 1969.
Введение – Вып. 121: Проблемы изучения Черняховской культуры. 1970.
Грицковские курганы – Вып. 125. 1971.
Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье – Вып. 129. 1972.
Ранние курганы вятичей – Вып. 135. 1973.
К истории поселений Черной Руси – Вып. 139. 1974.
Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. – Вып. 144. 1975.
Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска – Вып. 146. 1976.
Себежские курганы – Вып. 150. 1977.
Лепная керамика Изборского городища – Вып. 155. 1978.
Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству – Вып. 164. 1981.
Об этнической принадлежности псковских длинных курганов – Вып. 166. 1981.
IV Международный конгресс славянской археологии (современное состояние археологической славистики) – Вып. 171. 1982.
Финно-угорская археология в 1970–1981-х годах (эпоха средневековья) – Вып. 175. 1983.
Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии – Вып. 179. 1984.
Жилища словенско-кривичского региона VIII–X вв. – Вып. 183. 1986.
Вопросы этногенеза славян на IX Международном съезде славистов – Вып. 187. 1986.
Псковская экспедиция в 1980–1984 гг. – Вып. 188. 1986. Совм. с С.В. Белецким.
Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979–1985 гг. – Вып. 195. 1989.
Конференция “Археология и история западных балтов” – Вып. 198. 1989.
Формирование восточнославянской народности – Вып. 198. 1989.
Распространение христианства в Древней Руси – Вып. 208. 1993.
Предисловие – Вып. 211. 2001.
Предыстория белорусов – Вып. 211. 2001.
Памяти Бориса Александровича Рыбакова – Вып. 213. 2002.
Русы в VIII – первой половине IX века – Вып. 213. 2002.
Первое членение славян на две диалектные области – Вып. 217. 2004.
Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) – Вып. 218. 2005.

В.И. Завьялов

ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Материалы российско-французского
круглого стола.

Москва, 21 ноября 2003 г.

Г.Е. Афанасьев, А.В. Мастыкова

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ (1997–2003)

Новый этап в развитии сотрудничества в области раннесредневековой археологии между российскими и французскими археологами начался в ноябре 1997 г., после того как в Москве прошли переговоры между администрацией Института археологии Российской академии наук (Г.Е. Афанасьев) и лабораторией CNRS (Национальный центр научных исследований, Франция) при Музее национальных древностей (М. Казанский). В процессе обсуждения научных проблем, представляющих взаимный интерес, было достигнуто соглашение о развитии научного сотрудничества между этими двумя научными организациями в области раннесредневековой археологии. Ведь хорошо известно, что в Институте археологии РАН накоплен громадный опыт в изучении раннесредневековых древностей Южной России и Северного Кавказа. Это и проблемы хронологии, и проблемы этнических маркеров, и проблемы выделения признаков для социальной стратификации. Ну и, конечно, особо важное значение, как для России, так и для Западной Европы, имеет выявление и изучение функционирования трансевразийских торговых путей, а также исследование культурного наследия Византии и его влияния на археологические культуры Западной Европы и Южной России. Довольно быстро между сотрудниками Института археологии РАН (Г.Е. Афанасьев, А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин) и сотрудниками Центра истории и цивилизации Византии CNRS (М. Казанский) сформировалась общая научная программа “Средиземноморское влияние в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе и Северном Причерноморье”, в соответствии с которой французские специалисты смогли работать в архиве и библиотеке Института археологии, а российские специалисты совершить ряд поездок во Францию для ознакомления с современным состоянием исследований в области средневековой археологии.

Реализация намеченных направлений научного сотрудничества осуществлялась в двух направлениях. Во-первых, это охранные полевые исследования меровингского некрополя в Лонгруа. Раскопки этого памятника начались еще в 1993 г. под руководством сотрудника Региональной археологической службы Верхней Нормандии Э. Мантеля, когда было вскрыто 125 погребений IV–VII вв. Для продолжения этих работ была организована комплексная экспедиция из представителей Музея национальных древностей Франции, CNRS, Отдела охранных раскопок Института археологии Российской академии наук (З.Х.-М. Албегова, А.Г. Атавин, Д.С. Коробов, А.В. Мاستыкова, Б.Е. Янишевский) и Института археологии Лондонского университета. Несмотря на сложные климатические условия, полевые работы в 1998 г. прошли успешно. Было исследовано более 80 ингумаций VI–VII вв. В 1999 г. работы на памятнике были продолжены, и в итоге общее число раскопанных здесь захоронений достигло 250. В процессе совместных полевых исследований российских, французских и британских специалистов выяснилось, что различия в методике организации полевых работ у представителей этих школ очень малы и практически не влияют на степень информативности добываемого материала. К примеру, французские археологи не применяют, как принято у нас, систему квадратов Уиллера, производя необходимые замеры от одной линии реперных точек. В тех случаях, когда некрополи имеют простую стратиграфию, считается нецелесообразным разбивать бровки. Несколько разнится и состав инструментария. Если для российских археологов более привычны штыковые лопаты и ножи, то французы отдают предпочтение работе с киркой и мастерком, а зачищают поверхность с помощью скребков на длинных рукоятях. Важной отличительной особенностью организации полевых исследований на некрополях Франции является обязательное привлечение к процессу раскопок антропологов. Более того, Региональные археологические службы выдают разрешения на раскопки (аналогия российских Открытых листов) только в том случае, если в работе экспедиции предусмотрено участие антрополога. В отличие от российской практики, когда антрополог фактически занимается только научным исследованием человеческих костных остатков, во Франции антрополог обязательно присутствует на раскопе и только в его функцию входит разборка и выемка костей скелета. При этом особое внимание уделяется не только фиксации характера погребальной одежды или погребального сооружения, но что особенно важно – описанию условий, при которых происходило разложение похороненного тела. Как много дискуссионных вопросов можно было бы снять, если бы аналогичная практика применялась и у нас в России. Возможно, многие вопросы, связанные с так называемым “ритуальным разрушением скелетов” на раннесредневековых некрополях Южной России, отпали бы сами собой.

В рамках исследования меровингского некрополя в Лонгруа были проведены два полевых коллоквиума. Их организаторами выступили К. Делестр (Археологическая служба Верхней Нормандии), Г.Е. Афанасьев (Институт археологии РАН), П. Перен (Музей национальных древностей), М. Казанский (CNRS), М. Веллш (Лондонский университет). Материальную

и организационную поддержку коллоквиуму оказали Министерство исследований Франции, Региональное управление по делам культуры Верхней Нормандии и мэрия Лонгруа. Первый полевой коллоквиум, проходивший в 1998 г., назывался “Погребальная археология эпохи раннего средневековья и возможности исторических и социальных реконструкций”. Представители пяти стран участвовали в его работе – Англия, Бельгия, Германия, Россия, Франция. И в общей сложности было заслушано 15 докладов. Российская делегация представила четыре доклада, в которых общей линией проходила тема реконструкции методики социальной дифференциации раннесредневековых обществ Северного Кавказа. З.Х.-М. Албегова раскрыла тему “Палеосоциологические исследования религии алан в VIII–X вв. по материалам амулетов салтово-маяцкой культуры” (текст доклада опубликован в “Российской археологии”, № 2, 2001). А.Г. Атавин сделал сообщение “Информационно-поисковая система НОМАД – перспективы исследований социальных процессов у средневековых кочевников”, в котором продемонстрировал методические возможности выявления социальной стратификации у печенегов по данным погребального обряда. В докладе Д.С. Коробова “Социальная стратификация алан V–VIII вв. по материалам Кисловодской котловины” были рассмотрены пути выделения социальных групп. Наконец, А.В. Мастыкова в докладе “Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо в V–VI вв. (по материалам костюма)” показала практическое применение на северокавказском материале методики, разработанной Ф. Биербрауэром для Центральной Европы.

На втором полевым коллоквиуме, проходившем в 1999 г., состав участников несколько расширился. В нем кроме уже упомянутых археологов из Англии, Бельгии, Германии, России и Франции приняли участие представители США. 15 заслушанных докладов были объединены общей темой исторической, социальной и демографической интерпретации материалов раннесредневековых могильников и поселений. Российская делегация представила на коллоквиуме пять докладов, из которых четыре были посвящены довольно популярной во Франции аланской тематике. Г.Е. Афанасьев представил реконструкцию социально-воинской иерархии донских алан в сравнении с данными осетинского фольклора “Нарты”. З.Х.-М. Албегова выделила основные этапы развития аланского язычества на материалах северокавказских амулетов V–IX вв. Д.С. Коробов сосредоточил свое внимание на методических особенностях реконструкции семейных структур по данным аланских катакомбных могильников. В докладе А.В. Мастыковой на примере материала из могильника Клинь-Яр были рассмотрены основные волны поступления на Северный Кавказ ранневизантийских бус (текст доклада опубликован в сб. “Практика и теория археологических исследований”, изданном ИА РАН в 2001 г.). Наконец, в докладе Б.Е. Янишевского была сделана попытка реконструкции демографической ситуации у населения XI–XIII вв. западной части Волго-Окского междуречья на основании анализа топографии более чем 300 древнерусских курганных насыпей.

Другим направлением российско-французского сотрудничества является участие медиевистов Института археологии РАН в международных коллоквиум

виумах по археологии раннего средневековья, организованных при участии Музея национальных древностей (директор П. Перен) в тесном взаимодействии с Французской ассоциацией меровингской археологии. Последняя была организована в 1979 г. и объединяет 230 французских и иностранных археологов, как профессионалов, так и любителей. Ассоциация проводит ежегодные чтения по меровингской археологии, публикует ежегодный бюллетень и издает сборники и монографии. В последние годы Меровингская ассоциация все чаще публикует работы археологов из СНГ. В ее изданиях в разные годы появились статьи А.И. Айбабина, И.Р. Ахмедова, И.А. Бажана, Ю.Н. Воронова, И.П. Засецкой, В.Б. Ковалевской, В.И. Кулакова, Б.В. Магомедова, О.В. Шарова, М.Б. Щукина.

Весной 1998 г. в Музее национальных древностей состоялся коллоквиум “Воинские элиты от железного века до раннего средневековья”, в котором приняли участие специалисты из Франции, Италии, Германии, Австрии и России. Г.Е. Афанасьев выступил с докладом “Вождество и воинские элиты у донских алан VIII–X вв.”, в котором на материалах салтовских могильников были показаны принципы выделения погребений воинской элиты. П. Перен в докладе “Воинские элиты меровингской Галлии” рассмотрел принципы выделения франкских воинских предводителей. Эту же тему продолжил Д. Кваст, выступивший с докладом “Погребения воинской элиты у германцев к востоку от Рейна”. Доклад М. Казанского был посвящен проблеме существования воинских предводителей и профессиональных воинов у славян в V–VII вв. Наконец, доклад Ф. Дайма, сделанный в том же тематическом направлении, базировался на материалах аварских древностей. Методические подходы, постановка ряда вопросов, а также характер исторической интерпретации, представленные в докладах участников коллоквиума, вызвали большой интерес и оживленную дискуссию. По предложению В. Круты – ведущего французского специалиста в области археологии латена – следующий коллоквиум, посвященный воинским элитам, состоялся осенью 1999 г. в Сен-Жермене, в Музее национальных древностей, организаторами которого были П. Перен, М. Казанский и В. Крута. С докладами по позднеантичной и раннесредневековой тематике выступили такие известные специалисты, как Я. Тейрал, Ф. Дайм, Р. Брюле, К. фон Карнап-Борнхайм, О. Боперарши, П. Коуржйял. С российской стороны доклады представили М.Б. Щукин и В.С. Ольховский. В частности, последний доклад, посвященный скифским каменным изображениям и их роли в воинской символике, вызвал особый интерес и оживленную дискуссию между участниками коллоквиума.

Той же осенью в бельгийском городе Намюр прошли очередные Международные чтения меровингской археологии. Кроме бельгийских и французских археологов в них принимали участие специалисты из Англии, Нидерландов, Германии, Швейцарии и России – всего более 350 участников. Из 28 заслушанных докладов 2 принадлежали российским и российско-французским археологам. Так, В.И. Кулаков на материале погребений с оружием показал германское и римское влияние на комплекс вооружений у балтского населения Пруссии в I–IV вв. По его мнению, в это время вдоль

побережья Балтийского моря возникает цепь опорных приморских пунктов, контролируемых разноплеменными дружинами. В совместном докладе А.В. Мастыковой и М. Казанского рассматривалось распространение бус IV–V вв. из балтийского янтаря на мерovingском Западе, в бассейне Балтийского и Северного морей. Авторы пришли к заключению, что морская торговля прусским янтарем в этом регионе находилась под контролем северогерманских, в первую очередь саксонских племен.

Стало традиционным участие французских археологов в “Крупновских чтениях” по археологии Северного Кавказа. В 1998 г. в Железноводске М.М. Казанский и А.В. Мастыкова представили совместный доклад “Северный Кавказ и Средиземноморье в V–VI вв. К вопросу о формировании культуры варварской аристократии” (полная версия на французском языке опубликована в берлинском альманахе “Eurasia Antiqua”, № 5, 1999 г.). К. Пиле прочитал доклад “Археологические находки восточноевропейского и дунайского происхождения эпохи переселения народов в Нормандии”, в 2000 г. в Кисловодске он сделал доклад “Христианизация Северной Галлии”. К тем же “Крупновским чтениям” был подготовлен совместный доклад А.В. Мастыковой и М. Казанского “Центры власти и торговые пути в Западной Алалии в V–VI вв.” (полный текст опубликован в “Материалах и исследованиях по археологии России” № 3, 2001 г.).

С 2002 г. вступила в действие трехгодичная Международная программа научного сотрудничества (PICS № 1583), осуществляемая Институтом археологии РАН (ответственный Г.Е. Афанасьев) и Центром истории и цивилизации Византии CNRS (ответственный М. Казанский), “Северный Кавказ и Великий шелковый путь в эпоху раннего средневековья”, в которой также участвуют с французской стороны К. Цукерман, а с российской А.В. Мастыкова. Целью данного проекта является углубленное изучение на базе археологического материала и письменных источников контактов народов Северного Кавказа и, в частности, написание ряда работ по истории византийско-сасанидско-кавказских взаимоотношений в раннем средневековье. В рамках этого проекта А.В. Мастыковой и М. Казанским была опубликована монография “Les peuples du Caucase du Nord. Le debut de l’histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.-C. Paris, 2003”. В ходе работ по данному проекту стало ясно, что углубленное изучение византийско-северокавказских связей требует привлечения широкого сравнительного материала практически из всего европейско-средиземноморского ареала. С другой стороны, очень многие северокавказские комплексы, имеющие важное значение для раскрытия этой темы, остаются неопубликованными. В этой связи участники проекта усиливают работу по публикации северокавказского материала (Пашковский могильник-1, раскопки К.Ф. Смирнова 1948–1949 гг.; катакомбный могильник № 2 у Лермонтовской скалы, раскопки А.П. Рунича 1968 г., Савенко С.Н. 1981 г.), а с другой стороны, пытаются рассматривать северокавказские древности на более широком общеевропейском фоне. В настоящее время участники проекта разрабатывают программу по созданию (в рамках договора между Российской академией наук и CNRS) Европейской исследовательской группы по изучению эпохи переселения народов. Такие группы

создаются на базе CNRS сроком на четыре года. Они имеют статус автономных лабораторий со своей исследовательской программой и бюджетом. Обязательным условием создания подобных групп является участие в ее работе представителей исследовательских центров не менее трех европейских стран (включая страны СНГ). Предполагается, что в эту группу войдут не только российские и французские участники PICS № 1583, но и археологи ряда других европейских стран, в первую очередь исследователи Института археологии Чешской академии наук в Брно. Данная инициатива получила поддержку как со стороны дирекции Отдела международного сотрудничества CNRS, так и со стороны постоянного Представительства CNRS в Москве.

В рамках данной проблематики осенью 2003 г. в Москве состоялся круглый стол по обсуждению актуальных проблем археологии и истории эпохи переселения народов и раннего средневековья. Французская делегация представила три доклада. Особый интерес вызвал доклад директора музея Национальных древностей П. Перена “Изучение меровингского стиля перегородчатой инкрустации во Франции”. К сожалению, по причине болезни сам автор не смог прибыть в Москву, но его доклад был зачитан М. Казанским. Для изучения гранатов из меровингских некрополей был применен метод нейтронной бомбардировки и спектральный анализ. Это позволило установить, что предметы V–VI вв. украшались южноиндийскими и цейлонскими алмадинами, тогда как в VII в. для этих целей использовались чешские пиропы. В итоге автору удалось представить убедительную картину функционирования в V–VII вв. некоторых трансевразийских торговых путей. В совместном докладе М. Казанского и П. Перена “Могилы короля Хильдерика: состояние исследований” речь шла о знаменитой могиле франкского короля Хильдерика I (захоронен в 481/482 г.), как одной из опорных находок в изучении “княжеской” европейской цивилизации V в. Авторы постарались показать, что это погребение является ярким примером синтеза “восточных” и “западных” черт культуры правящих варварских элит римско-германского Запада в V в. Доклад К. Цукермана “Аланы и ассы в раннем средневековье” был посвящен уточнению локализации этих племен в середине X в. Базируя свое исследование на анализе византийских, арабских и персидских письменных источников, автор критикует тезис о том, что в раннем средневековье происходит слияние племен ассов и алан, полагая, что такая установка искажает картину этногенеза. Российские коллеги представили доклады о миграциях в лесной зоне Восточной Европы в эпоху переселения народов (В.В. Седов) и о так называемых “вождеских” погребениях эстиев Восточной Пруссии в поздне римское время и в эпоху переселения народов (В.И. Кулаков).

Предлагаемый читателю очередной выпуск Кратких сообщений Института археологии позволит более детально ознакомиться с содержанием докладов, представленных на российско-французском круглом столе, проходившем осенью 2003 г. в Москве. В целом же можно констатировать успешное продолжение российско-французского сотрудничества по проблемам средневековой археологии. Думается, что в дальнейшем оно будет развиваться и примет более многообразные формы.

В.В. Седов

СЕВЕР ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ В ПЕРИОД ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПРЕДЫСТОРИЯ СЕВЕРНОВЕЛИКОРУСОВ)

Первым этапом изучения исторической диалектологии восточнославянских языков являются изыскания А.А. Шахматова, впервые создавшего целостную картину истории и эволюции восточнославянских языков. Анализ современных восточнославянских языков и их диалектов позволил ученому утверждать, что общерусский язык еще до IX в. членился на три древних наречия – севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) и южнорусское. Основой образовавшегося позднее русского языка стали два первых наречия. Этот язык с самого начала дифференцировался на два основных наречия – северновеликорусское, эволюционировавшее из древнего севернорусского, и южновеликорусское, продолжившее традиции восточнорусского. А.А. Шахматов утверждал, что деление это древнее самого русского языка и восходит к тому времени, когда прарусские племена продвинулись в верховья Днепра, Волги и Западной Двины, бассейны Ильменя и Псковского озера, а в IX в. заселили Волго-Окское междуречье. Севернорусы раннего периода были своеобразным политическим племенным образованием, в который были втянуты местные финноязычные племена мери, веси, чуди и муромы. Ученый склонялся к мысли, что восточнорусское наречие сложилось восточнее Днепра, в том числе в Подонье и южном Почье. Это были северяне, вятичи и радимичи. К южнорусам А.А. Шахматов относил тиверцев, уличей, волынян, дулебов, полян и древлян. Северные области Белоруссии были заняты севернорусами, южные – южнорусами. История этих наречий, полагал исследователь, определила судьбу современных восточнославянских языков (Шахматов, 1894. С. 1–12; 1899. С. 324–381; 1915; 1919).

Крупнейший польский лингвист первой половины XX в. Т. Лер-Сплавинский изложил свое представление истории древнерусских диалектов. Согласно его изысканиям, до конца XI в. древнерусский язык делился на две основные диалектные области: сравнительно небольшую северную (соответствующую позднейшим северновеликорусам) и обширную южную, включавшую будущие территории южновеликорусов и украинцев. Каждая из этих групп имела свои характерные фонетические черты, благодаря которым они заметно различались между собой (Lehr-Splawiński, 1921. S. 23–71; 1957в). Теорию Т. Лер-Сплавинского о двучленном диалектном членении общерусского (древнерусского) языка разделял Н.С. Трубецкой. Он утверждал, что этот язык еще в дописьменный период распадался на два диалекта: южный и северный, противопоставляемые между собой по основным фонетическим особенностям. Это деление восходит к диалектным явлениям праславянского языка поздней поры и соответствовало историко-культурным

условиям эпохи Руси. Южная часть восточного славянства имела контакты с Западом и Югом, а северная (территориально соответствующая ареалу будущих северновеликорусов) обособилась в тесной связи с неславянским населением (*Trubetzkoy*, 1925). И Т. Лер-Сплавинский, и Н.С. Трубецкой пытались показать, каким образом из двух основных диалектных образований древнерусского языка стали формироваться украинский, русский и белорусский языки.

Территориальное разграничение двух крупных диалектных групп – северновеликорусского и южновеликорусского отчетливо отражено было на “Диалектологической карте русского языка в Европе”, составленной Московской диалектологической комиссией. Между этими диалектными группами проявляется полоса средневеликорусских говоров, сложившихся в условиях внутрорегионального взаимодействия северно- и южновеликорусов (*Опыт диалектологической карты...*, 1915).

Крупнейший знаток восточнославянской этнографии Д.К. Зеленин в 20-х годах XX в. писал: “Южнорусское население (т.е. русское население Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Тульской, Орловской и Калужской губерний) этнографически и диалектологически отличается от севернорусского (в Новгородской, Владимирской, Вятской, Вологодской и др. губерниях) значительно больше, чем от белорусов. Поэтому с полным правом можно говорить о двух русских народах: севернорусском (окающий говор) и южнорусском (акающий говор)” (*Зеленин*, 1991. С. 29). Весьма разительны расхождения между севернорусами и южнорусами по этнографическим материалам. Это проявляется и в домостроительстве, и в типах поселений, и в женской одежде, и земледельческих орудиях, и в орнаментации, и в фольклоре. “Для этнографии особенно важно разграничить эти две различные, хотя и очень близкие друг другу народности, а не рассматривать их как одну и ту же”, – подчеркивал ученый. Севернорусская лексика в названиях самых обычных действий и предметов деревенского обихода также сильно отличается от южнорусской. В вопросе о времени и условиях членения русского этноса Д.К. Зеленин разделял гипотезу А.А. Шахматова (*Зеленин*, 1991. С. 29–36).

Середина XX в. – время критики “буржуазной” теории А.А. Шахматова. Ф.П. Филин полагал, что в основе диалектного строения восточного славянства лежат диалекты племен. На базе последних в период феодальных княжеств и формируется северновеликорусское наречие (*Филин*, 1940). Вскоре получает распространение теория о сравнительно позднем формировании диалектного многообразия. В эпоху племенного строя у восточных славян было много диалектов, но племена были неустойчивыми формированиями. В период феодальной раздробленности Руси племенные диалекты были разрушены и сформировались территориальные диалекты. Последние и стали основой членения на севернорусскую и южнорусскую диалектно-этнографические зоны (*Аванесов*, 1947. С. 109–158; 1953. С. 47–70; 1958. С. 155–191). Как позднее образование, обусловленное феодальной раздробленностью, характеризуют севернорусское наречие и авторы монографии, посвященной этому диалектному объединению (Об-

разование севернорусского наречия..., 1970). В этой связи нельзя не привести справедливое замечание А.В. Десницкой: “Что касается диалектных различий русского языка, то хотя тезис об их исторической соотнесенности с территориальной раздробленностью феодальной эпохи и считается общепринятым, он до сих пор, однако, остается недоказанным... нельзя не отметить, что в общем все же не удалось привязать границы диалектных единиц русского языка к границам существовавших некогда феодальных территорий...” (Десницкая, 1970. С. 360). Историк русского средневековья никак не может согласиться с этой гипотезой, поскольку территории феодальных княжеств на протяжении веков никогда не были стабильными, а сами ареалы замкнутыми.

В последние десятилетия XX в. лингвисты и этнографы не затрагивали вопрос об условиях становления северно- и южновеликорусов, лишь отмечая заметные различия между ними. Очевидно, ни языковые, ни этнографические данные не могут дать надежного решения этого вопроса. Так, авторы монографического обзора этнографии русского народа отмечают, что прежде всего на территории Европейской России выделяются северная и южная историко-культурные зоны, заметно различающиеся в говорах и элементах народной культуры. Это – основные этнографические группы русского народа, различающиеся в типах поселений, домостроительстве, народном костюме, орнаментации, особенностях быта и др. (Русские, 1997).

До недавнего времени археология не участвовала в дискуссиях о происхождении двух диалектно-этнографических групп русского народа. Однако к настоящему времени этой наукой накоплено достаточно фактологических материалов, позволяющих рассмотреть этот вопрос. Оказывается, что предыстория северно- и южновеликорусов восходит к периоду первоначального освоения их территорий различными в диалектно-этнографическом отношении праславянскими группами. В настоящей статье предпринята попытка осветить начальный этап истории северновеликорусов.

Как известно, лесная зона Восточно-Европейской равнины в раннем железном веке принадлежала двум этноязыковым массивам. Области от побережья Финского залива до Северного и Среднего Урала, включая Верхнее Поволжье и Прикамье заселяли различные финноязычные племена. Их юго-западными соседями были балты, занимавшие земли от юго-восточного побережья Балтики до Северного Попрпятья и Верхнего Поочья включительно на юге и востоке.

В середине I тыс. н.э. на территории будущего ареала северновеликорусского наречия появляется новое население. Свидетелями миграции являются около 100 памятников периода великого переселения народов (конец IV–V в.) с вещевыми находками среднеевропейских провинциально-римских типов, прежде неизвестных населению этих земель (рис. 1). В римское время эти предметы широко бытовали в Средней Европе (ареалы пшеворской и вельбарской культур). К их числу принадлежат железные шпоры и удила, бритвы, пластинчатые кресала, ювелирные и туалетные пинцеты, В-образные рифленые пряжки, пельтовидные привески в

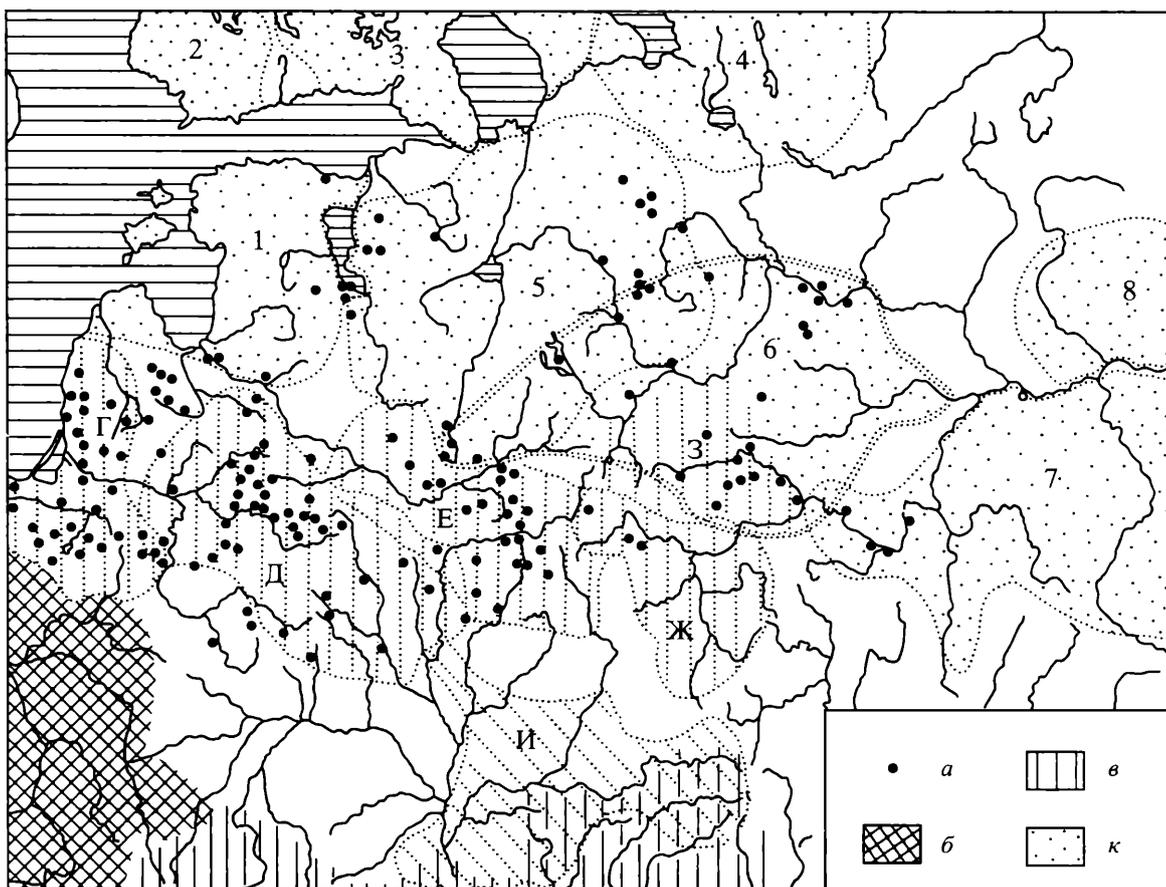

Рис. 1. Памятники средневропейских переселенцев на фоне археологической карты Севера Восточно-Европейской равнины первой половины I тыс. н.э.

а – памятники с вещевыми находками средневропейских провинциально-римских типов; *б* – ареал провинциально-римских культур в Средней Европе; *в* – Черняховская культура; *Г* – западные балты; *Д* – культуры штрихованной керамики; *Е* – днепро-двинская культура; *Ж* – мощинская культура; *З* – москворецкие городища; *И* – киевская культура; *к* – культуры финноязычных племен (*1* – эсто-ливских каменных могильников; *2* – финских каменных могильников; *3* – лууконсаари; *4* – позднекарагопольской; *5* – сетчатой керамики Ильменского бассейна; *6* – дьяковской; *7* – городецкой; *8* – азелинской)

стиле Сёсдал, железные втульчатые наконечники копий с пером пламевидных очертаний, двушипные втульчатые наконечники копий и дротиков, умбон щита типа Либенау, боевые топоры, характерные для “средне-европейских варваров” поздне-римского времени. Центральноевропейское происхождение имеют и некоторые бусы, в частности трех- и двучастные пронизки из стекла темно-фиолетового цвета, типичные для пшеворской и вельбарской культур, стеклянные бусы боченовидной формы с поперечно сжатыми сторонами. Вместе с этими предметами на той же территории получают распространение железные серпы до этого неизвестных здесь форм, каменные жернова для мельниц, а также культуры ржи и овса (Седов, 1999. С. 92–115).

Основным исходным регионом этой миграции в севернорусские земли было Среднее Повисленье. Как показывает картография находок В-об-

разных рифленых пряжек и шпор с острыми коническими шипами и отогнутыми наружу крючками на концах, перемещение среднеевропейского населения шло относительно широкой полосой вдоль возвышенной гряды, оставленной валдайским оледенением – через Мазурское Поозерье, средний Неман, бассейн Нериса–Вилии и далее на северо-восток. Интересно, что такой маршрут миграции славян в севернорусские земли из Повисленья независимо от археологии ранее реконструировался немецким лингвистом Ю. Удольфом по данным топонимики (*Udolph*, 1981. S. 321–336; 1985. S. 33–57).

Среднее Повисленье в римское время было плотно населенным регионом провинциально-римского ареала. К этому времени здесь относятся свыше 600 памятников, принадлежащих преимущественно земледельческому населению. Резкое сокращение числа поселений в этом регионе фиксируется уже в последних десятилетиях IV в. В первой половине V в. все выявленные археологами поселения римского времени были окончательно покинуты населением. Переселение основной массы провинциально-римского населения из Среднего Повисленья в севернорусские земли стоит в одном ряду с миграциями того же времени тевтонов, саксов, англов и ютов из Ютландии и смежных областей Германии и обусловлено было серьезными климатическими изменениями, повлекшими за собой повышение уровня рек и озер, сильное разрастание болот и переувлажнение почвы.

Определение массы земледельческого населения пшеворской культуры как славянского находит надежное подтверждение в данных языкознания и свидетельствах античных авторов. Одним из лингвистических свидетельств проживания славян в римское время в Висло-Одерском регионе являются лексические славизмы, фиксируемые в древнеанглийском языке, основу которого составили диалекты англов, саксов и ютов (*Мартынаў*, 1998). Не подлежит сомнению, что эти западногерманские племена проживали в римское время в Ютландии и смежных землях материковой Европы, а в конце IV – начале V в. переселились на Британские острова. Контакттировать со славянами они могли только в междуречье Одера и Эльбы и только в римское время. В древнеанглийском имелся и этноним венеды. Данные языкознания вполне определенно свидетельствуют также о соседстве славян с западными балтами (*Бернштейн*, 1961. С. 34; *Mažiulis*, 1981. P. 6–7; 1984. S. 166–167), которые надежно локализуются по соседству с территорией пшеворской культуры – от нижней Вислы до Венты, включая Мазурское Поозерье. С будущими летто-литовскими племенами, заселявшими более восточные территории, славяне встретились не ранее V–VI вв.

В “Географическом руководстве”, относящемся к третьей четверти II в. н.э., греческий ученый Птолемей (Свод, 1991. С. 51) называет венедов среди “больших народов” Европейской Сарматии и достаточно определенно связывает их с бассейном Вислы. Восточными соседями венедов Птолемей называет галиндов и судинов – известные западнобалтские племена, локализуемые в междуречье Вислы и Немана. На римской географической карте III в. н.э. венеды-сарматы обозначены южнее Балтийского моря и севернее

Карпатских гор (*Подосинов*, 2002. С. 321–330). О том, что античные вене́ды были славянами, определенно говорит Иордан; германцы продолжали называть славян венедами и в раннем средневековье, и позднее.

В позднеримское время в диалектном отношении славяне членились на три образования (*Седов*, 2003). Северная часть пшеворского ареала принадлежала венетам/венедам, южная, сформировавшаяся в условиях поглощения кельтского субстрата, – собственно славянам. Третья группа – анты междуречья Днестра и Днепра – образовалась в условиях славяно-иранского симбиоза. Эти три группы славян дифференцировались и по этнографическим особенностям, что особенно ярко видно по древностям третьей четверти I тыс. н.э.

Население провинциально-римских культур Средней Европы было полиэтничным. Поэтому, нужно полагать, в составе переселенцев в севернорусские земли были представители разных этносов (германцы, славяне, западные балты). Расселившись на новых землях, они включились в общий этногенетический процесс. Доминирующая роль в нем принадлежала земледельцам-славянам, более приспособившимся к местным условиям. Интересно, что прибалтийско-финские племена, на территории которых поселились славяне, вышедшие из вене́дского ареала, стали называть их венедами. До сих пор все прибалтийско-финские народы именуют русских этнонимами, производными от лексемы вене́ды.

В тех севернорусских областях, где расселились среднеевропейские переселенцы, прежние археологические культуры прекращают свое развитие. В условиях взаимодействия пришлого населения с аборигенами складываются культурные новообразования. В бассейнах озер Псковского и Ильменя образуется культура псковских длинных курганов, отождествляемая с кривичами, в Восточном Приильменье – древности удомельского типа, ставшие ядром культуры сопки, соотносимой со словенскими ильменскими. В Полоцко-Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье расселение среднеевропейцев привело к образованию на части ареалов днепро-двинской и культуры штрихованной керамики единой тушемлинской культуры – балтской со славянскими элементами, а с VIII в. – культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Это уже область формирования белорусов, в генезисе которых значительное место принадлежит балтскому субстрату (*Седов*, 1970. С. 162–190).

Миграционная волна периода великого переселения народов затронула и междуречье Волги и Клязьмы. Появление среднеевропейцев полностью нарушило жизнь и быт местных финнов. Формируется новое культурное образование. Наблюдается коренная перестройка системы расселения. Прежние небольшие поселения, приуроченные к пойменным лугам, в основной массе забрасываются. Получают распространение поселения более крупных размеров, которые тяготели к участкам с наиболее плодородными почвами. Ведущую роль в хозяйстве заняло земледелие. Есть основание говорить о развитии пашенного земледелия при возможной специализации отдельных селений на животноводстве, охоте и рыболовстве. При этом заметно увеличивается численность населения. Новая культура Волго-Клязьмин-

ского междуречья (проявляется с VII в.) именуется А.Е. Леонтьевым мерянской (Леонтьев, 1996).

Однако эту культуру никак нельзя относить исключительно к финноязычной мере. Никакой преемственности между новообразованием и местными древностями раннего железного века не наблюдается. Наоборот, прослеживаются связи с древнерусской как в системе расселения, так и в домостроительстве. Ярким показателем расселения славян в этом регионе является распространение браслетообразных височных колец, которые бытовали здесь как типично славянские до XIII столетия включительно. Мысль о том, что славянам в междуречье Волги и Клязьмы принадлежит исключительно гончарная керамика, а лепная является показателем финноязычной меры, должна быть отвергнута. Так же, как и высказанная много лет назад мысль о появлении славян в этом регионе только с распространением курганного обряда погребения.

Есть все основания полагать, что миграционные волны периода великого переселения народов и заложили ядро будущих северновеликорусов. Последующие пополнения славянским населением севернорусских земель были не миграционными, а инфильтрационными. Таковым было расселение славян в течение VII–X вв. из Дунайского региона, очевидно послужившего основой для летописного рассказа о происхождении славян с Дуная (Sedov, 2001. S. 339–347), притоки кривичского населения из Смоленского Поднепровья или южнорусского населения в области Северо-Восточной Руси.

С самого начала освоения славянами северновеликорусского и южновеликорусского ареалов они существенным образом отличаются по домостроительству (Раннопорт, 1975; Древняя Русь, 1985. С. 136–153). Поселения волынцевской, роменской, боршевской и родственной им культуры верхней Оки и Рязанского Поочья, занимающие будущие южнорусские земли, характеризуются полуземляночными постройками. Напротив, как показывают раскопки Изборска, Пскова, Ладоги, Новгородского (Рюрикова) городища и других селений, на севернорусской территории начиная с V–VII вв. доминировали наземные срубные избы, чаще с несколько приподнятыми досчатыми полами, отапливаемые каменками, реже глиняными печами. Эта дифференциация домостроительства особенно отчетливо проявляется и в памятниках X–XI вв. (рис. 2). Только во второй половине XII–XIII вв. наблюдается проникновение наземных жилищ в города южнорусского региона при сохранении полуземляночных построек. Не подлежит сомнению, что в основе северновеликорусской избы, описываемой этнографами, лежит северное древнерусское жилище; южнорусская же хата является наследницей древнерусской полуземлянки.

Севернорусская одежда также отличалась от остального восточнославянского мира уже в IX–XIII вв., а по упоминаемым выше браслетообразным височным кольцам с сомкнутыми концами и ранее, в V–VIII вв. Картографирование этих украшений (рис. 3) показывает их исключительное распространение на территории, которая начала осваиваться средневропейскими переселенцами. В том же ареале в эпоху Древней Руси имели широкое хождение явно производные от этих украшений – браслетообразные за-

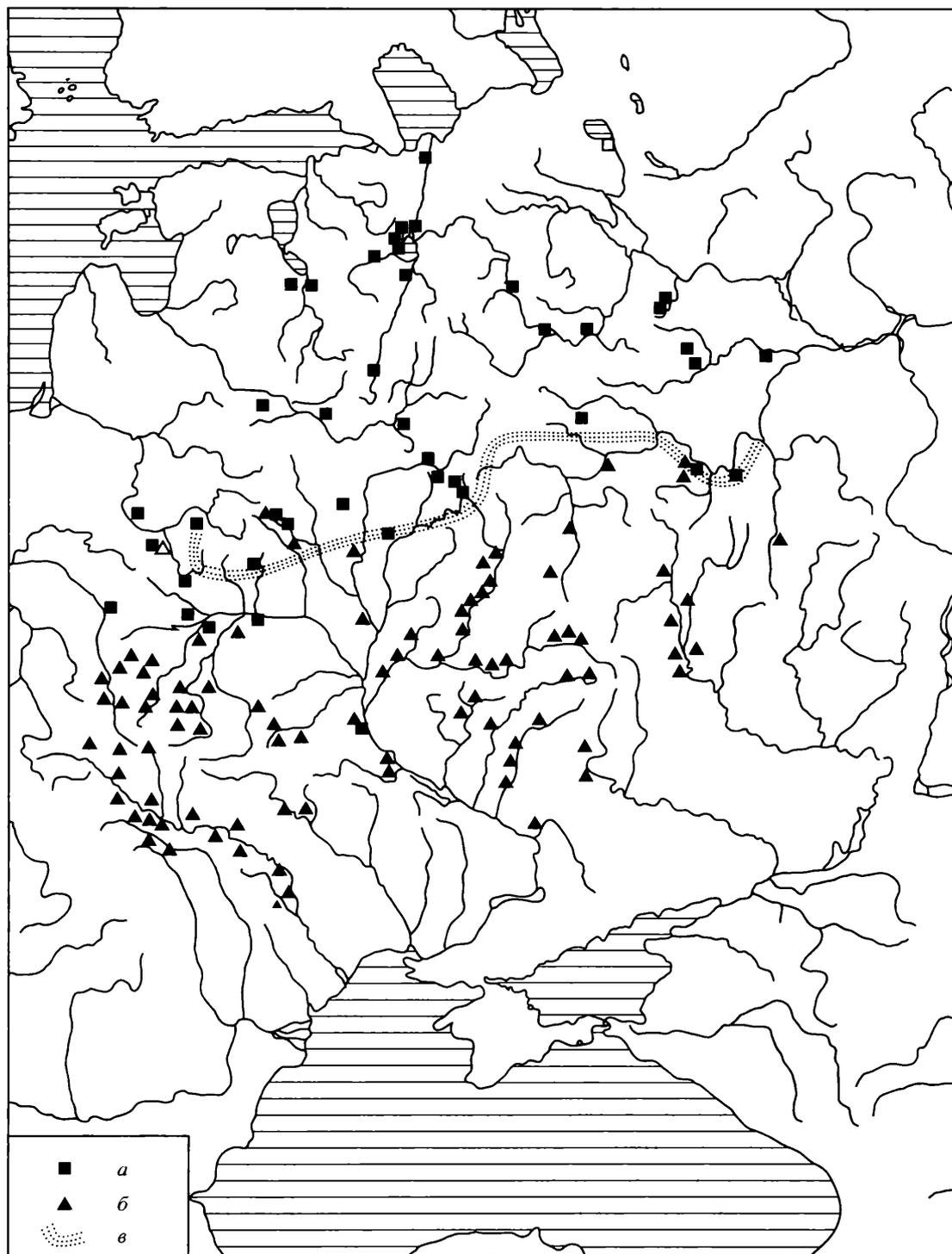

Рис. 2. Распространение наземных и полужемлячных жилищ VIII–XI вв. (по П.А. Раппопорту с дополнениями)

a – поселения с наземными жилищами; *б* – поселения с полужемлянками; *в* – южная граница расселения средневропейских (венедских) славян

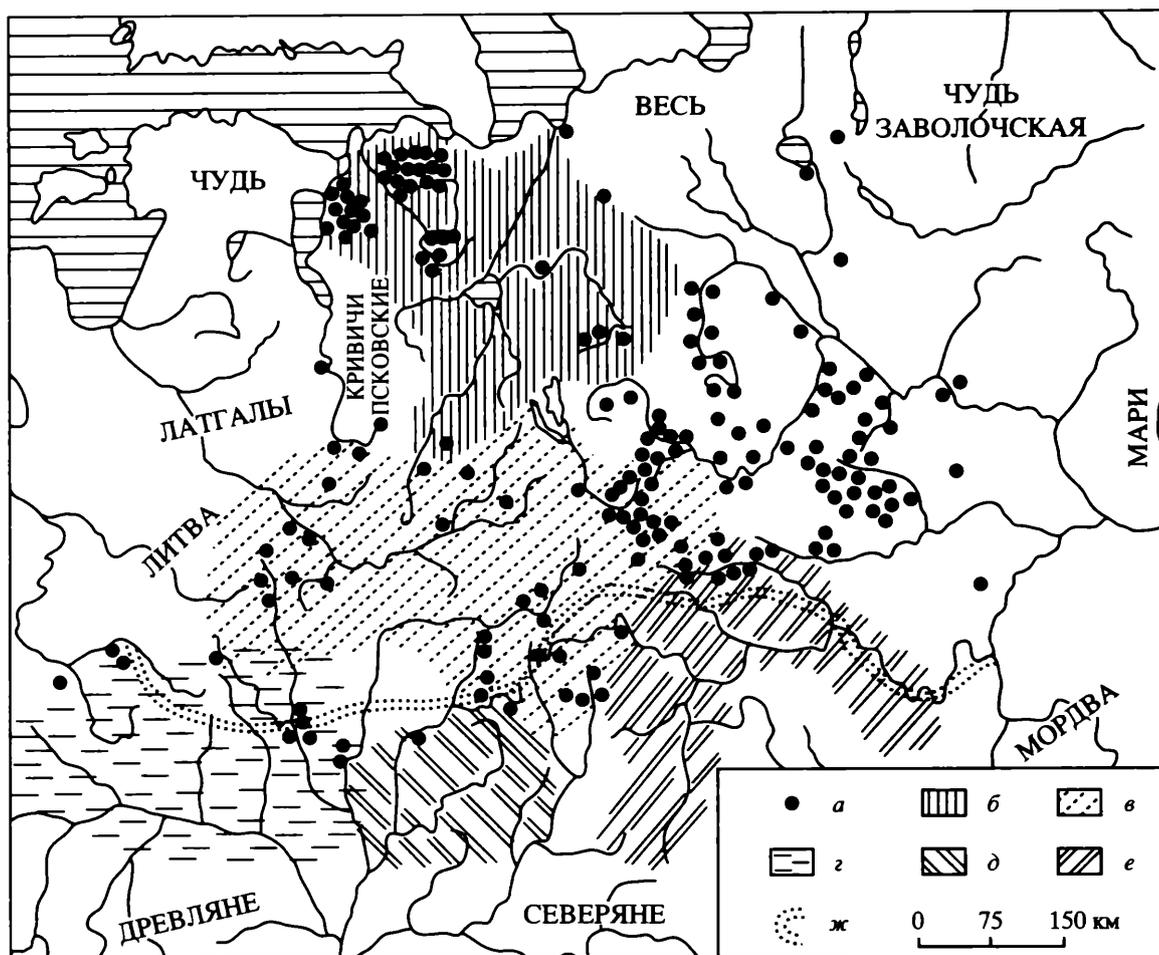

Рис. 3. Распространение браслетообразных незавязанных височных колец в X–XIII вв.
a – памятники с находками этих украшений; *б* – ареал ильменских словен; *в* – смоленско-полоцких кривичей; *г* – дреговичей; *д* – радимичей; *е* – вятичей; *ж* – южная граница расселения среднеевропейских (венедских) славян

вязанные височные кольца, ставшие этнографическим маркером смоленско-полоцких кривичей, и ромбоштитковые кольца, соотносимые со словенами ильменскими.

Другим показателем специфики женской одежды северновеликорусского ареала является широкое использование в X–XII вв. подковообразных фибул (рис. 4). В этом отношении севернорусская одежда находит параллели в женском наряде летто-литовских и некоторых финских раннесредневековых образований.

С рассматриваемым северным регионом связано также довольно широкое бытование нагрудных пластинчатых привесок-коньков так называемого “смоленского типа” (рис. 5). Имеются и некоторые другие особенности украшений женского костюма севернорусского региона, но они пока представлены небольшим числом находок.

Рассмотренные материалы дают все основания полагать, что начало становления северновеликорусской диалекто-этнографической общности

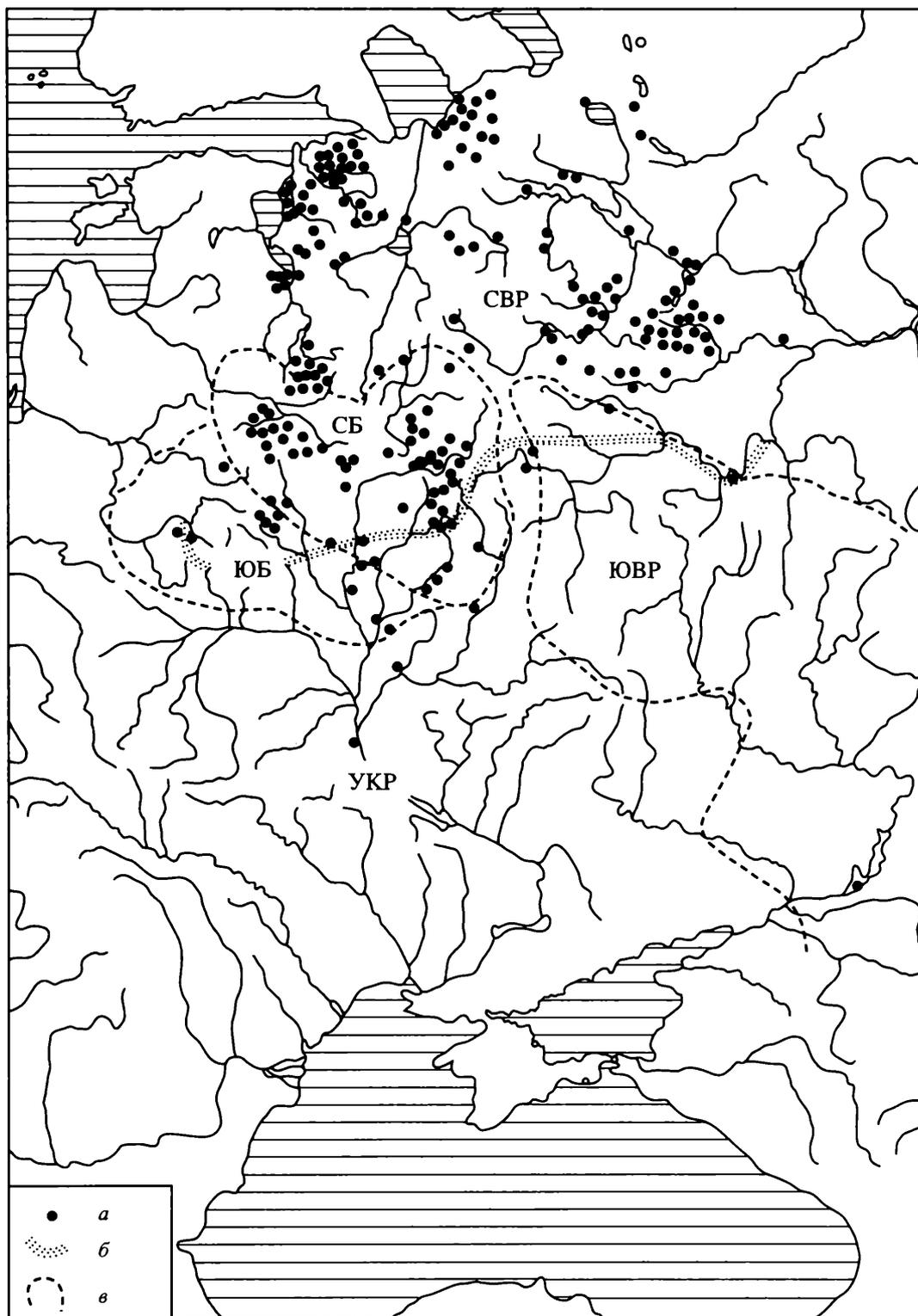

Рис. 4. Распространение подковообразных фибул на древнерусской территории в X–XIII вв.
a – памятники с находками таких украшений; *б* – южная граница расселения средневропейских (венедских) славян; *в* – границы наречий и диалектов согласно “Диалектологической карте русского языка в Европе” (СВР – северновеликорусское наречие (включая псковские говоры); ЮВР – юновеликорусское наречие; СБ – севернобелорусские говоры; ЮБ – южнобелорусские говоры; УКР – украинские говоры)

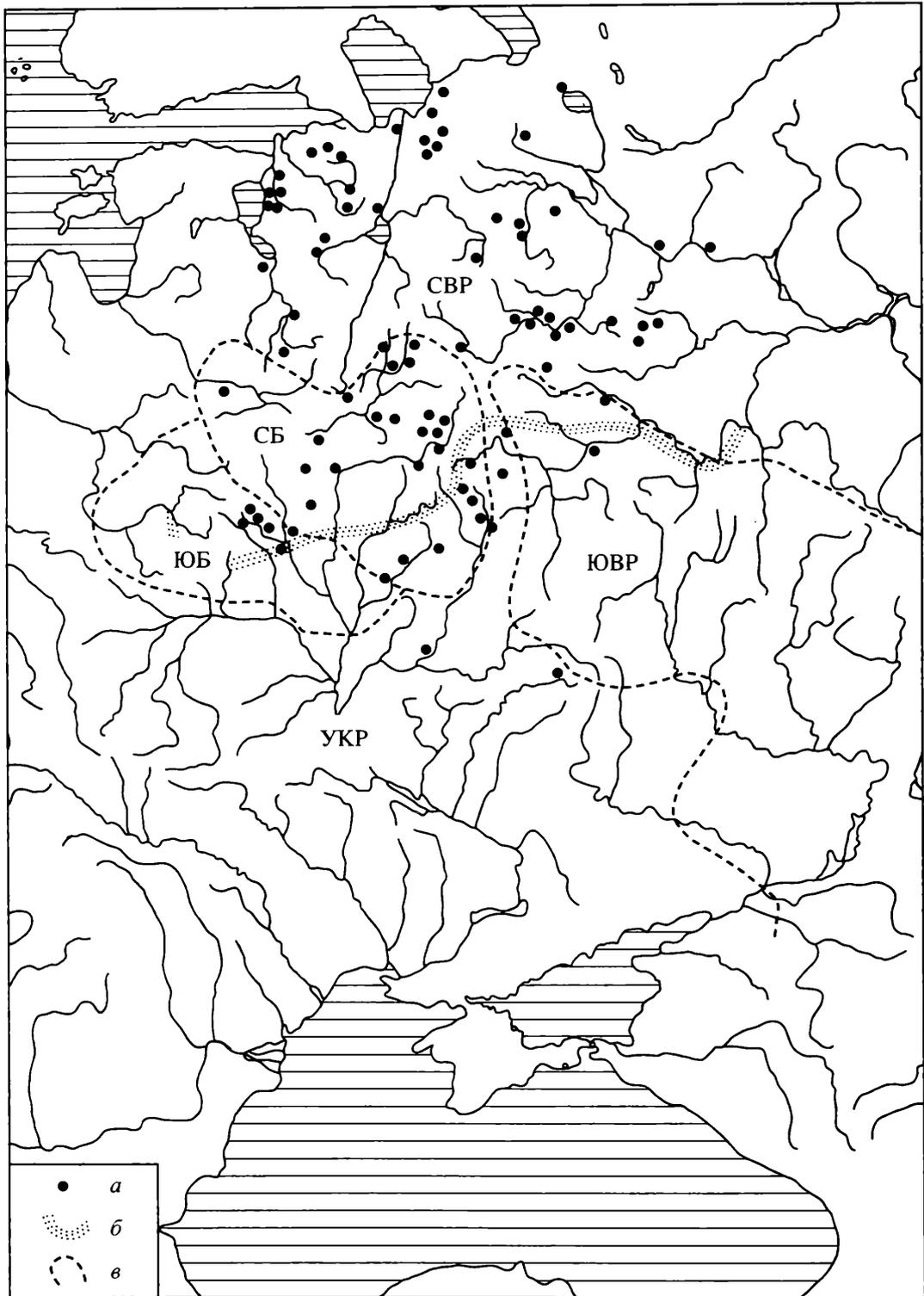

Рис. 5. Распространение плоских привесок-коньков “смоленского типа” на древнерусской территории в X–XIII вв.

а – памятники с находками таких привесок; *б* – южная граница расселения северноевропейских (венедских) славян; *в* – границы наречий и диалектов согласно “Диалектологической карте русского языка в Европе” (СВР – северновеликорусское наречие (включая псковские говоры); ЮВР – южновеликорусское наречие; СБ – севернобелорусские говоры; ЮБ – южнобелорусские говоры; УКР – украинские говоры)

восходит к средневропейской (венедской) группе, расселившейся в северных областях Восточно-Европейской равнины в период великого переселения народов. Эта же группа славян, судя по всему, участвовала и в генезисе северных белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И.*, 1947. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестн. МГУ. № 9.
- Аванесов Р.И.*, 1953. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания. № 5.
- Аванесов Р.И.*, 1958. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и древнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопросы формирования русской народности и нации. М.
- Бернштейн С.Б.*, 1961. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
- Десницкая А.В.*, 1970. К вопросу об историческом содержании понятия "диалект" // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.
- Древняя Русь*, 1985. Древняя Русь: Город, замок, село. М. (Археология СССР).
- Зеленин Д.К.*, 1991. Восточнославянская этнография. М. Перевод кн.: *Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde*. Berlin; Leipzig, 1927.
- Леонтьев А.Е.*, 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Мартынаў В.В.*, 1998. Прадзіна славян: Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии, М., 1970.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии / Сост. Н.Н. Дурново, М.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков. М., 1915.
- Подосинов А.В.*, 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции: Текст. Перевод. Комментарий. М.
- Раппопорт П.А.*, 1975. Древнерусское жилище Л. (САИ. Вып. Е1-32). Русские, 1997. М.
- Свод, 1991. Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. I (I-VI вв.).
- Седов В.В.*, 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В.В.*, 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.
- Седов В.В.*, 2003. Славяне в римское время: XIII Международный съезд славистов (Словения, 2003). М.
- Филин Ф.П.*, 1940. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л. (Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена; Т. XXVII).
- Шахматов А.А.*, 1894. К вопросу об образовании русских наречий // Русский филологический вестник. СПб. № 3.
- Шахматов А.А.*, 1899. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. № IV.
- Шахматов А.А.*, 1915. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.
- Шахматов А.А.*, 1916. Введение в курс истории русского языка. Пг. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и русских народностей.
- Шахматов А.А.*, 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Lehr-Splawiński T.*, 1921. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich // Rocznik slawistyczny. T. IX, z. 1.
- Lehr-Splawiński T.*, 1957a. Kilka uwag o wspólności językowej praruskiej // Studii i skize wybrane z językoznawstwa słowiańskiego. Warszawa.
- Lehr-Splawiński T.*, 1957b. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich // Studii i skize wybrane z językoznawstwa słowiańskiego. Warszawa.
- Mažiulis V.*, 1981. Apie senovės vakaru baltas bei ju santakius su slavais, ilirais ir germanais // Iš lietuviu etnogenezés. Vilnius.

Mažiulis V., 1984. Zum Westbaltischen und Slavischen // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 29.

Sedov V.V., 2001. O migraci Slovanů ze středního Podunají do východní Evropy // *Velká Morava mezi Východem a Západem*. Brno. (Spisy Arch. ústavu AV ČR Brno 17).

Trubetzkoy N., 1925. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig. Bd. I, Doppelheft 3/4.

Udolph J., 1981. Die Landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. Bd. 29.

Udolph J., 1985. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässeramen für Ethnogenese der Slaven // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Heidelberg. Bd. XLV, H. 1.

М.М. Казанский, П. Перен

МОГИЛА ХИЛЬДЕРИКА (481/482 г.): СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цель данной работы – ознакомить российских исследователей с современным состоянием изучения наиболее известной меровингской находки: погребения франкского короля Хильдерика (умер в 481/482 г.), обнаруженного в 1653 г. в г. Турнэ (сейчас в Бельгии). Напомним, что Хильдерик, отец знаменитого Хлодвига, являлся королем одной из групп франков в Северной Галлии. В молодости, в 460-е годы за распутное поведение он был изгнан своими подданными и пребывал при дворе тюрингского короля, откуда, впрочем, он снова через какое-то время вернулся на трон, вместе с Базинной, соблазненной им женой тюрингского короля (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.12). Хильдерик принимает участие в военных действиях римско-франкской армии против визиготов на Луаре. Затем он вступает в союз с Одоакром, главнокомандующим западноримской армией и фактическим правителем империи, вместе они предпринимают операции против аламаннов, вторгшихся в Италию (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.18, 19). Впоследствии, из письма Св. Реми к Хлодвигу мы узнаем, что Хильдерик умер в 481/482 г. в должности губернатора провинции Бельгика II (современная Юго-Западная Бельгия, а также часть Шампани и Пикардии, с такими важными римскими городами, как Реймс, Турнэ, Суассон). При этом он сохраняет статус короля одной из франкских группировок. По сообщениям Григория Турского можно установить существование в Северной Галлии нескольких франкских королевств. Одно из них, принадлежавшее Хильдеригу, а впоследствии его сыну Хлодвигу (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.27), имело столицу в Турнэ, как, собственно, и свидетельствует находка могилы 1653 г. Другое франкское королевство, где правил некий Рагнакарий, имело столицу в Камбрэ (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.42), недалеко от Турнэ. Возможно, там же имел резиденцию и его брат Рикер, хотя в тексте об этом прямо и не сказано (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.42). В городе Ле Ман, на границе с Бретанью, правил их родственник Ригномер (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.42). Наконец, где-то в Северной Галлии находилось и королевство Харариха, который в 486 г. не явился

на помощь Хлодвигу во время сражения за Суассон с римским предводителем Сиагрием (*Grégoire de Tours*, 1963, 2.41). Все эти короли были уничтожены Хлодвигом в конце 480-х годов.

Погребение Хильдерика найдено случайно в 1653 г. и сразу же опознано по именному перстню. Материал, с невероятной для того времени точностью в рисунках (частично здесь воспроизводимых: рис. 1–4), хотя и с наивными реконструкциями и интерпретациями (рис. 2 и 3), был опубликован в 1655 г. (*Chilfet*, 1655). Вещи после пребывания у австрийского императора, были подарены французскому королю и поступили в Кабинет Медалей, откуда они были украдены в 1831 г., большая часть из них была переплавлена. Оставшиеся вещи, спасенные полицией, снова вернулись в Кабинет Медалей, где находятся и поныне (*Périn, Feffer*, 1997. Р. 127–139).

В момент находки особенности погребального обряда не были, естественно, зафиксированы. Это несомненно ингумация, так как отмечено присутствие человеческих костей, в том числе двух черепов, один из которых отличался меньшими размерами. Возможно, это было парное погребение, однако “женские” предметы в инвентаре надежно не выделяются¹. Из погребения, согласно публикации 1655 г., происходит и лошадиный череп.

В состав инвентаря входят предметы вооружения (меч, скрамасакс, копье, топор), инсигнии (римская Т-образная фибула, золотой массивный браслет с расширенными концами, именной перстень), предметы поясной и вероятно обувной гарнитуры, а также портупейного убора, в частности пряжки и ременные наконечники, многочисленные накладки, возможно, связанные с личным убором, воинской экипировкой и конским снаряжением² (рис. 1–4), золотые византийские и западноримские монеты в кожаном кошельке (сохранились остатки кожи), датирующиеся от 402–450 по 474–491 гг.³ В целом погребальный инвентарь Хильдерика типичен для могил франкских и аламанских воинских предводителей второй половины V в., его отличают лишь инсигнии. Интересно, что в погребальном инвентаре нашел отражение двойственный социальный статус франкского короля. С одной стороны, в его могиле найден типичный для варваров V в. статусный во-

¹ По К. Бенеру, к женским вещам относятся золотая игла (возможно, обломок булавки) и хрустальный шарик, видимо, служивший подвеской, типичной для женского раннесредневекового костюма (*Böhner*, 1980). Такие подвески хорошо известны по всей Европе (см., например: *Мастыкова*, 2000. С. 43). Однако, по мнению Й. Вернера (*Werner*, 1971), хрустальный шарик из могилы Хильдерика слишком велик для подвески.

² Так, К. Бенер (*Böhner*, 1980) отнес к конскому убору часть накладок и обойм, но Й. Вернер (*Werner*, 1991. Р. 15–18) их связал с костюмом.

³ Присутствие в инвентаре обоймы в виде головы быка было не так давно истолковано некоторыми коллегами как доказательство принадлежности Хильдерика к поклонникам египетского божества Аписа, символизируемого быком (*Arrhenius*, 1997). Столь экстравагантная гипотеза нуждается, по нашему мнению, в дополнительной аргументации, поскольку, исходя только из присутствия в могиле изображения быка, можно объявить Хильдерика и, скажем, индуистом. В принципе же быки ассоциируются с большинством индоевропейских языческих культов Европы.

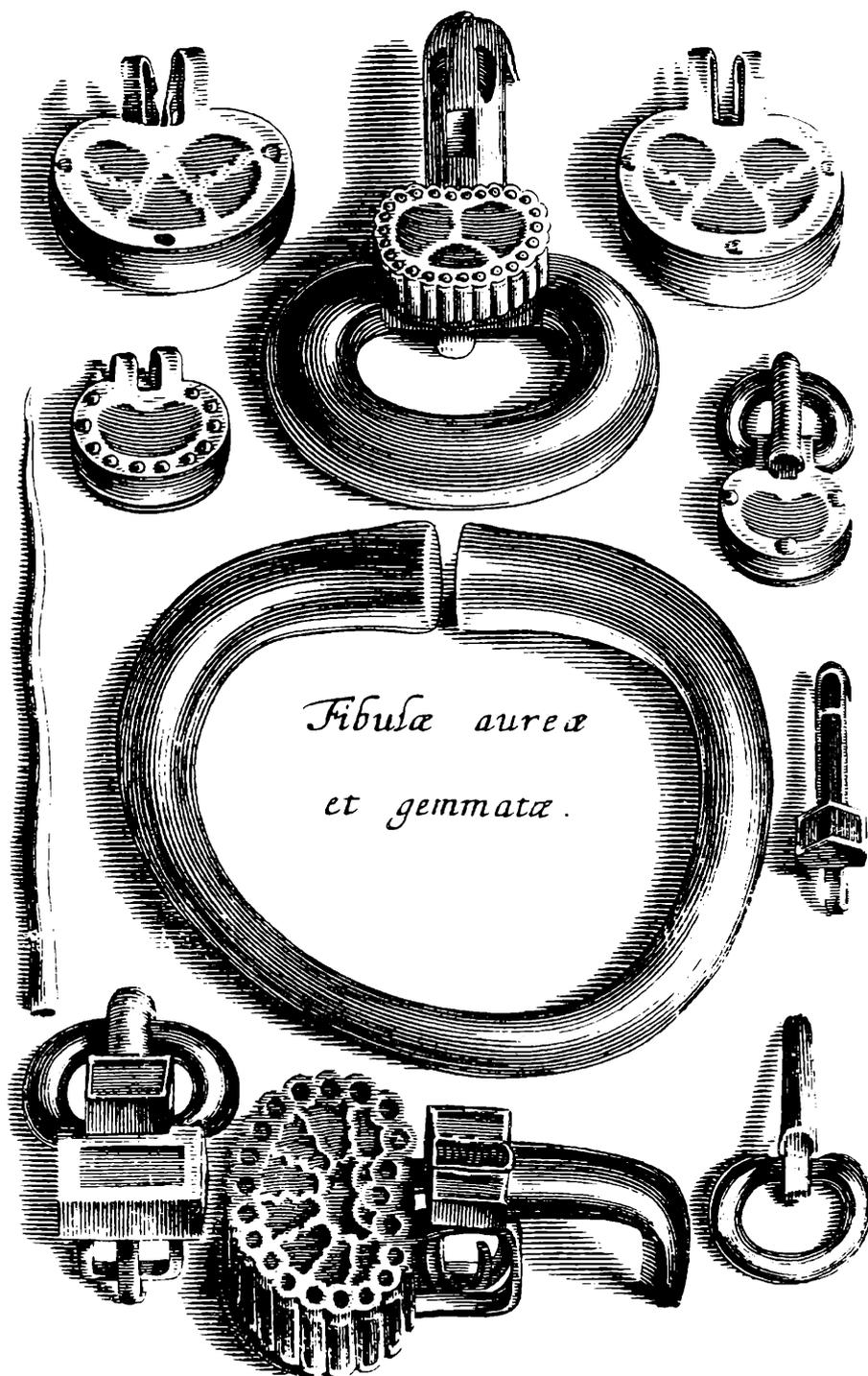

Рис. 1. Вещи с перегородчатой инкрустацией, золотой браслет и золотая игла из могилы Хильдерика (Chiflet, 1655)

182

A N A S T A S I S

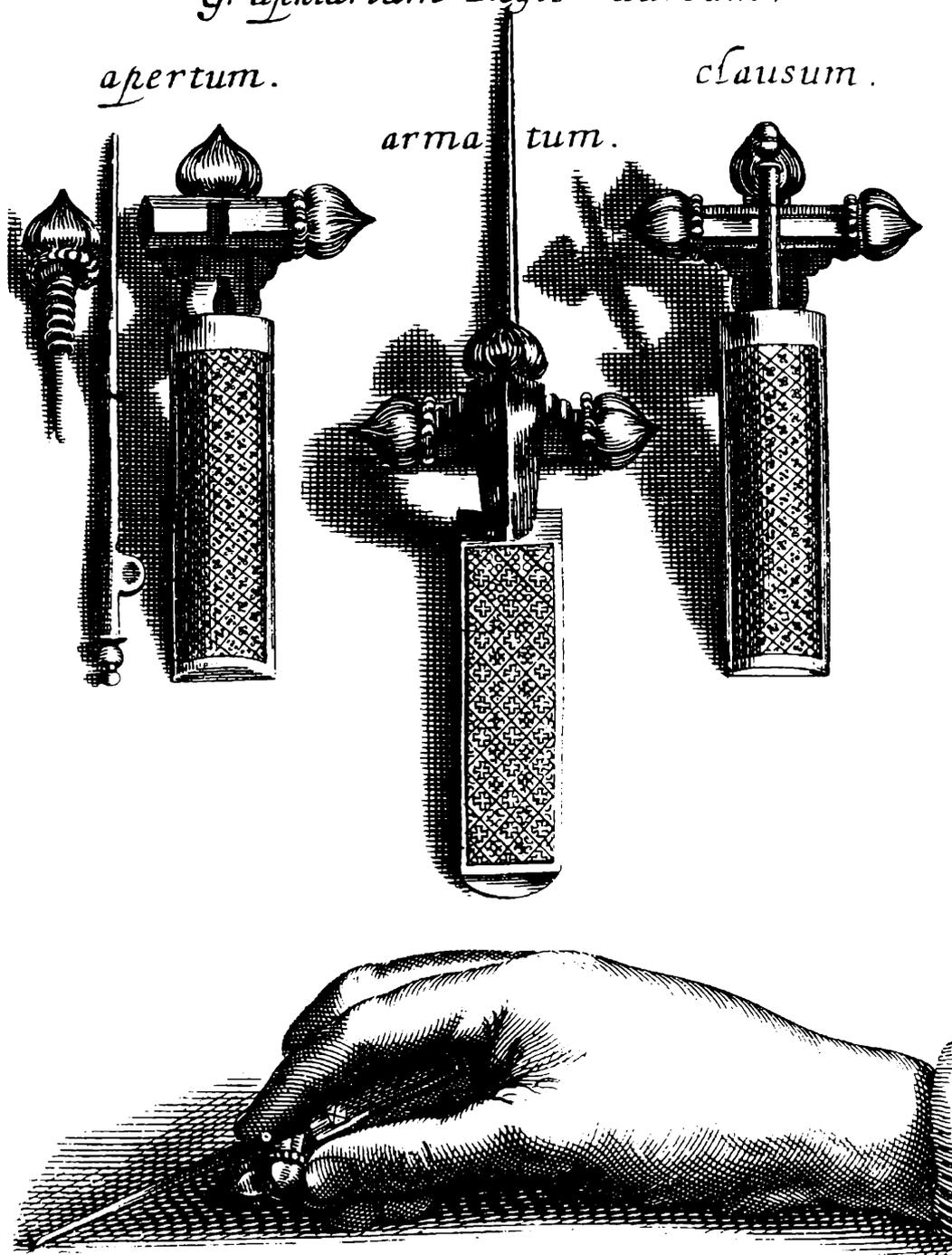
*Graphiarium Regis aureum.**apertum.**clausum.**armatum.*

Рис. 2. Т-образная фибула из могилы Хильдерика (Chiflet, 1655)

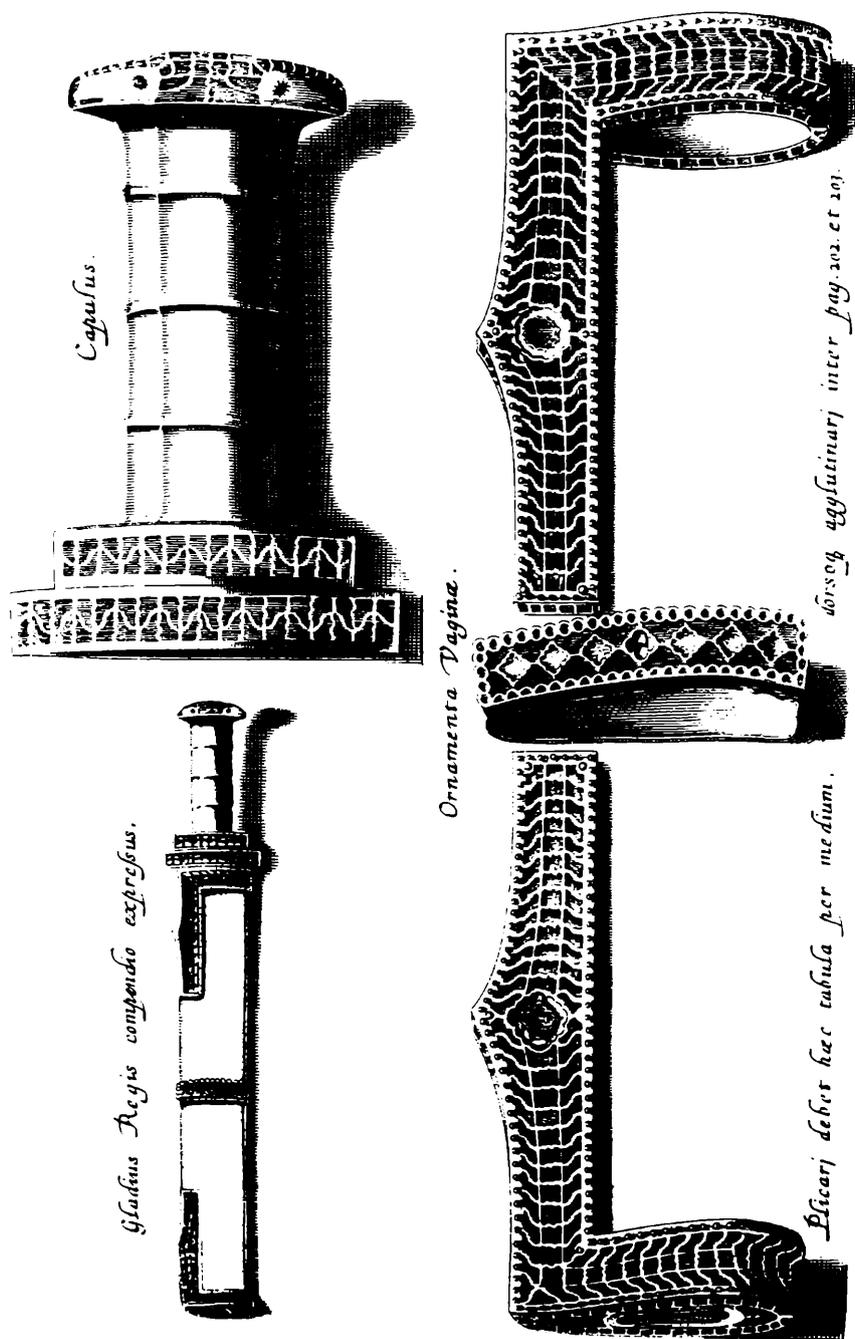

Рис. 3. Детали меча и скрамасакса, с реконструкцией, предложенной в 1655 г. (по Chiffet, 1655)

26

A N A S T A S I S

*Phalera**Regy Equi.*

Рис. 4. Вещи с перегородчатой инкрустацией из могилы Хильдерика (Chiflet, 1655)

инский набор (парадный меч, богатая гарнитура⁴, возможно конская упряжь: рис. 1, 3, 4), “королевский” золотой браслет с расширенными концами (рис. 1) (об их особой символике см.: *Werner*, 1980) и перстень с указанием королевского титула. С другой стороны, отсюда же происходит и Т-образная золотая фибула типа Келлер 6 (рис. 2), которую высшие римские чиновники получали от императора вместе с официальной мантией при вступлении в должность. Аналогии ей представлены в гепидской “королевской” могиле Апахиды 1 в Трансильвании, а также в Риме (находка на Палатинском холме) и в итальянском кладе Реджио-Эмилия. Таким образом, окружение Хильдерика, совершавшее погребение, хотело продемонстрировать, что покойный являлся королем для своих варварских подданных и одновременно законным римским губернатором для граждан Империи (*Böhner*, 1980; *Werner*, 1971, 1991; *Kazanski, Périn*, 1988; *Périn, Kazanski*, 1996).

В 1983 г. бельгийский археолог Р. Брюле начал раскопки вокруг могилы Хильдерика (*Brulet*, 1990–1991). В результате его работ выяснилось, что рядом с могилой Хильдерика возникает раннемеровингский некрополь, но пространство непосредственно вокруг королевского погребения остается незанятым, возможно, оно было перекрыто большой курганной насыпью. Вокруг гипотетического кургана были обнаружены лишь три ямы с костяками забитых на похоронах верховых коней (присутствует 21 особь), возможно этих ям было и больше (рис. 5).

Как вещи Хильдерика, так и обряд его захоронения стали сюжетом ряда исследований. При этом основное внимание исследователей в последнее время было сосредоточено на внешних контактах и влияниях, отразившихся в инвентаре и погребальном обряде могилы Хильдерика. Сейчас намечаются два направления таких влияний: средиземноморское и центральноевропейское.

В последнее время, благодаря работам Б. Аррениус (*Arrhenius*, 1985) стало ясно, что так называемый стиль перегородчатой инкрустации меровингского времени имеет средиземноморское происхождение. Предполагается, что основная масса украшений этого стиля, найденная в Европе, в том числе парадное оружие, конская сбруя и элементы костюма, происходящие из могилы Хильдерика, были изготовлены либо в константинопольских мастерских, либо в ателье-сателлитах, работавших в византийских традициях. Действительно, техника крепления гранатовых пластинок на цементе, а также иконография орнаментальных мотивов инкрустаций находят прямые аналоги в украшениях из могил и кладов дунайских королей V в., таких как Апахиды, Блучина, Клуж-Сомешени и т.д., константинопольское происхождение которых сейчас признается практически всеми исследователями (*Arrhenius*, 1985, 1997; *Böhme*, 1994).

Это побудило некоторых археологов рассматривать погребальный инвентарь из могилы в Турнэ как прямое доказательство византийско-франк-

⁴ По мнению Д. Кваста, многочисленные накладки в виде цикад украшали портупейный ремень (*Quast*, 2003). К сожалению, никакой информации об их позиции в могиле нет, и на сегодняшний день нам неизвестны другие портупейные ремни V в., украшенные накладками. По мнению Й. Вернера, цикады скорее были нашиты на плащ (*Werner*, 1991. P. 15).

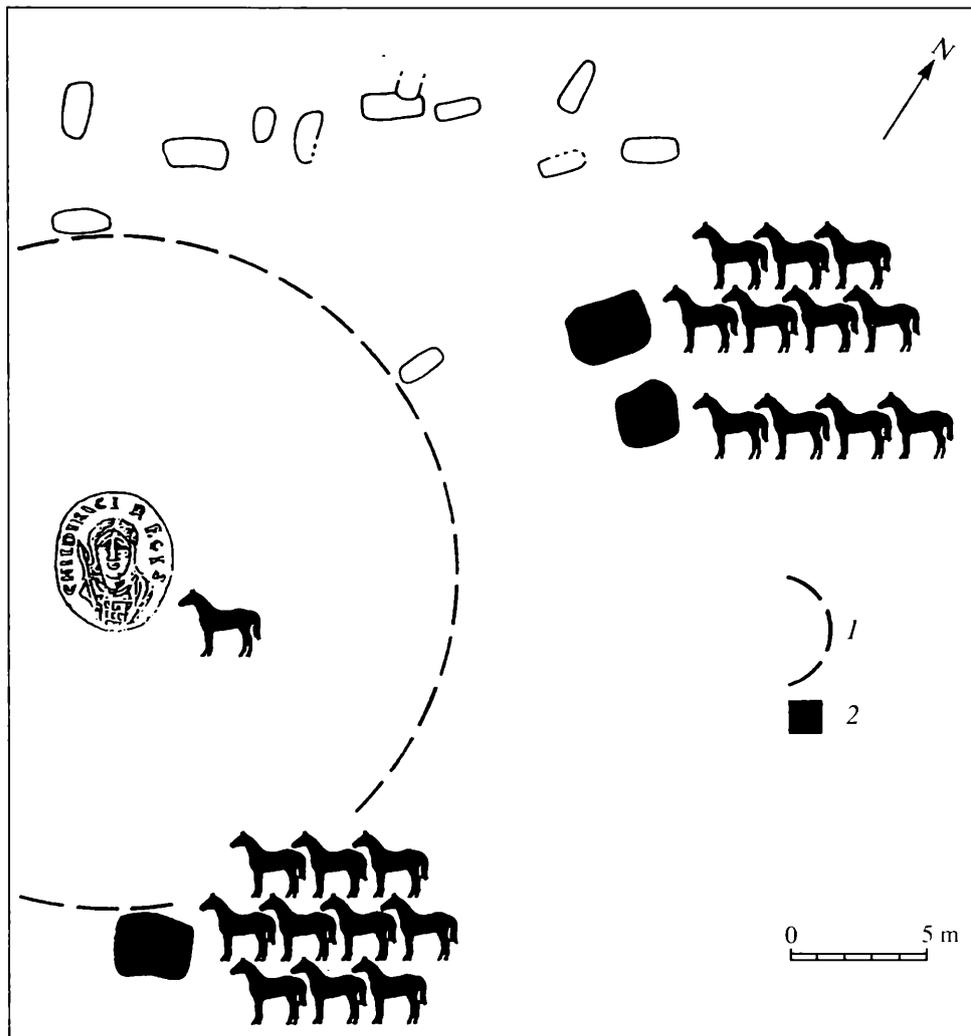

Рис. 5. Реконструкция ситуации вокруг могилы Хильдерика (Müller-Wille, 1997)
 1 – предполагаемая граница курганной насыпи; 2 – ямы с конскими жертвоприношениями

ских контактов (Arrhenius, 1985; Böhme, 1994; Quast, 1997). Предполагается, что появление константинопольских вещей в уборе и экипировке Хильдерика связано с его политическими симпатиями, а именно с его провизантийской ориентацией (Böhme, 1994). Вещи Хильдерик мог получить из Константинополя в качестве дипломатических подарков. Остается, однако, доказать саму реальность подобного рода контактов, так как письменные источники не говорят о них ни слова. Насколько можно судить по “Истории франков” Григория Турского, единственном достоверном источнике для времени Хильдерика, вся деятельность этого короля была связана с Галлией и политикой Западной, а не Восточной Римской империи. Будучи официальным губернатором западноримской провинции Бельгика II и союзником Одоакра, фактического властелина Западной Римской Империи, Хильдерик вряд ли стал бы принимать подарки из Константинополя, поскольку это было бы крайне не лояльно по отношению к тому же Одоакру. Да и константино-

польские императоры вряд ли стали бы тратить на совершенно им не нужного далекого варвара. Впоследствии сын Хильдерика, Хлодвиг, получил из Константинополя консульские инсигнии, но он был к тому времени христианским королем объединенной им Галлии (за исключением бургундских территорий на восточной границе), т.е., в отличие от его отца, представлял собой политическую фигуру общеевропейского значения.

Что же касается техники украшения парадных вещей из могилы Хильдерика, то следует напомнить, что подобные изделия, с теми же декоративными мотивами, во второй половине V в. хорошо известны не только в Восточном, но и в Западном Средиземноморье, в первую очередь в Италии. Так, четырехлепестковые вставки, представленные на нескольких вещах из могилы Хильдерика, присутствуют также на украшениях из Аквасанты, Форчеллы и Торре дель Маньяно (рис. 6, 1, 10, 12). Зигзагообразные линии пергородок, как на вещах из Турнэ, имеются и на украшениях из клада в Доманьяно, и на птицевидных фибулах из Рима (рис. 6, 5, 6, 9). Бордюры, украшенные круглыми пластинками в цилиндрических гнездах, известны как на вещах Хильдерика, так и на украшениях из Аквасанты (рис. 6, 2). “Жемчужные” бордюры из мелких круглых гранатов появляются на фибуле из Десаны (рис. 6, 7), а чешуйчатый декор, как на одном из ременных наконечников в могиле Хильдерика, имеет параллели на птицевидных фибулах из Доманьяно (рис. 6, 9). “Ступенчатый” декор ножен меча Хильдерика имеет аналоги в Аквасанте и на вещах из Ломбардии (рис. 6, 12) и т.д. (*Kazanski, Périn*, 1996. P. 208; *Kazanski, Mastykova, Périn*, 2002. P. 159, 160). Разумеется, все эти мотивы имеются на украшениях не только в Италии, но и по всему Средиземноморью, мы хотим лишь подчеркнуть, что они не являются особенностью только византийских украшений.

Двупластинчатые фибулы восточногерманской традиции из Десаны и Тестоны (рис. 6, 7, 8), украшения из ранней части клада Доманьяно (например, рис. 6, 6, 9), а равно как и другие вышеперечисленные находки, в свое время относили ко времени остроготского королевства в Италии, т.е. к первой половине VI в. (*Bierbrauer*, 1975). Однако сейчас, в связи с уточнением дунайской варварской хронологии, многие из этих вещей соотнесены со второй половиной V в., т.е. со временем, когда Италией фактически правили генералы варварского происхождения, такие как Рикимер, Гундобавт или Одоакр (*Menke*, 1986; *Tejral*, 1997). Действительно, например, германские фибулы из Тестоны и Десаны по форме ближе всего к дунайским двупластинчатым фибулам горизонта Смолин – Косино (*Kazanski, Périn*, 1997), датированным периодами Д2/Д3 и Д3, т.е. 430/440–470/480 гг. (*Tejral*, 1997). Они хорошо отражают вкусы военной варварской аристократии, которая в это время контролировала Италию. Они ни имеют ничего общего, кроме техники декора, с вещами византийского круга и наверняка были произведены на месте, возможно, в мастерской при равеннском дворе. Украшения женского убора из знаменитого клада в Доманьяно, по крайней мере в его наиболее древней части, очень близки по технике и иконографии инкрустационного декора фибулам из Тестоны и Десаны и отличаются по тем же параметрам от украшений остроготского времени (*Bierbrauer*, 1995. P. 43). Кстати, суще-

Рис. 6. Вещи с перегородчатой инкрустацией позднего V в., происходящие из Италии (1, 2, 4–12), или итальянского производства (Viegbauer, 1975)
 1 – Форчелла; 2, 12 – Аксанта; 3 – Барбинг-Ирлмаут; 4 – Пистойя; 5 – Рим; 6, 9 – Доманьяно; 7 – Десана; 8 – Тестона; 10, 11 – (точное происхождение неизвестно)

Без масштаба

ствование италийской мастерской по производству украшений в стиле перегородчатой инкрустации уже давно предполагалось Й. Вернером (*Werner*, 1958). Это италийское производство украшений в стиле перегородчатой инкрустации сохранилось и позднее, при остроготах, в первой половине VI в. Так, остроготская пряжка типа Крайнбург, с двумя орлиными головками и с декором в стиле перегородчатой инкрустации (*Bierbrauer*, 1975. Taf. 25, 1) явно сделана в Италии, поскольку вне остроготской территории такие пряжки встречаются редко (два случая, в Испании и в Крыму).

Можно предположить существование на римско-германском Западе и других мастерских по производству украшений в стиле перегородчатой инкрустации. Так, в Трессане (Лангедок) найдена пряжка, украшенная в константинопольской технике, однако форма пряжки известна только в данном регионе. Несомненно эту дорогую пряжку сделали на месте, возможно для знатного визигота, которые в то время владели Юго-Западной Галлией (*Kazanski, Périn*, 1996. P. 206). Отметим, что визиготы были заклятыми врагами Византии и ни при каких обстоятельствах не могли рассчитывать на получение подарков из Константинополя. Скорее всего у них была своя мастерская по производству модных украшений. Кстати, и сама Б. Аррениус предполагает существование на Западе местных мастерских, работавших в константинопольской традиции. К их продукции шведская исследовательница относит предметы из таких важных находок второй половины V – начала VI в., как Лавуа (“вождеское” погребение 319 на меровингском могильнике в Восточной Франции), Гюлтлинген (погребения аламаннских предводителей в Юго-Западной Германии), Планиг (погребение франкского вождя на Рейне) и др. (*Arrhenius*, 1985. P. 119). В целом, не следует преувеличивать степень отсталости и одичания римско-германского Запада по сравнению с Византией. Исследования последних десятилетий показали, что эпоха исчезновения Римской империи и варварских вторжений не характеризуется каким-то особым экономическим или культурным упадком, даже в таких “чувствительных” регионах, как, например, вандалская Северная Африка. Любому специалисту, хоть раз видевшему, например, мозаики баптистериев Равенны, ясно, что ни о какой культурной деградации, ни о каких потерях ремесленных навыков, по сравнению с предшествующим временем, не может быть и речи. Более того, некоторые тексты, например, “Житие Св. Северина” позволяют предполагать наличие даже в Барбарикуме ювелиров, производивших при королевских дворах на заказ модные вещи (речь конкретно идет о дунайских ругах: *Eugippe*, 1991. P. 8.2).

Знаем мы в Италии для второй половины V в. и привилегированные погребения с мечами и гарнитурой, украшенной в стиле перегородчатой инкрустации, отражающие ту же воинскую погребальную символику, что и экипировка из могилы Хильдерика. Такое погребение было найдено в Капрайе (*Ducci, Ciampoltrini*, 1991), оно принадлежит знатному варвару, современнику и, если можно так выразиться, коллеге Хильдерика.

Таким образом, вместо гипотетической симпатии Хильдерика к Византии, гораздо проще предположить, что его вещи в стиле перегородчатой ин-

крустации были сделаны в одном из ателье Западно-Римской империи, чиновником которой он являлся. Такое ателье могло располагаться, например, в Равенне, итальянские параллели (Аквасанта, Доманьяно, Десана и др.) в иконографии декора вещей Хильдерика служат тому доказательством. Если учесть, что, судя по информации Григория Турского, Хильдерик был союзником Одоакра, то равеннское происхождение парадного убора Хильдерика становится очень вероятным. Вполне возможно, что франкский король получил его в качестве дипломатического подарка из Равенны (*Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 160*).

Это же можно сказать и о парадном мече Хильдерика (рис. 3). Он относится к редкому типу с рукоятью из золотого листа (таких мечей в Европе найдено всего около 30) и с декором в стиле перегородчатой инкрустации (типы IVa–с согласно В. Менгину: *Menghin, 1983*), явно принадлежащему средиземноморской традиции. Западные мечи с перегородчатой инкрустацией обычно связывают с франкскими воинскими предводителями, однако такое соотнесение нам представляется слишком жестким. Скорее всего это парадный “генеральский” меч, принятый в целом в западноримской армии, среди варваризированного высшего офицерства. В самом деле, находки этих мечей в основном связаны с Северной Галлией и с рейнской Германией (Турнэ, Лавуа, Пуан, Арси-Сент-Реститю, Жош, Бовэ-рю-Сент-Пьер, Роммерсхейм, Флонхейм, Планиг, см. каталог: *Menghin, 1983*), т.е. с зоной действий войск магистров Аэция и Эгидия; комитов Павла и Арбогаста и их франкских союзников. Гипотеза о византийском происхождении этих мечей (*Böhme, 1994; Quast, 1997*) нам кажется слабо аргументированной. Они значительно отличаются от ранневизантийских, достаточно хорошо известных по находкам в понто-кавказском регионе (*Kazanski, 2001*). Кроме того, меч Хильдерика обладает навершием типа Снартемо-Блучина, которые неизвестны к востоку от среднего Дуная (самая восточная находка – Блучина в Южной Моравии) (*Menghin, 1983. Karte 1*). Неизвестны на византийских мечах и рукояти из золотого листа, также как и двойные скобы для крепления портупейного ремня к ножнам, представленные на мечах типа Менгин IVa–с (*Menghin, 1983. Karte 13, 14*).

Одна недавняя кавказская находка, казалось бы, могла свидетельствовать о византийском происхождении меча Хильдерика. Мы имеем в виду находку из погребения 118 на кабардино-балкарском могильнике Зарагиж (раскопки Б.Х. Атабиева). Здесь среди прочих предметов была обнаружена бутероль (наконечник ножен) короткого меча, украшенная птичьими головками, наиболее близкой аналогией которой является бутероль меча Хильдерика. Сходство нам сразу же бросилось в глаза, на этом основании мы даже предложили в свое время датировать погребение в Зарагиже второй половиной V в. (*Kazanski, Mastykova, 1999. P. 566*). Однако полная публикация инвентаря могилы Б.Х. Атабиевым (*Atabiev, 2000*), заставила нас пересмотреть предложенную датировку. В самом деле, непосредственно ознакомившись с вещами, Я. Тейрал обратил наше внимание на две детали. Во-первых, пряжки из зарагижского погребения (*Atabiev, 2000. Tab. 26, 9–11*) по форме язычка достаточно архаичны и более всего напоминают изделия позднего

IV – раннего V в. Во-вторых, простые по форме перегородки на украшенных гранатами изделиях из Зарагижа (*Atabiev, 2000. Tab. 26, 1, 2*), в том числе и на бутероли, явно относятся к стилистической группе гуннского времени Засецкая 4, в то время как сложные мотивы декора на вещах из могилы Хильдерика, включая бутероль, являются определяющими для стилистической группы постгуннского времени Засецкая 5 (*Засецкая, 1994. Рис. 15*). Иными словами, погребение из Зарагижа относится к гуннскому времени, скорее всего, судя по пряжкам, к позднему IV или к началу V в., а погребение Хильдерика надежно датируется 481/482 г. Таким образом, бутероль из Зарагижа является далеким средиземноморским прототипом наконечника ножен меча Хильдерика, и этот последний, стало быть, не может быть признан прямым импортом из Византии.

Зато скрамасакс Хильдерика (сохранились лишь оба окончания ножен-бутероль и пластина входного отверстия⁵: рис. 3) может быть интерпретирован как оружие византийско-сасанидского происхождения. Действительно, короткое (25/30–60/70 см) однолезвийное оружие, очень близкое западноевропейским клинкам, хорошо известно в IV–V вв. на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в Средней Азии, в Иране, в Малой Азии, а также в Закавказье (в Абхазии и в Азербайджане) и на Северном Кавказе (в Пятигорье и на Верхней Кубани) (см. подробный список: *Quast, 1999; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 172–175*), т.е. в зоне военного влияния и соперничества Восточно-Римской империи и сасанидского Ирана. Скрамасаксы и однолезвийные кинжалы редко встречаются в степных погребениях Восточной Европы (нам известны лишь достоверные находки в Кубее и в Шипово, к числу малодостоверных относятся фрагментированные клинки из Покровска, Совхоза Калинина, Нижней Добринки⁶) (*Засецкая, 1994. С. 33*). На среднем Дунае это оружие появляется во второй трети V в. (период Д2/Д3, т.е. 430/440–470/480 гг.) (*Tejral, 2002. P. 503–506*), практически в то же время как и на римско-германском Западе (находка гуннского времени в Альтлуссхейм и пост-гуннского в Пуан и Эшборн). Нами, а впоследствии и Д. Квасом было высказано предположение о распространении в Европе скрамасаксов с Востока, через Византию (*Kazanski, 1991. P. 133; Quast, 1999*). Однако, если модель оружия действительно пришла в Европу из Восточного Средиземноморья (например, с экспедиционными корпусами восточно-римской

⁵ По неизвестным нам соображениям А.К. Амброз (1986. С. 33) отнес скрамасаксы из Турнэ и Пуана к разряду двулезвийного оружия. На самом деле оружие из Пуана имеет одно лезвие, а ножны оружия Хильдерика имеют аналоги только среди ножен коротких однолезвийных скрамасаксов (ср.: Эшборн, погребение 9: *Ament, 1992. Taf. 20, 10*). По мнению Б. Аррениуса (*Arrhenius, 1985, Fig. 114*), в могиле Хильдерика находился не скрамасакс, а длинный однолезвийный палаш, однако предложенная ею реконструкция не функциональна. В самом деле, если сохранившиеся окончания с четко обозначенными отверстиями для портупейных ремней, закрепить на ножны палаша (не менее 60–70 см), то портупейные ремни окажутся такой длины, что с этим оружием будет очень сложно передвигаться.

⁶ *И.П. Засецкая* считает, что найденные в этих погребениях фрагменты клинков принадлежали палашам, а не скрамасаксам. По ее мнению, нож длиной в 20 см, найденный в кочевническом кургане Ровное, является также однолезвийным кинжалом, что, на наш взгляд, не доказано. При подобной длине речь может идти и об обычном “хозяйственном” ноже.

армии, неоднократно появлявшимися в Италии в течение V в.), это еще не значит, что скрамасакс Хильдерика был непременно сделан в Константинополе. Находка скрамасакса в подобных, но гораздо более дешевых ножнах в погребении 9 на аламаннском могильнике Эшборн (с пряжкой 450-х – 480-х годов) (*Ament*, 1992. Taf. 20, 10) показывает, что новое оружие ко времени Хильдерика перестало быть чем-то экзотическим и прочно вошло в экипировку даже рядовых воинов. Наверняка их научились изготавливать на месте (*Kazanski, Mastykova, Périn*, 2002. P. 172–175).

Вряд ли о византийском происхождении вещей из могилы Хильдерика могут свидетельствовать найденные здесь византийские золотые монеты, поскольку они вообще в значительном количестве встречаются в западноевропейских кладах того времени, таких как, например, Зерконе и Реджио-Эмилия в Италии (*Kazanski, Périn*, 1996. P. 206). Видимо, византийские монеты имели довольно широкое хождение в Западной империи и могли попасть в кошелек Хильдерика не только из Константинополя.

Уже давно исследователи обратили внимание на сходство погребальных инвентарей могилы Хильдерика и “королевских” могил дунайских германцев, таких как Блучина и Апахида (*Kazanski, Périn*, 1988). В этих могилах, как и у Хильдерика, были найдены многочисленные украшения в стиле перегородчатой инкрустации, близкие по форме и декору, золотые массивные “королевские” браслеты, парадное оружие и конское снаряжение, римские Т-образные чиновничьи фибулы и даже именные перстни. Сходство инвентаря привело исследователей к заключению, что инвентарь Хильдерика отражает “дунайскую” моду, распространявшуюся из королевских дворов дунайских германцев. Однако, как уже было сказано, после работ Б. Аррениуса (*Arrhenius*, 1985) стало ясно, что схожесть погребений в Турнэ, Блучине и Апахиде объясняется в первую очередь не меровингско-дунайскими контактами, а общим для тех и других средиземноморским влиянием, а также тем фактом, что как дунайские, так и франкские вожди были интегрированы, хотя бы теоретически, в служебную иерархию Римской империи. Последнее обстоятельство и объясняет появление во всех этих могилах римских инсигний и средиземноморских украшений в стиле перегородчатой инкрустации.

Дело, однако, не только в общих средиземноморских влияниях. Данные погребения отражают общеевропейскую “княжескую” моду, распространявшуюся в эпоху переселения народов. Аристократия, особенно воинская, является наиболее мобильной, полиэтничной и подверженной внешним влияниям социальной группой. В этом социальном стратуме мода играла прежде всего престижную роль, она, в частности, позволяла представителям знати подчеркнуть свое особое положение, свою политическую ориентацию, свои связи с престижными кланами и правящими фамилиями Европы и Азии. Именно общеевропейской аристократической модой можно объяснить присутствие в этих могилах парадных мечей, золотых массивных браслетов, поясной, обувной и портупейной гарнитуры, украшенной в стиле перегородчатой инкрустации, с доминированием красного цвета. Все эти элементы восходят к привилегированным воинским захоронениям гуннского времени (о них см.: *Kazanski*, 1999). Быстрое распространение “княжес-

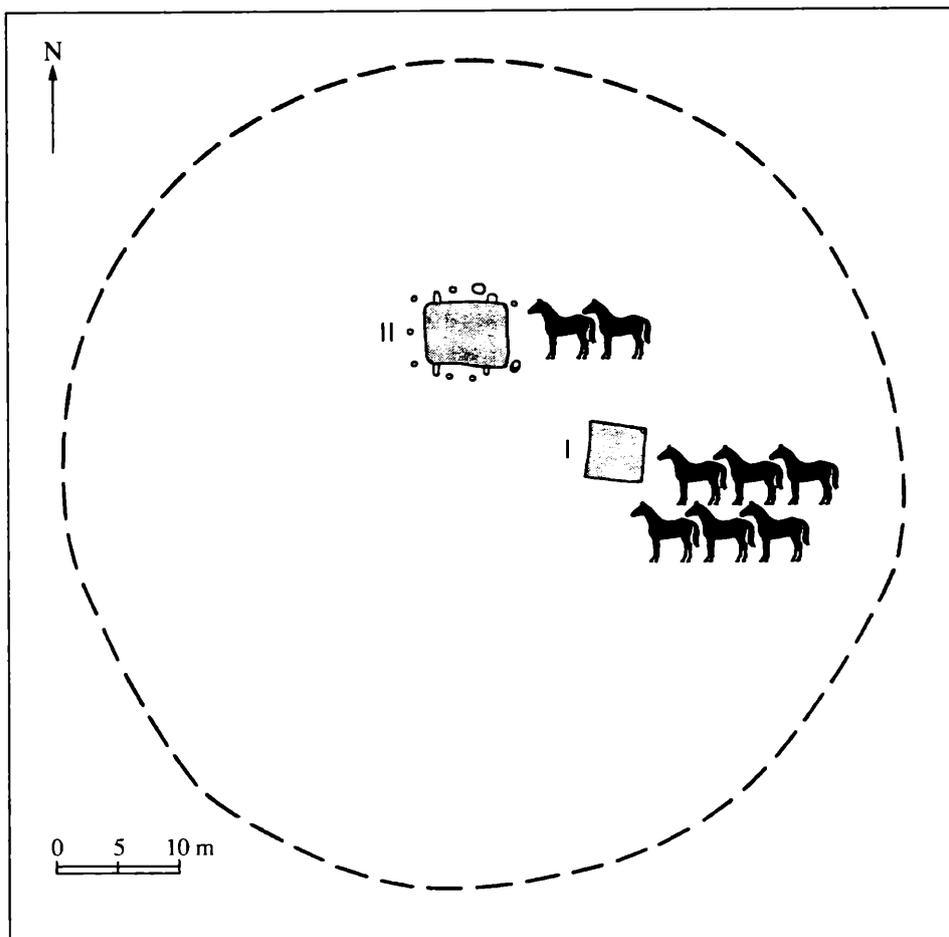

Рис. 7. Реконструкция ситуации в кургане Журань (Müller-Wille, 1997)

кой” моды в эпоху переселения народов на далекие дистанции объясняется мобильностью варварской аристократии. Приключения Хильдерика в Тюрингии, эмиграция к италийским остроготам герульского принца Родульфа из Норвегии или же прибытие с дунайской дружиной остроготского принца Видимера Амала ко двору визиготского короля в Тулузу являются яркими примерами такой мобильности.

Для изучения общекняжеской моды показателен погребальный обряд Хильдерика. Как мы уже сказали, пространство вокруг могилы Хильдерика долгое время было не занято, возможно здесь находился большой курган (рис. 5). Так по крайней мере полагают многие исследователи (например: Werner, 1991. Р. 18; Müller-Wille, 1997. Р. 245), включая автора раскопок некрополя в Турнэ, Р. Брюле (Brulet, 1990–1991. Р. 191). Обычай сооружения монументальных курганов над королевскими погребениями хорошо представлен у европейских варваров. Назовем всем известные королевские курганы Упсалы и Сеттон-Хоу, курган в Журань (рис. 7) или менее известные курганы в Хегом, в области Медельпад, в Швеции (Müller-Wille, 1997). Сходство с королевскими курганами усиливается и благодаря наличию конских

захоронений вокруг погребальной камеры, такой обычай зафиксирован и в Журани (*Müller-Wille, 1997. Fig. 6*).

Если принять традиционные даты этих сооружений, то гипотетический курган Хильдерика окажется самым ранним на континенте, достоверно старше его только королевские курганы в Хегом (*Ramqvist, 1992*). Отсюда и очевидное желание некоторых немецких и австрийских археологов (как показала дискуссия на коллоквиуме, посвященном воинским и княжеским элитам, состоявшемся в 2001 г. в Музее национальных древностей, Сен-Жермен-Ан-Ле) объяснить появление королевских курганов чисто внутренними причинами социальной эволюции германского общества. Все, однако, усложняется, если принять во внимание новые датировки, предложенные Я. Тейралом для королевского кургана в Журани, в Южной Моравии. Это монументальное сооружение традиционно датируется VI в. по наличию в одной из двух погребальных камер византийской пиксиды из слоновой кости и приписывается лангобардам, до их переселения в Паннонию в 548 г. Однако Я. Тейрал надежно показал, что, по крайней мере, в одной из погребальных камер погребения совершались уже в конце IV – начале V в., поскольку оттуда происходят типичные фрагменты стеклянных кубков того времени и архаические железные пряжки (точка зрения Я.Ю. Тейрала изложена в кн.: *Poulik, 1995. S. 65–71*). Что же до византийской пиксиды, то ее датировка устанавливалась давно исключительно по иконографическим параллелям, принадлежность которых именно VI в., т.е. “золотому времени Юстиниана”, собственно никак не обосновывалась.

Таким образом, самым древним королевским курганом оказывается не Турнэ, а Журань на восточной окраине германского мира, на территории, занятой в то время свевами. Трудно сказать, отражает появление кургана в Журани внутреннюю эволюцию престижного погребального обряда германцев (княжеские курганы типа Любсов у них известны для раннеримского времени, потом они исчезают) или же степное влияние могущественных в то время гуннов, вспомним подкурганые гуннские и аланские погребения с престижным инвентарем из Совхоза Калинина, Березовки, Брута, Кубея (см. каталог: *Засецкая, 1994*). Ясно однако, что к франкам этот обычай попадает, скорее всего, с востока, со Среднего Дуная, во всяком случае из Центральной Европы. Именно здесь, где-то в Среднем Подунавье, за четверть века до смерти Хильдерика, был сооружен курган Атиллы, на котором гунны справляли поминки по своему знаменитому предводителю (*Иордан, 2001*)⁷.

Присутствие конских жертвоприношений вокруг могилы Хильдерика также, на наш взгляд, указывает на восточно- или центральноевропейское влияние, даже если принять точку зрения Й. Вернера о том, что захоронения

⁷ Впрочем, похоже, что курган Атиллы, упоминаемый Иорданом, служил местом лишь поминок, но не захоронения. В том же тексте Иордан говорит, что тело Атиллы предавали земле тайно ночью и убили могильщиков, чтобы скрыть место захоронения. Подобные предосторожности были бы бессмысленны, если бы захоронение произошло в том же самом кургане, на котором справлялись многолюдные поминки.

коней объясняются древнегерманскими верованиями (Werner, 1991. P. 19). На меровингском Западе погребения с конями появляются только начиная с Хильдерика (*Ghenne-Dubois*, 1991), в то время как в восточной половине Европы этот погребальный обычай известен и ранее. Мы не будем останавливаться на хорошо известных сарматских и западнобалтских погребениях римского времени с конями, упомянем лишь более близкие по хронологии степные гуннские находки, такие как Зеленокумск на Северном Кавказе или Солончанка на Южном Урале (Курган с “усами”, 1999), где при погребениях были найдены целые скелеты коней. Кроме того, конские черепа и кости конечностей, свидетельствующие о помещении в могилу шкуры лошади, происходят из степных погребений Беляус-1 в Крыму, Энгельс-Покровск, курган Е 25 и Верхне-Погромное на Волге. Черепа и зубы коней были обнаружены в кочевнических могилах Страже на Среднем Дунае, Алешки, погребение 1902 г. и Старая Игрень на Днепре, Павловка-Сулин на Дону, Совхоз Калинина в Крыму, Воздвиженская (Здвиженская) на Северном Кавказе. Наконец, какие-то конские кости были найдены при гуннских погребениях Будапешт-Цугле, Алешки-Саги, Пролетарка, Мелитополь, Богачевка (не опубликовано), Кызыл-Адыр. В некоторых случаях речь идет именно о подкурганых захоронениях: это Солончанка, Совхоз Калинина, Энгельс-Покровск, Воздвиженская, Верхне-Погромное (*Засецкая*, 1994).

С другой стороны, конские погребения при захоронениях в конце IV – первой половине V в. появляются и у оседлого населения, так или иначе связанного с гуннами. Назовем в качестве примера погребения в некрополе Сиренева Бухта, в Восточном Крыму (*Масленников*, 1997. Рис. 50), в Луги (Кенигсбрух) в Силезии (*Petersen*, 1934) или тот же курган в Журани. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что престижный погребальный обряд, засвидетельствованный в могиле Хильдерика, имеет корни в восточной половине Европы. Хильдерик мог с ним познакомиться во время своего пребывания у тюрингов, входивших в круг центральноевропейских цивилизаций. Тюрингская королева Базина, сбежавшая с Хильдериком на Запад, также могла инициировать распространение при меровингском дворе престижных “восточных” обычаев.

Напомним, что как гунны Атиллы, так и их восточногерманские подчиненные союзники, будущие победители гуннов при Недао пользовались у европейских варваров огромным престижем, скандинавские саги, “Песнь о Нибелунгах” и даже “Видсид”, сочиненный у далеких англо-саксов, являются тому прекрасными свидетельствами. Неудивительно, что в этой атмосфере престижные “гуннские” обычаи и моды легко прививались при королевских дворах римско-германского Запада.

Могилы Хильдерика дают нам достаточно полное представление о “княжеской” культуре раннемеровингского Запада. Становится ясным, что эта культура, как и любая “элитная” цивилизация, гетерогенна по происхождению, она отражает разные внешние импульсы, идущие как из римского Средиземноморья, так и из Барбарикума. Схожесть между могилой Хильдерика и “королевскими” погребениями показывает, что варварская аристократия эпохи переселения народов имела общую, интернациональную

культуру, в которой растворяются этнокультурные различия и где основное значение имеет социальная значимость вещей и обрядов. Именно поэтому попытки определения “этнической принадлежности” привилегированных погребений эпохи переселения народов только на основе археологических данных, без привлечения других видов источников, как правило, обречены на неудачу.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К., 1986. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. № 3.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.) СПб.
- Иордан, 2001. О происхождении и деяниях готв. СПб. (Латинский текст и рус. пер. Е.Ч. Скржинской).
- Курган с “усами”, 1999. Курган с “усами” Солончанка I. Челябинск.
- Масленников А.А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.
- Мастыкова А.В., 2000. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.
- Ament H., 1992. Das alamannische Gräberfeld von Eschborn (Main-Taunus-Kreis). Wiesbaden.
- Arrhenius B., 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm.
- Arrhenius B., 1997. Childéric et la Méditerranée // Dossiers d'Archeologie. 223.
- Atabiev B., 2000. Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie // Or des princes barbares 2000 : L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule. Ve siècle après J.-C. Paris.
- Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Bierbrauer V., 1995. Il rinvenimento di Domagnano, Repubblica di San Marino // I Goti a San Marino: Il tesoro di Domagnano. Milan.
- Böhme H.W., 1994. Der Frankenkönig Childerich zwischen Attila und Aëtius: Zu den Goldgriffspaten der Merowingerzeit // Festschrift Oto-Herman Frey zum 65. Geburtstag. Hitzeroth.
- Böhner K., 1980. Childerich von Tournai (Childericgrab) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 3–4.
- Brulet R., 1990–1991. Les fouilles du quartier Saint-Brice à Torunai. Louvain-la-Neuve. Vol. 1, 2.
- Chilfet J.-J., 1655. Anastasis Childerici I Francorum Regis, sive thesaurus sepulchralis Tornaci Nevriorum effusus et commentario illustratus. Antwerpen, 1655.
- Ducci S., Ciampoltrini G., 1991. Capraia (Livorno): Tomba di militare tardoantico: Materiali di corredo tardoantico // Bolletino di Archeologia. 7.
- Eugippe, 1991. Vie de Saint Séverin. Paris. (Латинский текст и франц. пер. Ph. Réberat.)
- Ghenne-Dubois M.-J., 1991. Les inhumations de chevaux et les trouvailles de Saint-Brice // Brulet R. (dir.). Les fouilles du quartier Saint-Brice à Torunai. Louvain-la-Neuve. 2: L'environnement funéraire de la sépulture de Childéric.
- Grégoire de Tours, 1963. Histoire des Francs. Paris. (Франц. пер. R. Latouche).
- Kazanski M., 1991. A propos des armes et des éléments de harnachement “orientaux” en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 4.
- Kazanski M., 1999. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes. Cologne; Brno.
- Kazanski M., 2001. Les épées “orientales” à garde cloisonnée du Ve–VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st–5th centuries A.D. Aszód-Nyíregyháza.
- Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles: A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 5.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno.

Kazanski M., Périn P., 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // *Revue Archéologique de Picardie*. № 3/4.

Kazanski M., Périn P., 1996. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // *Antiquités Nationales*. 28.

Kazanski M., Périn P., 1997. Les Barbares "orientaux" dans l'armée romaine en Gaule // *Antiquités Nationales*. 29.

Menghin W., 1983. *Das Schwert im Frühen Mittelalter*. Stuttgart.

Menke M., 1986. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen // *Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica. VII)*. Lodz.

Müller-Wille M., 1997. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli // *Antiquités Nationales*. 29.

Périn P., Feffer L.-C., 1997. *Les Francs*. Paris.

Périn P., Kazanski M. 1996. Das Grab Childerichs I. // *Die Franken Wegbereiter Europas*. Mainz.

Petersen E., 1934. Neue wandalische Grabfunde aus dem 2–4. Jahrh. n. Chr. Altschlesien. 4.

Poulik J., 1995. Žuráň in der Geschichte Mitteleuropas // *Slovenská Archeológia*. 43/1.

Quast D., 1997. Les Francs et l'empire byzantin: L'horizon des épées à poignée en or // *Dossiers d'Archéologie*. 223.

Quast D., 1999. Auf der Suche nach fremden Männern – Die Herleitung schmalen Langsaxe vor dem Hintergrund der alamannisch-donauländischen Kontakte der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes*. Cologne; Brno.

Quast D., 2003. Childerices Schwertgurt: Ein neuer Rekonstruktionsvorschlag // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 33.

Ramqvist P.H., 1992. Högom: The excavations 1949–1984. Neumünster.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno.

Tejral J., 2002. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Kriegerbeziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // *Fundberichte aus Österreich*. 41.

Werner J., 1958. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 3.

Werner J., 1971. Neue Analyse de Childerichgrab von Tournai // *Rheinische Vierteljahrsblätter*. 35.

Werner J., 1980. Der goldene Arming des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // *Frühmittelalterlich Studien*. 14.

Werner J., 1991. Données nouvelles sur la sépulture royale de Childéric // *Brulet R. (dir.). Les fouilles du quartier Saint-Brice à Torunai. Louvain-la-Neuve. 2: L'environnement funéraire de la sépulture de Childéric*.

П. Перен

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГРАНАТОВ НА ВЕЩАХ ИНКРУСТАЦИОННОГО СТИЛЯ ИЗ БАЗИЛИКИ СЕН-ДЕНИ ВО ФРАНЦИИ

В 1999 г. Ж.-П. Мозн, директор Исследовательско-реставрационного центра при Дирекции национальных музеев Франции, предложил начать серию трехгодичных исследовательских программ по лабораторному изучению музейных коллекций. В рамках этой инициативы Музей национальных древностей начал работу по исследованию меровингских украшений стиля перегородчатой инкрустации, происходящих из раскопок некрополя в базилике Сен-Дени под Парижем (работы Э. Салена и впоследствии М. Флери, в 1950–е–1970–е годы: *Salin*, 1958; *Fleury, France-Lanord*, 1998), служившей

местом захоронения меровингских королей и их придворного окружения. Сейчас коллекция вещей из раскопок в Сен-Дени поступила на хранение в Музей национальных древностей (за исключением погребального инвентаря королевы Арегонды, в настоящее время находящегося в Лувре). В данной статье будут представлены предварительные результаты этого исследования.

Как известно, украшения в стиле перегородчатой инкрустации являются одним из наиболее ярких культурных проявлений эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени. Первая сводная работа о стиле перегородчатой инкрустации и его возникновении появилась еще в XIX в. (*De Linas*, 1877–1887). В наше время исследования по типологии и происхождению украшений стиля перегородчатой инкрустации базируются в первую очередь на работах И.П. Засецкой, Б. Аррениус, Д. Адамс, М.Б. Шукина и его учеников (*Засецкая*, 1982; *Arrhenius*, 1985; *Šćukin, Bažan*, 1995; *Adams*, 2000; см. обзор о состоянии исследований: *Kazanski, Périn, Calligaro*, 2000). В целом наиболее распространенной среди западноевропейских исследователей является гипотеза о ближне- или средневосточном происхождении стиля перегородчатой инкрустации и его распространении в Европе через средиземноморский бассейн. При этом особо подчеркивается роль Византии, и в первую очередь Константинополя в успешной диффузии престижной моды на такие украшения (*Arrhenius*, 1985; *Roth*, 1980). В последние годы мы обратили внимание на важную роль и других ателье, находившихся в западной половине средиземноморского бассейна (*Kazanski, Périn*, 1996; *Kazanski, Mastykova, Périn*, 2002). В меровингской Галлии существование местных ателье-сателлитов, работавших в средиземноморской традиции, предполагается уже для V в. (*Arrhenius*, 1985. P. 118, 126). Можно полагать, что подобные ателье существовали и в других “варварских” королевствах римско-германского Запада, например у остроготов (это предполагал еще в 1958 г. И. Вернер: *Werner*, 1958), визиготов, вандалов¹. Такие ателье существуют и позднее, из них в континентальной Европе особенно известна мастерская епископа Элигия (628–639), тесно связанного со двором франкского короля Дагоберта I (сохранились вещи, например часть креста из базилики Сен-Дени, лично изготовленные Св. Элигием) (*Arrhenius*, 1985. P. 96, 97).

Исследования, проводимые в настоящее время Музеем национальных древностей совместно с Исследовательско-реставрационным центром, в частности, посвящены происхождению драгоценных камней, использовавшихся для инкрустации. Это в основной массе гранаты, легко отличающиеся при обычном оптическом наблюдении от красных стеклянных пластинок, также

¹ Доказательством существования подобного вандалского ателье долго считалась находка “клада” гранатовых вставок в Карфагене, интерпретированного как “резерв” какого-то ювелира V в. (*Roth*, 1980). Однако последние исследования, проведенные Исследовательско-реставрационным центром при Дирекции национальных музеев, показали, что речь идет о “сборной” коллекции гранатов, включающей изделия от V по XVIII в. Более того, около 70% каменных вставок имеют следы повреждений, что несовместимо с “резервом ювелира”.

использовавшихся в инкрустациях. Однако лишь лабораторный анализ позволяет с большей или меньшей точностью определить точное происхождение гранатов. Для этого редкие элементы в составе гранатовых вставок сравниваются с образцами, происходящими из древних месторождений Европы и Азии, известных благодаря свидетельствам письменных источников (например, Плиний Старший в I в. н.э.: *Roth, 1980. Abb. 3*).

В последние 20 лет уже несколько раз предпринимались попытки лабораторного изучения меровингских гранатов. Особо следует упомянуть работу Б. Аррениус (*Arrhenius, 1985*) с привлечением результатов анализа гранатов с помощью преломления лучей X. На его основании исследовательница пришла к выводу, что на меровингских украшениях, в отличие, например, от эллинистических, отсутствуют индийские гранаты, а доминируют богемские. По ее мнению, это могло быть связано с тем, что индийские гранаты сложнее разрезать на пластины (об этой технике см.: *Bimson, 1985*). Для конца меровингского времени и для эпохи викингов Б. Аррениус предположила использование “северных” гранатов. Немецкая исследовательница С. Грейф, изучившая меровингские гранаты из Германии с помощью флюоресценции лучей X, также пришла к выводу об их богемском происхождении (*Greiff, 1998*).

Однако в то же время Ф. Фарж с помощью ускорителя частиц AGLAE (Accélérateur Grand Louvre d'Analyse Élémentaire) в Исследовательско-реставрационном центре установил, что на раннемеровингских украшениях из богатых могил некрополя Лувр-ан-Паризи (под Парижем, см. об этом памятнике: *Il y a 1500 ans ...*) наряду с богатыми хромом пиропами, скорее всего богемского происхождения, имеются и родолиты (смесь пироба и альмандина), наиболее всего близкие образцам с Цейлона и Южной Индии (*Farges, 1998*). Практически одновременно бельгийские исследователи С. Ван Рой и Л. Ванхейке, изучив с помощью микроскопа минералогические включения меровингских гранатов из коллекции Королевских Музеев искусства и истории в Брюсселе, также выявили убедительные аналоги и с геммами, происходящими из Индии и Цейлона (*Van Roy, Vanhaeke, 1997*). Наконец, недавно Д. Кваст и У. Шлюссер, изучив с помощью лабораторных методов многочисленные гранаты из Вюртембергского регионального музея в Штутгарте, также пришли к выводу, что камни V–VI вв. более всего близки индийским и цейлонским образцам. Зато, по их мнению, для более поздних меровингских украшений второй половины VII в. использовались исключительно богемские гранаты. Мелкие богемские гранаты сложно резать на пластины, поэтому они не составляют декора, покрывающего всю поверхность украшения, а размещаются в отдельных гнездах (*Quast, Schlüssler, 2000*).

Изделия из королевской базилики Сен-Дени были изучены с помощью ускорителя частиц AGLAE в Исследовательско-реставрационном центре методом PIXE (*Particle Induced X-ray Emission*) (об этом методе см.: *Calligaro et al., 2002*). Непосредственную лабораторную работу осуществлял Т. Каллигаро. Метод имеет свои преимущества: быстрота получения результатов и гарантия сохранности вещей. А самое главное, этот метод позволяет полу-

чить точную информацию об очень большом числе химических элементов. Были взяты украшения, заведомо относящиеся к разным хронологическим периодам, от V по VII в. Действительно, относительно подробные и достаточно обоснованные типология и хронология меровингских металлических изделий, позволяют их довольно точно датировать (*Périm, 1980*). Среди привлекавшейся к анализу первой партии предметов (12 экз.) были раннемеровингские трехпалые фибулы, пряжка с сотовым декором средиземноморской традиции, птицеобразные фибулы VI в., броши VI в. из могилы королевы Арегонды, поздняя четырехлепестковая брошь VII в. и другие предметы. На каждом изделии были изучены если не все, то значительное количество гранатовых вставок.

В наши задачи не входит описание лабораторных методов изучения гранатов, применяемых в Исследовательско-реставрационном центре (см. подробно: *Calligaro et al., 2002*), остановимся на основном результате. Исследование показало, что практически все гранаты, украшавшие изделия V–VI вв. являются альмандинами и происходят, видимо, из двух различных индийских месторождений. Одно из них находилось в Раджастане (альмандины с высоким содержанием кальция), второе (альмандины с высоким содержанием железа, которые численно преобладают в Сен-Дени) точно не локализовано. Одна пальчатая фибула VI в. оказалась украшенной цейлонскими родолитами и лишь сравнительно поздняя четырехлепестковая брошь VII в. была инкрустирована чешскими пиропами двух типов. Таким образом, наши исследования подтверждают заключения немецких коллег о замещении на меровингских украшениях в течение первой половины VII в. индийских и цейлонских альмандинов и родолитов на чешские пиропы.

Видимо, вслед за Ю. фон Фриден (*Von Freeden, 2000*), объяснение следует искать в военно-политической истории Ближнего и Среднего Востока. Как показал Х. Рот, основываясь, в частности, на информации “Христианской топографии” александрийского купца Козьмы Индикоплова (VI в.), основной путь доставки индийских и цейлонских гранатов в Европу проходил по Индийскому океану и Красному морю (рис. 1). Из портов Маралло и Кабер, на юго-восточном побережье Индии, альмандины наряду с другими товарами на индийских и эфиопских судах перевозились вдоль индийского и аравийского берега в Красное море. Затем они поступали в Александрию, которая была одним из основных распределительных центров торговли драгоценными камнями (*Roth, 1980. P. 318–320. Abb. 4*). Византийско-сасанидские войны V–VI вв. не препятствовали торговле гранатами, поскольку регион Красного моря не был втянут в военные действия. Однако в 570-е годы Иран захватывает йеменское побережье и таким образом перекрывает канал поступления драгоценных камней на Запад. Ю. фон Фриден показала, как эти события немедленно сказываются на меровингском ювелирном ремесле. В могилы начинают попадать вещи, сделанные в привычной технике перегородчатой инкрустации, но без камней. Более того, исследование этих вещей показало, что гнезда на этих изделиях, образованные напаянными перегородками, никогда не содержали камней. Возможно, ювелиры изго-

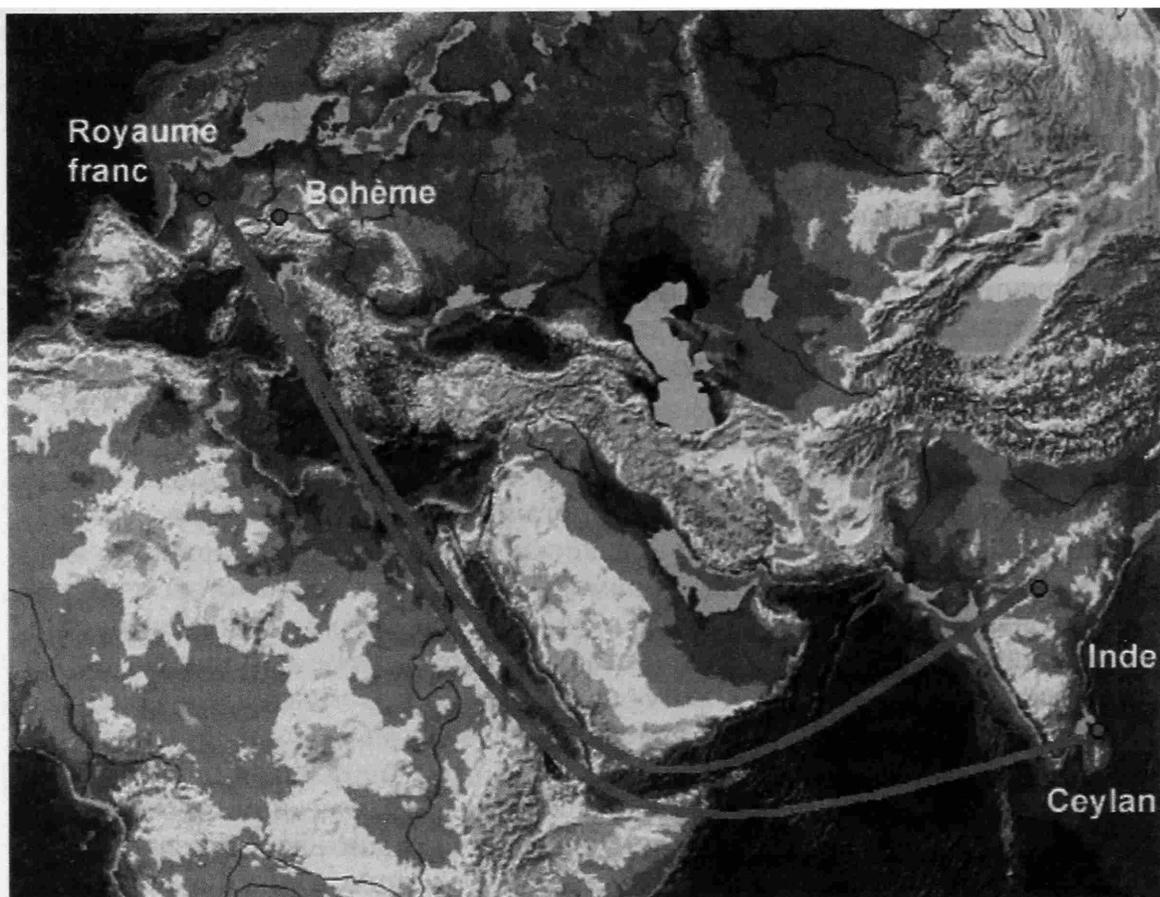

Рис. 1. Карта поступления гранатов в меровингское королевство

товляли эти украшения, в надежде, что впоследствии удастся найти для них гранаты, чего так и не произошло.

Выход был, видимо, найден в течение первой половины VII в. за счет поступления на меровингский рынок чешских пиропов. К этому времени, в 620-е годы, славяне, занимавшие территорию современной Чехии, избавляются от аварского господства и, видимо, устанавливают торговые контакты с меровингским королевством. Всем известные похождения франкского купца Само у славян, описанные Фредегаром, являются тому прекрасной иллюстрацией (см. русское издание этого фрагмента хроники Фредегара: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 367). В силу того, что чешские пиропы мельче индо-цейлонских гранатов, стиль перегородчатой инкрустации в VII в. претерпевает изменения. Вместо сплошного покрытия поверхности предмета гранатовыми пластинками получает все большее и большее распространение техника крепления камней в изолированных гнездах.

ЛИТЕРАТУРА

- Засецкая И.П.*, 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. 1995. М. Т. II (VII–IX вв.).
- Adams D.*, 2000. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6–7 Jh. Budapest.
- Arrhenius B.*, 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm.
- Bimson M.*, 1985. Dark-age garnet cutting // Anglo-Saxon studies in Archaeology and History. Oxford. 4.
- Calligaro T., Colinart S., Poirot J.-P., Sudres S.*, 2002. Combinet external-beam PIXE and u-Raman characterisation of garnets used in Merovingian jewellery // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. P. 189, 320–327.
- De Linas C.*, 1877–1887. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée. Paris.
- Farges F.*, 1998. Mineralogy of the Louvres Merovingian garnet cloisonné jewelry: origins of the gems of the first kings of France // American Mineralogist. 83.
- Fleury M., France-Lanord A.*, 1998. Les trésors mérovingiens de la basilique de Saint-Denis. Wpopyy.
- Greiff S.*, 1998. Naturwissenschaftliche Untersuchungen zur Frage der Rohseinquelle für frühmittelalterlichen Almandingranatschmuck rheinfränkischer Provenienz // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz. 45/2.
- Il y a 1500 ans... Les mérovingiens à Louvres. Louvres-en-Paris.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P.*, 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno.
- Kazanski M., Périn P.*, 1996. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 28.
- Kazanski M., Périn P., Calligaro T.*, 2000. Le style polychrome au Ve siècle: orfèvrerie cloisonnée et pierres montées en bâtes // L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris.
- Périn P.*, 1980. La datation des tombes mérovingiennes: Historique-Méthodes-Applications. Genève.
- Quast D., Schlüssler U.*, 2000. Mineralogische Untersuchungen zur Herkunft der Granate merowingerzeitlicher Cloisonnéarbeiten // Germania. 78.
- Roth H.*, 1980. Almandinhandel und -verarbeitung im Bereich des Mittelmeeres // Allgemeine und vergleichene Archäologie. 2.
- Salin E.*, 1958. Les tombes gallo-romaines et mérovingiennes de la basilique de Saint-Denis (fouilles de janvier février 1957). Paris.
- Ščukin M., Bažan I.*, 1995. L'origine du style cloisonné de l'époque des Grandes Migrations // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye.
- Van Roy S., Vanhaeke L.*, 1997. L'origine des grenats à l'époque mérovingienne // La vie archéologique. 48.
- Von Freeden U.*, 2000. Das Ende engzelligen Cloisonnés und die Eroberung Südarabiens durch die Sasaniden // Germania. 78.
- Werner J.*, 1958. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 3.

В.И. Кулаков

“КНЯЖЕСКИЕ” ЗАХОРОНЕНИЯ В БАЛТИИ ФАЗ V_1 – C_1

Предлагаемое исследование представляет собой опыт хронологического и палеосоциального анализа “княжеских” могил Балтии начала нашей эры. Изучение элементов и моделей социальных структур на основе отраженных в письменных и археологических источниках показателей – предмет пока еще молодой вспомогательной исторической дисциплины – палеосоциологии. Эта дисциплина делает свои первые шаги не только в науке России, но и у наших западных коллег. Одной из важнейших задач, связанных с формированием методики палеосоциологических исследований, является выбор для них определенных, дискретных археологических критериев, их интерпретация и установление хронологических реперов для различных форм этих критериев.

К настоящему времени процесс изучения аспектов социальной истории “варварских” племен за пределами римского лимеса и не охваченных крещением этнических сообществ в эпоху раннего средневековья уже более полувека базируется как на данных письменных источников, так и на результатах археологических исследований. Особую важность эти исследовательские задачи приобретают при работе с “княжескими” захоронениями, выделяющимися роскошью своего инвентаря.

Европейские археологи в 30-х годах XX в. впервые получили качественную основу для палеосоциологических реконструкций в древнегерманском ареале при анализе “княжеских” погребений типа Lübsow, в массе изучаемых в послевоенное время в Северной Германии и поименованных по одному из могильников в земле Mecklenburg-Vorpommern. Погребения этого типа, концентрирующиеся в особых могильниках и датируемые фазами V_1 – V_2/C_1 , на фоне преобладающих в Germania Libera того времени кремаций выделялись присутствием исключительно несожженных останков. Этот феномен объясняется кельтским культовым влиянием (*Клиндт-Йенсен*, 2003. С. 167). Правда, не следует забывать о том, что Тацит сообщал о культе плодородия (“культ ванов”) у приморских ингвеонов (в том числе – кимвры и тевтоны Ютланда – *Селицкий*, 2002. С. 25), заведомо не предполагавшем обряда кремации.

Костяки в погребениях типа Lübsow, ориентированные головой на север, покоились в деревянных “саркофагах” в камерах с деревянным креплением стен на глубине до 2 м от уровня материка. Зачастую погребения перекрывались курганными насыпями. Инвентарь состоял из золотых, серебряных и бронзовых украшений, римской металлической посуды, бронзовых гребней, ножей и игральные каменные фишек, при этом мелкие предметы могли сопровождаться обломками туалетных (?) шкатулок. Перечисленный инвентарь, как правило, сопровождал женские могилы, в мужских комплексах найдены шпоры и детали конского снаряжения, остатки ритонов. Местная

керамика характерна для могил обоих указанных видов (Eggers, 1953. S. 58–63).

В III в. н.э. возникает так называемая “центрально-германская группа ингумаций” (прослеживается до фазы D₂), в составе которой наиболее четкими признаками обладают комплексы типа *Haibleben-Leuna*, названная в честь “княжеского” женского захоронения с богатым инвентарем (Schulz, 1933), обнаруженного в *Haibleben* к северу от г. Эрфурт (Tübingen), и могилы мужчины в *Leuna bei Halle*, Kr. Merseburg. Номенклатура инвентаря погребений этого типа близка позициям, обозначенным выше для комплексов типа *Lübsow*. Новациями являются встречаемые в большом количестве находки *янтарных украшений* и *римских монет* в виде подвесок и “обола мертвых”, золотых гривен и украшений со вставками из полудрагоценных камней (женские комплексы). Бронзовые и серебряные ножи и серебряные наконечники стрел, характерные для мужских могил типа *Haibleben-Leuna* на территории Словакии, как правило – местного происхождения.

Для погребений обеих групп характерны входившие в состав пиршественных наборов стеклянные кубки, преимущественно – провинциально-римского происхождения. Как для племен севера Барбарикум, так и для “гото-гепидского” ареала Поднепровья подобного рода стеклянные изделия справедливо считаются соционормативным таксоном, отличающим высокий ранг владельца кубка в местном обществе (Лухтер, 1998. С. 51).

Главное, что выделяет комплексы обеих групп “княжеских” захоронений среди массива погребальных объектов *Germania Libera* – отсутствие предметов боевого вооружения. В массиве “княжеских” захоронений они обнаружены только на территории Польши в погребениях *Krakówka*, pow. Sandomierz и *Grabice*, pow. Gubin, т.е. – на самом дальнем восточном рубеже Барбарикум, на границе между германским миром и бескрайними лесными территориями редконаселенной в римское время Восточной Европы. Забегая вперед, следует отметить чрезвычайную важность этого наблюдения для раскрываемой научной темы.

Палеосоциальная интерпретация отмеченных выше погребальных комплексов на протяжении последнего полувека вызывает в европейских научных кругах острые дискуссии. Ее итог три десятилетия тому назад подвел известный польский историк Ежи Веловейский. Единодушно признано: основной массив кремаций в древнегерманском ареале I–II вв. н.э. связывался с пещицами воинами, а погребения с оружием и с конским снаряжением соотносились с воинской аристократией – *pobiles* римских письменных источников. Как считала А. Кетлинская, “княжеские” погребения соответствуют князьям-жрецам. Согласно мнению К. Маевского и Х.Ю. Эггерса, “княжеские” погребения без оружия относятся к германским племенным вождям. Аналогичные по определению комплексы, включающие предметы вооружения, содержат, по мнению Е. Веловейского и К. Годловского, останки военных вождей. Е. Веловейский свой вывод обосновывал сообщением Тацита о серебряных сосудах (встречены в “княжеских” погребениях), принадлежащих у германцев *principes*, т.е. – племенным вождям (Wielowiejski, 1970. S. 259, 261, 262).

В гуннскую эпоху в западноевропейских древностях вычленяются совершенные по обряду ингумации погребения с особо роскошным воинским снаряжением (например – погребения “Chef militaire”, Vermand и вождя франков Childerich, Tournai), которые справедливо и «без сомнения связываются с “principes” или “reges”, (т.е.) с вождями германских дружин» (*Carnap-Bornheim*, 1999. S. 19).

Юго-восточная Балтия, несмотря на распространенное в римскую эпоху мнение о границе Барбарикум по р. Висле, современными археологами и историками все же относится к Барбарикум, точнее – к границе между землями “варварскими” (по Тациту) и заселенными “дикими” народами (фенны и проч.) (*Nowakowski*, 1990. S. 87, 88). На будущей земле пруссов в римское время фиксируется незначительное число погребений с обильным и для местного уровня богатым инвентарем. Он отличал данные комплексы от основного массива могил эстиев римского времени, на фазе С содержавших в лучшем случае пару фибул и несколько бусин (в женских комплексах – *Кулаков*, 2003а. Рис. 1). Долгое время “богатые” комплексы считались (в том числе и автором этих строк) принадлежавшими представителям западно-балтской родовой аристократии, разбогатевшей за счет янтарной торговли с Римом. Ныне возобладала иная интерпретация таких погребений, на западной границе балтского ареала выделяемых лишь в центральной части Мазурского Поозерья. Типичным комплексом такого рода объявляется погребение 2 в кургане 25 в Szwałcaria, содержавшее труположение с римским мечом типа Spatha, сохранившим следы дамаскировки лезвия, серебряную фибулу, провинциально-римскую застежку с эмалью. Данный комплекс, сопровождавшийся конским захоронением, по фибуле с “луковичными” навершиями типа A190–191 датируется IV–V вв. Ведущий для Польши специалист по древностям западных балтов римского времени, В. Новаковский считает, что подобные “княжеские” комплексы возникают в западно-балтском ареале лишь в пределах “судавской культуры”, причем значительно позже своих германских аналогов – в IV в. н.э. Племенная аристократия балтов, погребенная в могилах типа Szwałcaria, была, по мнению варшавского коллеги, тесно связана по морю с нижнерейнским регионом, получая оттуда римские “импорты” не в результате янтарной и прочей торговли, а по политическим мотивам (откуп, дары и прочее – *Nowakowski*, 1985. S. 83, 100). Характерно оседание в погребениях позднеимского времени провинциальной продукции более раннего времени. Это – или накопление племенной сокровищницы (аналог клада в Arahida), или свидетельство выплат римских *donatii-stipendii* уже вышедшими из обихода предметами. Последнее прослежено на примере римских монет в черняховском ареале (*Шукин*, 1999. С. 95). Как и в ареале эстиев, у днепровских “гото-гепидов” практически отсутствовала пиршественная посуда провинциально-римского происхождения. В отличие от германцев в центре Барбарикум, за его восточной окраиной римляне контактировали с “протогосударственным образованием, где различные племена были объединены под властью одного или, временами, двух королей”. Поэтому и выплаты “варварам” за сохранение мира на лimesе происходили не ценной посудой, но не менее ценными, хотя и уже не ак-

туальными для Империи серебряными монетами (Шукин, 1999. С. 94, 95). Так и в Пруссии, где на Самбии отмечены лишь 6 римских “импортов” (Кропоткин, 1970. С. 91, 113), основной приток монет (правда, не серебряных, а медных, служивших депонентами сырья цветного металла – *Wielowiejski*, 1970. S. 252) приходится на середину II в. н.э. и резко прекращается на рубеже II–III вв. (Кропоткин, 1961. С. 18, 34). Видимо, “варварам” на Янтарном берегу также перепала часть выплат (или награбленного) за Маркоманнские войны.

Парадигмой палеосоциальной реконструкции является модель социума готских племен. Ее положения суммированы в фундаментальном труде австрийского историка Хервига Вольфрама. Основываясь преимущественно на письменных источниках, коллега из Австрии считает, что *Gúþriuda* (“земля племени готов”) состоит из многих *kunja* (малые племена, “кланы”). Каждое из этих кланов управлялось *gijks* – племенным вождем, находившимся в своей резиденции (городище?) *baúrgs*. До V в. основной массив *kunja* составляли *freis* – свободные общинники. Органом их местного самоуправления являлось народное собрание общины *gaqumps*. Уже на ранней фазе гуннской эпохи в обществе *Gúþriuda* вычленяются *capillati* (лат. “кудрявые”), обретшие воинскую славу и связанное с этим общественное уважение потомки некоторых *freis* или, возможно, владетельных домохозяев *frauja*. Последним, очевидно, принадлежали погребения с довольно обильным инвентарем, по раскопкам на о. Борнхольм характерные в позднеримскую эпоху для каждого поколения погребенных (*Schultze*, 1992. S. 214). Готскую знать *capillati* (точнее – представителей военного страта), как у свевов и многих других древнегерманских племен, отличал узел волос *skuft*. Общественным авторитетом традиционно для готского общества обладал *kindins* – судья, возвышавшийся и над *gijks* (Вольфрам, 2003. С. 141, 152–154). Характеризуя динамику развития общества *Gúþriuda*, как и любое другое общество в Барбарикум, Х. Вольфрам считает, что “...племенное общество постоянно находилось в состоянии войны” и, соответственно, применительный к “варварам” латинский термин *gens* следует понимать как “вооруженный народ” (Вольфрам, 2003. С. 20). Во многом благодаря этим специфическим условиям Х. Вольфрам не считал возможным определять гентильное (племенное) общество как моноэтническое. В этом вопросе приоритет в современных палеосоциальных исследованиях (относимых Х. Вольфрамом к области исторической этнографии) удерживается известным историком Барбарикум Райнхардом Венкусом, убедительно определившим (правда, при минимуме привлеченной археологической информации) «“варварское” племя как традиционную, но не этническую общность» (*Wenskus*, 1961. S. 54). Современное определение смысла существования феномена *gens* в Барбарикум таково: “*Gens* в стадии формирования – *in peregrinatione*, цель которого заключается в том, чтобы посредством королевской власти и истинной веры (что, вероятно, всегда означало одно и то же) превратиться в народ (*populus*)” (Вольфрам, 2003. С. 24).

Несмотря на такую развернутую модель готских социумов, археологические критерии соответствующих регионов в расчет при палеосоциальных

исследованиях ареала вест- и остготов пока не принимаются. В других частях восточного *Barbaricum* ситуация с палеосоциальными исследованиями еще сложнее, отсутствует их основа – хронология признаков материальной культуры, могущих служить социальными критериями.

Для юго-восточной Балтии ранее мною была предложена схема формирования социальных структур в местном обществе на протяжении всего I тыс. н.э. Основной массив урновых трупосожжений римского времени связывался с рядовыми общинниками, могилы с конским снаряжением соотносились со всадниками-аллохтонами, участвовавшими в процессе контроля над янтарными приисками и Великим янтарным путем. Сравнение материала “княжеских” захоронений территории позднейшей Пруссии с аналогичными по первичной оценке комплексами с соседних земель может прояснить ситуацию с их хронологией и социальной оценкой. Ниже представлен каталог погребальных комплексов Балтии римского времени, признаваемых современными археологами “княжескими” по особой представительности в них престижных элементов инвентаря, по эксклюзивным чертам обряда и по наличию в них римских “импортов”.

КАТАЛОГ “КНЯЖЕСКИХ” ПОГРЕБЕНИЙ БАЛТИИ

(рис. 1)

Бывш. PLISCHKEN, Кг. Wehlau (ныне – Гвардейский р-н). Погребение б/№ (II-о/Nr) – ингумация (?) с сопутствующим конским захоронением. Инвентарь: римский кинжал в железных, плакированных серебром ножнах (рис. 2, 1), бронзовая фибула типа AIV,72 (рис. 2, 2), известный лишь по описанию умбон щита с несохранившимся острием (рис. 2, 3), железные удила (рис. 2, 3) с прикипевшими двумя конскими зубами (*Nowakowski*, 1996. Taf. 92, 1–4). По фибуле типа AIV,72 II-о/Nr датируется фазой B_{1b} (*Кулаков*, 2003б. Рис. 121).

ХРУСТАЛЬНОЕ, Зеленоградский р-н (бывш. Wiekau, Кг. Fischhausen). В августе–сентябре 1884 г. И. Хейдек раскопал в этом пункте 58 погребений. В первой публикации этих раскопок И. Хейдек сосредоточился на описании обнаруженных при раскопках трупоположений в деревянных “саркофагах”. Несожженные костные останки здесь, как и в целом на памятниках юго-восточной Балтии I тыс. н.э., не сохранились (*Heydeck*, 1900–1904. S. 217) ввиду особенностей почвы. Кроме того, в этом полевом сезоне при раскопках в Wiekau были обнаружены 48 трупосожжений. Кальцинированные кости находились преимущественно в урнах, перекрытых круглыми в плане каменными кладками и сопровождалась сосудами-приставками, бронзовыми фибулами, браслетами с заходящими концами, пряжками с круглой рамкой типа Доллькайм-Роминтен, датируемыми I–III вв. н.э. (*Vujack*, 1887–1888b. S. 276–283). Особую группу в планиграфии этого могильника занимали 10 трупоположений, в могильных ямах которых были зафиксированы слои коричневого цвета, оставленные деревянными гробами (*Vujack*, 1887–1888a. S. 273). Известнейшим на этом памятнике является Погребение XIII (по ну-

Рис. 1. Карта памятников с социально престижными погребениями в Балтии в I–III вв. н.э.
 1 – бывш. Pischken, Kг. Wehlau (ныне – Гвардейский р-н); 2 – Хрустальное, Зеленоградский р-н (бывш. Wiekau, Kг. Fischhausen); 3 – Изобильное, Полесский р-н (бывш. Klein Fließ, Kг. Labiau); 4 – Поваровка, Зеленоградский р-н (Kirrehnen, Kг. Samland); 5 – Швейцария (Белостокское воеводство, Польша)

мерации И. Хейдека, по системе Г. Кемке – Wi-14). В яме глубиной ок. 0,5 м от уровня пахоты И. Хейдек и Эккарт “нашли лишь белые следы костей вместе с коричневыми следами, оставленными (древесной) корой саркофагов”. К северу от края могильной ямы находились в каменном ящике 4 сосуда-приставки, один из которых содержал остатки погребального костра (рис. 3, 3). У восточного края могилы лежали остатки щита и двух сломанных наконечников копий. Прочий инвентарь – железные пряжка, фибула, топор и боевой нож, бронзовая фибула не получили в публикации подробного описания (Heydeck, 1900–1904. S. 218). Заслуживает внимания обозначение сосудов-приставок из этого комплекса как “кружка типа Викау” и датировка комплекса этапом В₂/С₁ = 150–200 гг. н.э. (Nowakowski, 1996. S. 29, 30). Долгие годы это погребение благодаря реконструкции И. Хейдека (рис. 3, 6) считалось подкурганым. На самом деле, согласно полемому эскизу Эккарта, скопированному в 1931 г. Генрихом Зоммером, камни, составлявшие панцирь над могилой, практически не выступали над поверхностью земли (рис. 3, 7). Сооружение этого погребального комплекса можно реконструировать следующим образом:

1. В насыпь кургана эпохи раннего железа, ближайший аналог которому находится планиграфически рядом с погребением XIII, перед совершением захоронения в насыпи труположения в “саркофаге” была по линии север–юг прокопана траншея (рис. 3, 1, 2). В результате этого каменный панцирь кургана по его оси север–юг оказался потревоженным.

2. Из обнаруженного в кургане каменного ящика были изъяты урны и заменены у восточного края новой могилы сосуда-приставками (“кружки

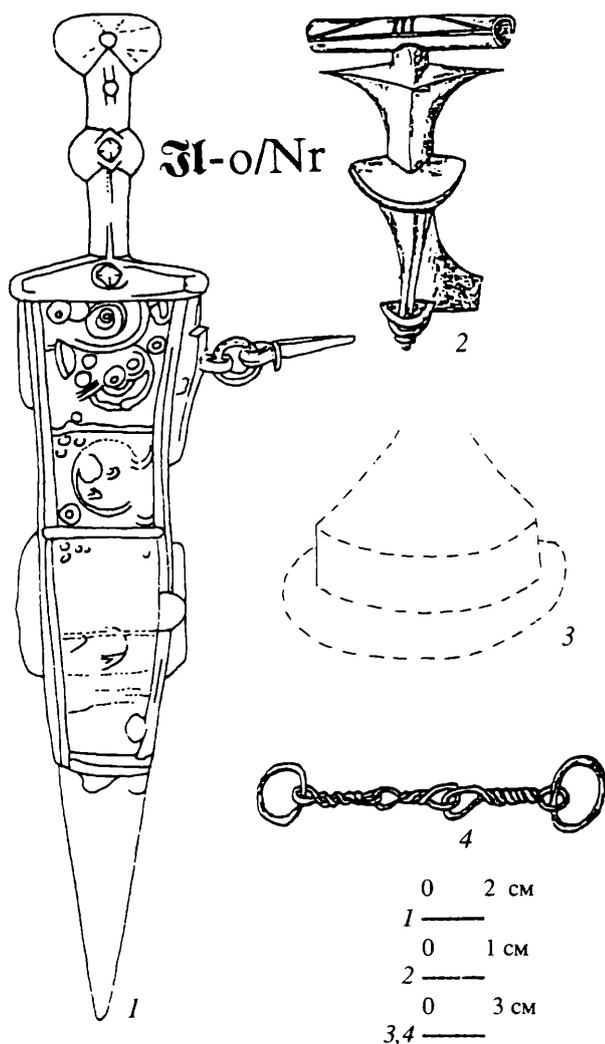

Рис. 2. Инвентарный комплекс погребения б/№ могильника бывш. Piischken

“саркофага”, провалившимися ниже уровня материка, в пределы могильной ямы (рис. 3, 7).

5. Последним действием процесса погребения была засыпка поверхности каменного панциря грунтом, что абсолютно нехарактерно для аутентичных древностей культуры западнобалтийских курганов.

Wi-14 датируется по паре фибул – поздних вариантов застежек типа AV,131 этапом B₂/C₁ в соответствии с хронологической системой Уллы Лунд Хансен (*Lund Hansen, 1987. Abb. 13, 20*). Умбон щита с длинным центральным стержнем и сосуда-приставки с S-видным профилем находят основательные параллели в пшеворских древностях второй половины II в. н.э. (*Godłowski, 1981. S. 115*), маркируя плотные контакты жителей Янтарного берега и Мазовши. Керамические формы пшеворского происхождения встречены во II в. н.э. на памятниках Самбии и низовий р. Ногаты (*Gaerte, 1929. Abb. 125, 126*). Для южных соседей эстиев такие керамические формы

типа Викау”) с остатками ритуальных пищи и костра. При этом на днище одной из этих “кружек” (рис. 3, 4, 5) явно раннеримского времени древний керамист имитировал позднелатенское сакральное изображение, как бы воссоздавая антураж погребального инвентаря конца I тыс. до н.э. Возможно, образец этого орнамента был попросту обнаружен на урнах, извлеченных эстиями в кургане из каменного ящика.

3. Затем в выкопанной траншее был помещен костяк в деревянном “саркофаге” с ориентацией головой на север. Покойному сопутствовали в “саркофаге” две разновеликие фибулы, что указывает на одежду воина – плащ и куртку. С востока к “саркофагу” на дно свежевыкопанной траншеи была положена пара копий, затем накрытая щитом.

4. Затем траншея, уже содержащая “саркофаг” с телом покойного, была бессистемно засыпана ранее добытыми из панциря кургана камнями, впоследствии, после гниения крышки

№14 (Baumsarg)

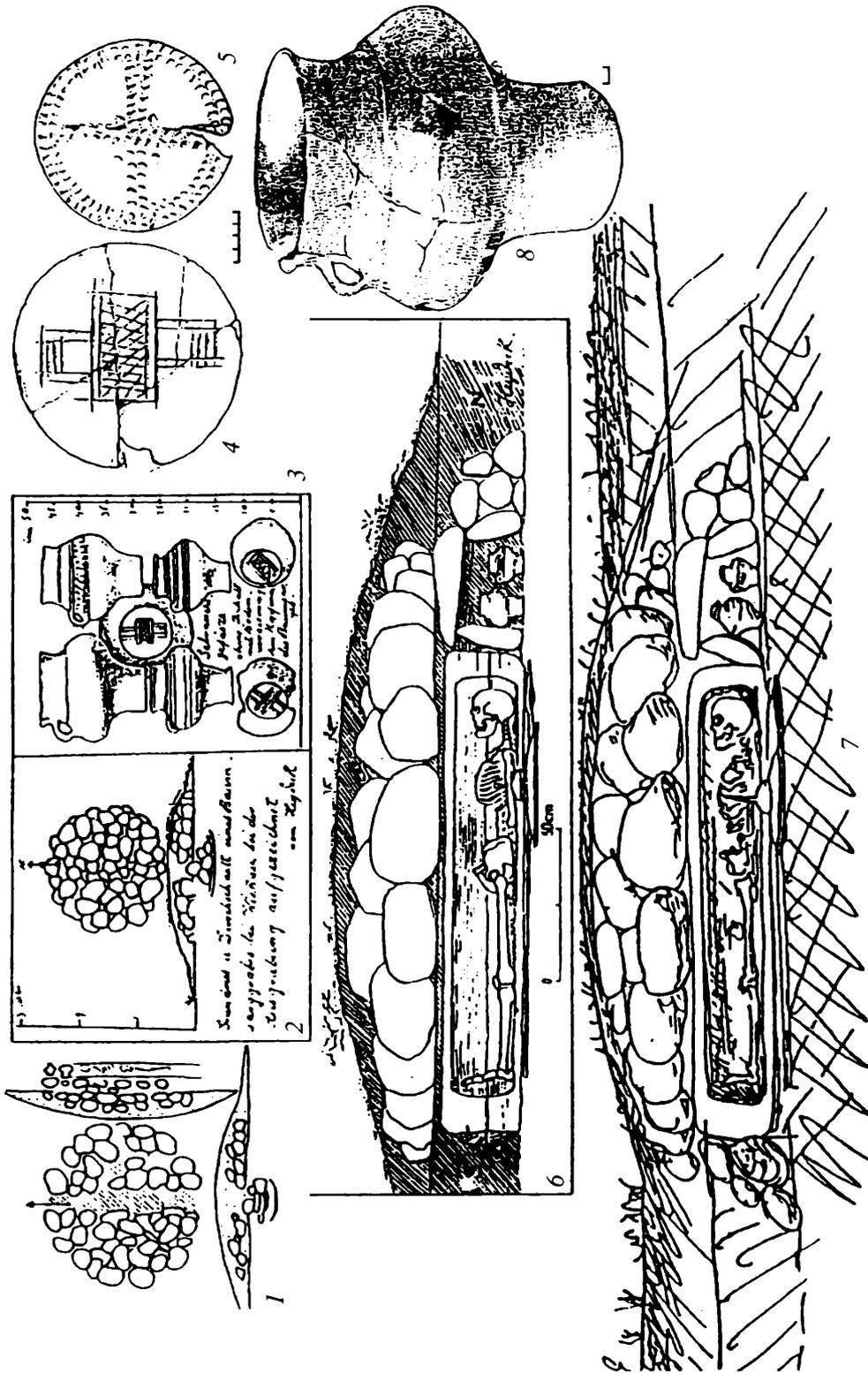

Рис. 3. Планы, сечения и сосуд-приставка погребения XIII могильника Хрустальное

I в. н.э. считаются индикаторами контактов “ пшеворцев ” с населением полуострова Ютланд (Dąbrowska, 1988. S. 196).

Погребения XXXIV–XXXV (Wi-34, рис. 4, 3, Inv. Prussia-Museum Nr IV, 261, 5533) – ингумация в деревянном “саркофаге”. Инвентарь: шайбовидная провинциально-римская фибула с эмалью красного и голубого цветов, бронзовые посеребренные фибулы типов AV, 129 и AV, 130 (рис. 4, o, g, i), две пряжки (рис. 4, l, f), пара шпор типа Jahn 52 (Raddatz, 1992/93. S. 133), короткий двулезвийный меч с остатками деревянных ножен, снабженных бронзовым наконечником (рис. 4, a, 34), втульчатый топор с остатками деревянной рукояти (рис. 4, b), шесть копий, нож, оселок, умбон щита типа Jahn 7a, рукоять щита, бритва, наконечник ремня типа Raddatz J.Ш.1 (Nowakowski, 1996. S. 30). Широко известна сделанная в Wi-34 находка конского оголовья типа Vimose с бронзовыми (ременные накладки посеребрены) деталями (рис. 5) (Heydeck, 1900–1904. S. 218, 219, Taf. XXXVII, XXXVIII, a–g). Комплекс Wi-34 датируется рубежом между этапами B₂/C_{1a} (Wilbers-Rost, 1994. S. 37) или этапом C_{1a} (Raddatz, 1992/93. S. 133). Для конского оголовья признается его местное происхождение. С. Вильберс-Рост считает, что изготавливавшиеся на Самбии оголовья и их детали при посредничестве носителей пшеворской культуры распространялись на запад Европы вплоть до Ютланда (Wilbers-Rost, 1994. S. 131). С комплексом вооружения из Wi-34 ситуация иная. В. Новаковский найденный здесь меч именуется “римским gladius” (Nowakowski, 1996. S. 30). На самом деле клинок из Wi-34 с оружием пешего легионера объединяет лишь форма его деревянной рукояти (рис. 4, a). Длина этого меча (37 см) не соответствует имперскому параметру, “углубления для кровостока” (die Blutrippen) не сходятся у острия в одну точку, да и само острие имеет гораздо более тупой угол, нежели gladius. Правда, ранее польский коллега высказал вполне здравое суждение о том, что этот клинок, некогда принадлежавший римскому кавалеристу, в варварской среде был укорочен применительно к стандарту германского клинка, предназначенного для ближнего боя (Nowakowski, 1994. S. 385). Это мнение следует признать справедливым. Набор и состав инвентаря не позволяют категорически признать западнобалтское происхождение погребенного здесь воина. К сожалению, осталась неизвестной информация о наличии или отсутствии в Wi-34 костяка коня. Обнаружение здесь полного комплекса конского снаряжения свидетельствует скорее в пользу наличия в Wi-34 останков коня. Кстати, их присутствие в воинских захоронениях Barbaricum I–V вв. н.э., связываемое с сарматским влиянием, характерно для представителей различных племен, живших в начале нашей эры между Галлией и Подунавьем (Müller-Wille, 1970/1971. S. 187, 188). Лишь косвенные признаки позволяют обозначить ту этнокультурную среду, которая повлияла на становление этого комплекса вооружения. На эту среду указывают (кроме провинциально-римских фибул) превращенный в короткий меч обломок клинка меча типа Spatha и близкий по очертаниям к топорам Barbaricum var. Kieferling 1.01 (Kieferling, 1994, Abb. 2) втульчатый топор. Волнообразный изгиб его лезвия напоминает очертания позднейших франциск. Подобного рода набор вооружения был характерен для восточ-

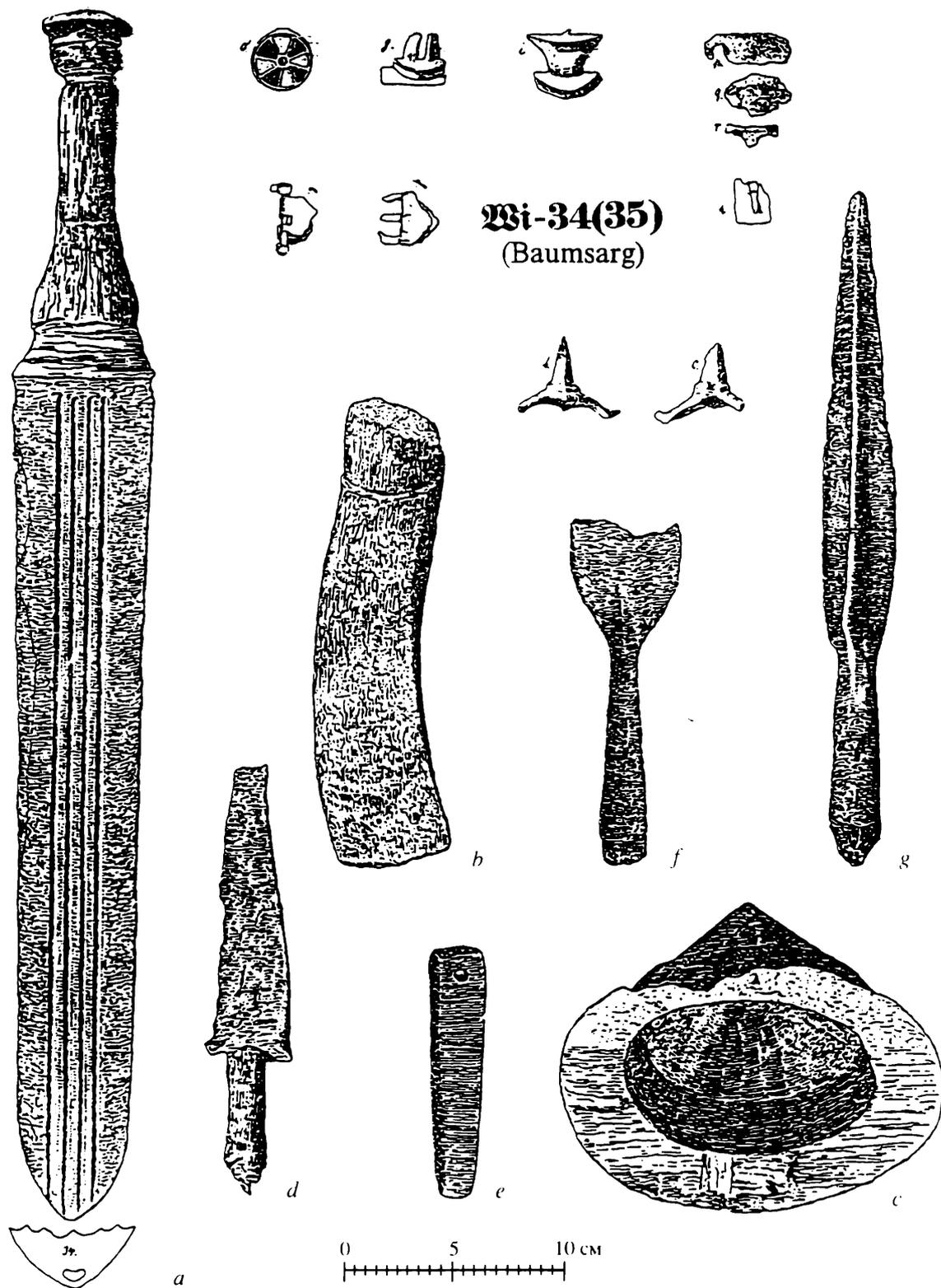

Рис. 4. Военное снаряжение и украшения из погребения 34 могильника Хрустальное

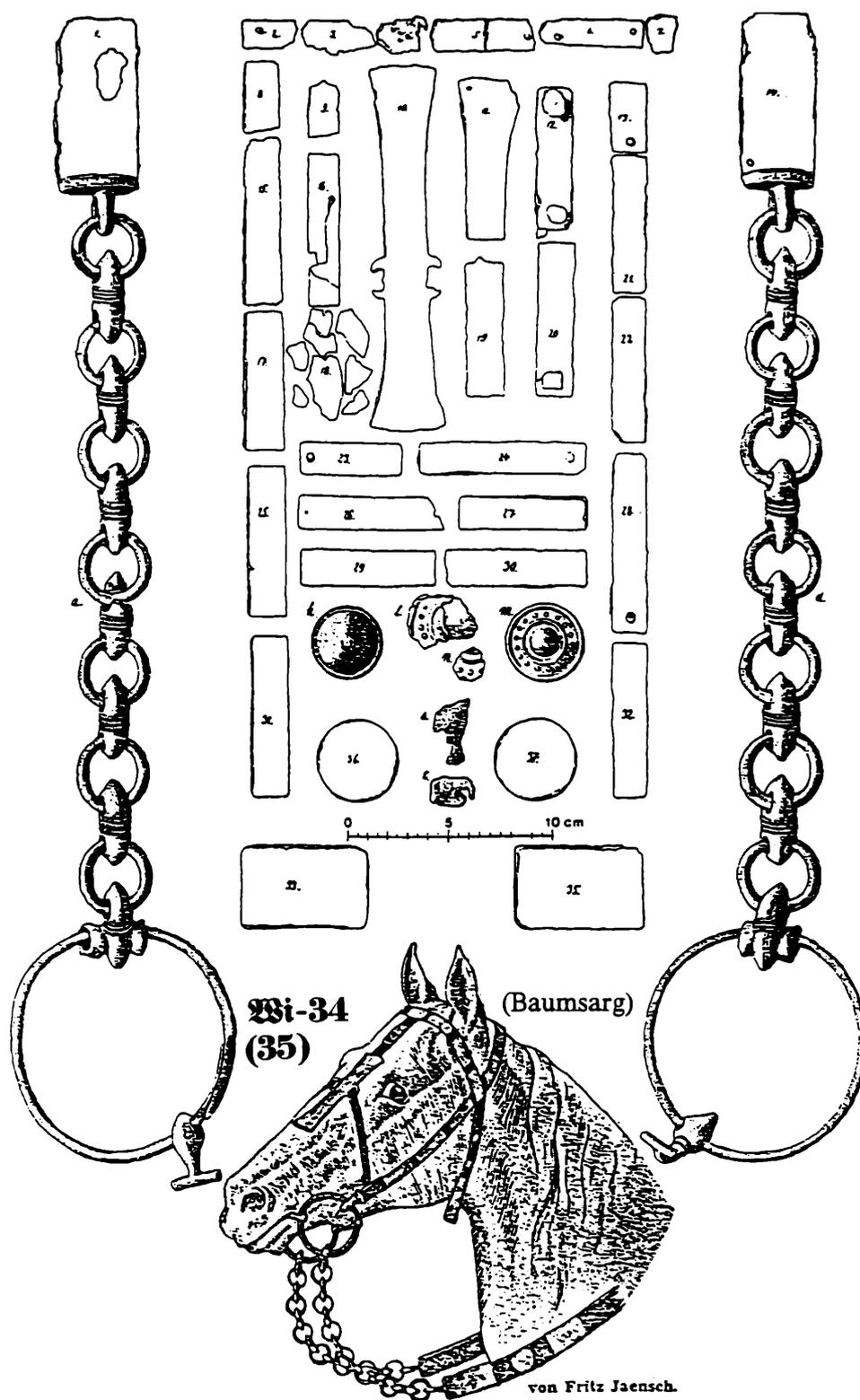

Рис. 5. Конское снаряжение и украшения из погребения 34 могильника Хрустальное

ногерманских воинов, бывших и союзниками, и противниками Рима и принесших в первой половине IV в. н.э. свои воинские традиции на запад нашего континента (*Schulze-Dörrlamm*, 1985. S. 561). Значительное количество римского оружия (в первую очередь – мечи) попало к “варварам” в результате Маркоманнских войн. Время выпадения этих трофеев в германских погребальных и прочих комплексах – вторая половина II в. н.э. – в принципе близко дате Wi-34. Один из возможных вариантов интерпретации вещевого комплекса из Wiekau – дар представителей соседствовавших с эстиями с запада германских племен, заинтересованных в стабильности янтарной торговли, одному из местных родовых аристократов. Дарители по своему происхождению или благодаря своим торговым/воинским интересам были связаны, скорее всего, с той частью *Germania Libera*, которая находилась восточнее рейнского лимеса и ограничивалась междуречьем рек Эльбы и Одера и могла включать полуостров Ютланд. Комплекс оружия из Wi-34 по своей номенклатуре находит аналогии в синхронных древностях междуречья рек Эльбы и Одера. Получив в подарок набор оружия, являвшийся высшим проявлением мужской дружбы (сравнимо с позднейшими кавказскими обычаями “кунаков”), местный знатный воин, о балтском этносе которого нет никаких свидетельств, приспособил длинный клинок *Spatha* к привычному размеру меча для ближнего пешего боя.

ИЗОБИЛЬНОЕ, Полесский р-н (бывш. Klein Fließ, Кр. Labiau). У этого пункта в конце XIX в. были обнаружены в распашке фрагменты мегарской чаши (рис. 6) с надписью CINNAM (*Brinkmann*, 1896–1900. S. 73), гипотетически относящиеся к расположенной неподалеку каменной кладке, разрушенной лесником Беммелем. В этом месте И. Хейдек в 1897 г. открыл, согласно полевому эскизу (рис. 6, 3) двухъярусное погребение K1-F1-[I] (*Heydeck*, 1896–1900. S. 57–59). Под остатками каменной кладки (небольшое всхолмление высотой не более 0,40 м) были обнаружены урна с тремя сосудами-приставками (один из них – рис. 7, 2). Ниже, на глубине ок. 2,5 м от современной дневной поверхности был выявлен конский скелет, ориентированный черепом на юг (?). Его сопровождали снаряжение в виде оголовья с бронзовыми деталями и удила с бронзовыми кольцами. По сосудам-приставкам K1-F1-[I] датируется этапом $B_2/C_1 = 150–200$ гг. н.э.

ПОВАРОВКА, Зеленоградский р-н (Kirrehnen, Кр. Samland). Погребение III (K1-III) – трупосожжение в двух урнах. Инвентарь в первой урне: сосуд-приставка (рис. 8, 1), бронзовая, покрытая серебром шарнирная провинциально-римская фибула (рис. 8, 2), бронзовые, покрытые серебром детали конского оголовья типа Vimose “b” (рис. 8, 3–5, 10), бронзовые детали оголовья типа Vimose “a” (рис. 8, 6–9), бронзовая глазчатая фибула типа AIII,61, бронзовая гривна, долото с втулкой, орнаментированный костяной гребень, маленькая бронзовая провинциально-римская (?) ложка, нож, кресало, три железных обоймицы, скребница, 4 оселка. Инвентарь во второй урне, перекрытой камнем: обломки умбона, фрагменты оковки щита, наконечник копья, втульчатый топор, железный пинцет, скребница, железная пряжка, обломки железных предметов (*La Baume*, 1944, Abb. 7b, 8a, b; *Wilbers-Rost*, 1994. S. 206, 207; *Nowakowski*, 1996, Taf. 81, 1, 2). Оголовье “a” и глазчатая фибула

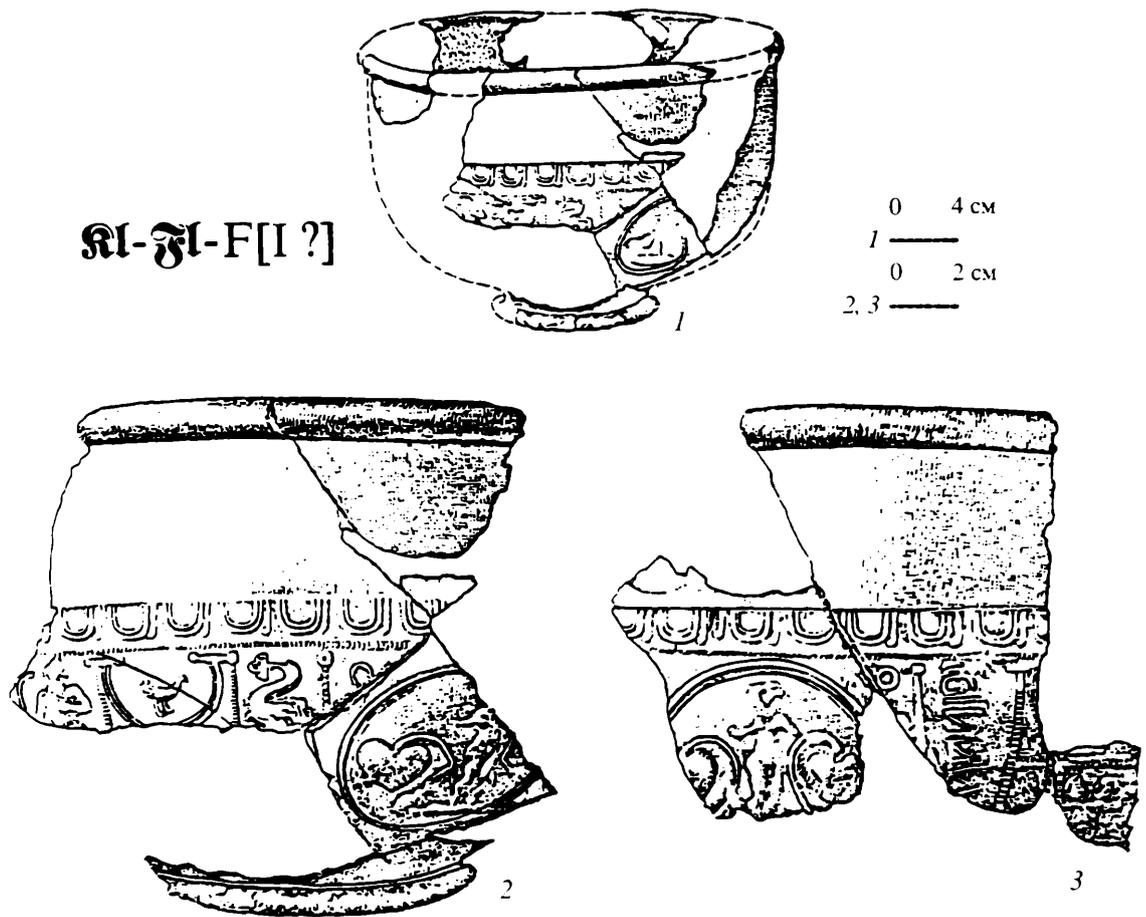

Рис. 6. Фрагменты и реконструкция сосуда типа *terra sigillata* из погребения [I] могильника Изобильное

типа АШ,61 относятся к фазе V_{1a} , шарнирная фибула и оголовье “b” датируются фазой C_1 (Кулаков, 2003а. С. 264, 266). Складывается впечатление, что в могилу эпохи Маркоманнских войн или попали трофеи в виде переживших свою эпоху предметов фазы V_{1a} , или их помещали с ритуальными целями в могилу как наследие предков погребенного.

Хронологически представленные в каталоге погребения совпадают с основным массивом комплексов типов Lübsow и Naßleben-Leuna в центральной части Барбарикум. Напротив, считаемые классическими для западных балтов “княжеские” погребения в судавском ареале (Szwajcaria, курган 2, 22) относятся к фазам C_2 и C/D (Jaskanis, 1977. S. 330, 331) и являются, очевидно, более поздними формами погребений племенной верхушки социумов на восточном рубеже мира “варваров”. Остальные “княжеские” могилы Балтии (Plinkaigalis, Taurapilis, Proose) датируются еще более поздним временем (вторая половина V–VI вв. н.э.) и, очевидно, связаны с вождями полиэтничных дружинных формирований.

Если в судавских материалах IV–V вв. н.э. очевидны признаки принадлежности погребенных к балтскому этносу (подкурганые погребения в со-

К1-31-[1]

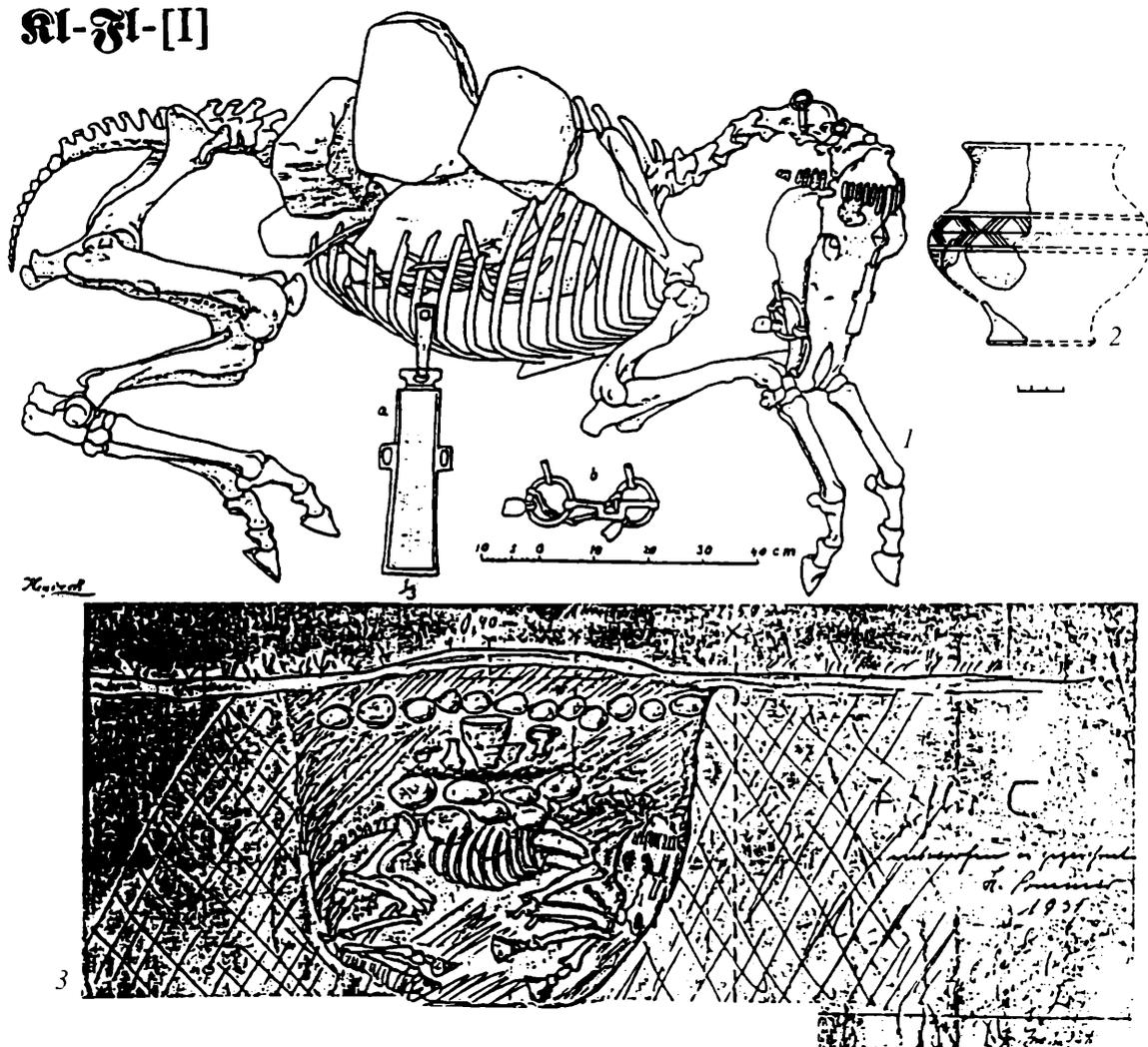

Рис. 7. Костяк коня, сосуд-приставка и полевой чертеж сечения погребения [1] могильника Изобильное

проведении конских костяков), то связь с автохтонными обрядовыми традициями реализуется лишь в случае с К1-III, где две урны могут воспроизводить характерный для балтского обряда начала нашей эры обычай семейных могил. В остальном этнокультурные признаки могил с эксклюзивными чертами обряда (вторичное использование кургана, помещение в могилу предметов конского снаряжения) указывают на древнегерманскую этнокультурную принадлежность погребенных.

Представленные в каталоге комплексы не могут тягаться в роскоши с классическими “княжескими” могилами в соседнем вельбарском ареале (Wekllice-7, погребения 150, 208 – *Okulicz-Kozaryn*, 1992. Рис. 3–9). Обладая некоторыми признаками могил типов Lübsow и Naßleben-Leuna (труположения, римские “импорты”), наличием оружия и отсутствием пиршественных наборов провинциально-римской посуды, “богатые” комплексы юго-восточной Балтии в строгом смысле слова “княжескими” не являются и,

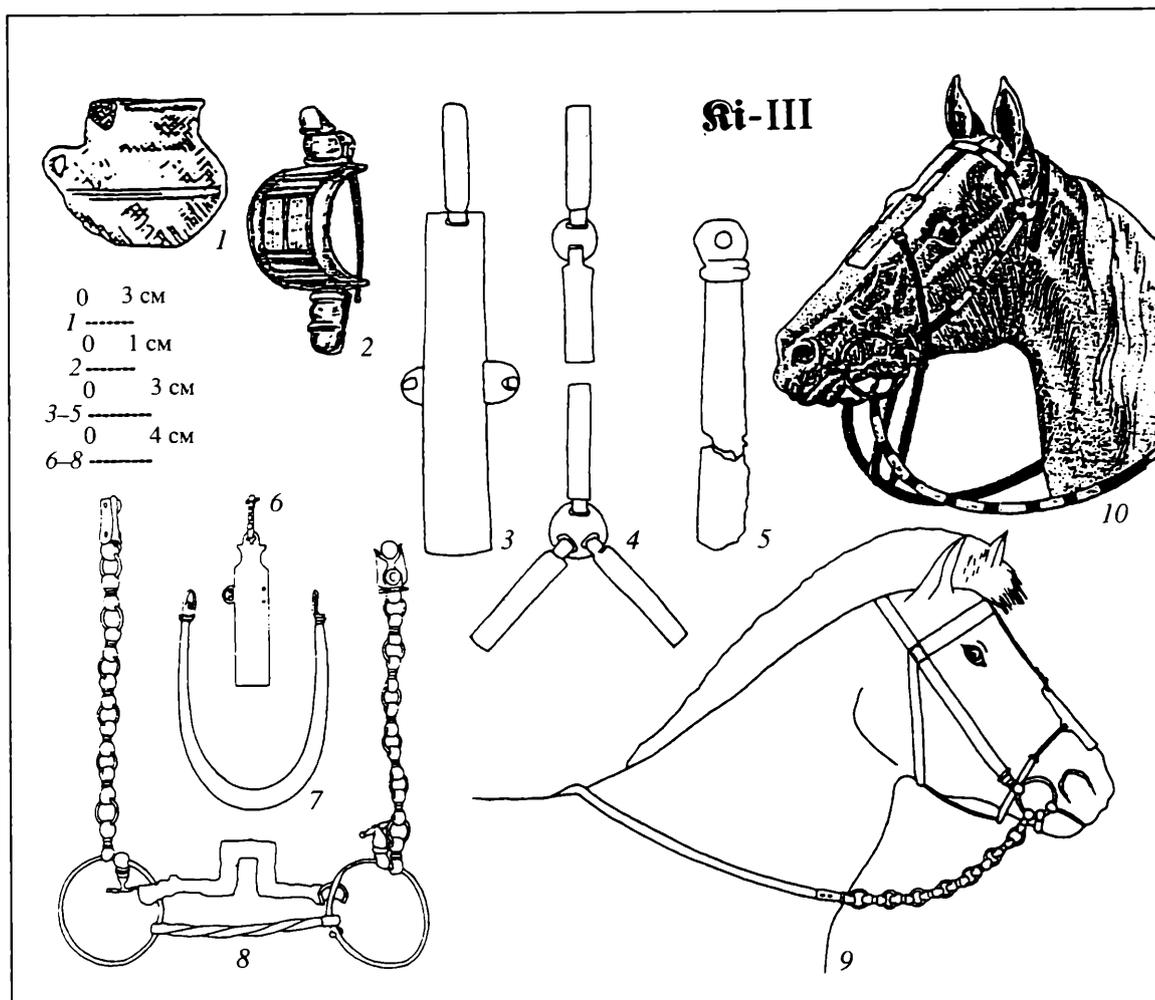

Рис. 8. Инвентарный комплекс погребения III могильника Поваровка

очевидно, не содержат останков племенных князей традиционного для древнегерманского общества вида. Однако, как отмечалось выше, современная историческая наука пришла к выводу о полиэтничном характере племен *gens* римского времени. “Лоскутность” черт обряда и инвентаря могильников Янтарного края I–IV вв. н.э. подтверждает этот тезис. Поэтому не следует искать типично германских или балтских черт в палеосоциологии обществ интересующего нас региона. Здесь, на восточной границе *Barbaricum* в римское время существовало, скорее всего, полиэтничное общество, в котором ведущую роль, судя по представленным в каталоге комплексам, играл германский элемент.

Представленные читателю комплексы из ареала эстиев можно интерпретировать следующим образом:

1. П-о/Nr, Wi-34, Kl-FI-[I] – погребения, сопровождаемые захоронениями коня и/или конским снаряжением, содержат останки знатных воинов или вождей воинского подразделения, осуществлявшего в I–II вв. н.э. охрану янтарных месторождений и составлявшего конвой по Янтарному пути

(так называемая “Самбийская ала”/СА – Кулаков, 2003б. С. 82–84). Включавшая выходцев из различных племен, СА находилась под кельтским культурным влиянием и могла принадлежать в качестве подразделения “варваров”-федератов к римской армии, оставивших “венедский” горизонт местных древностей.

2. Wi-14, Ki-III – могилы, содержащие останки знатных воинов-pobiles или, не исключено, представителей родовой верхушки тех германских племенных групп, которые на завершающей фазе Маркоманнских войн (ок. 170–180 гг. н.э.) предприняли захват Самбии (Кулаков, 2003б. С. 242–247), открыв тем самым “кимврский” горизонт древностей юго-восточной Балтии.

Ни один из опубликованных к настоящему времени социально престижных погребальных комплексов I–III вв. н.э. Балтии нельзя прямо связать с памятниками типа Lübsow и Naßleben-Leuna и назвать “княжескими” даже в кавычках. Этот вывод, кажущийся пессимистическим относительно палеосоциологии Янтарного края, таковым на самом деле не является: полиэтничное общество Янтарного края, включавшее в римское время группы балтов, романизированных кельтов и германцев, выработало критерии захоронений своей родовой и воинской элиты, отличные от “классических” германских сообществ. В первом приближении в числе этих критериев следует упомянуть обильно представленные предметы вооружения и воинского снаряжения, провинциально-римские детали одежды и вооружения, конские захоронения или комплексы снаряжения (для воинов СА). Дальнейшие исследования древностей эстиев несомненно пополнят этот список признаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольфрам Х., 2003. Готы. СПб.
Клиндт-Йенсен О., 2003. Дания до викингов. СПб.
Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М. Вып. Г4-4.
Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. М. Вып. Д1-27.
Кулаков В.И., 2003а. Работы на могильнике Доллькайм/Коврово // Археологические открытия 2002 года. М.
Кулаков В.И., 2003б. История Пруссии до 1283 г. М.
Лихтер Ю.А., 1998. Стекло черняховской культуры // РА. № 2.
Селицкий А.И., 2002. “Воданические короли”: религиозный аспект формирования королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.
Шукин М.Б., 1999. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция или что такое черняховская культура? // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса. № 4.
Brinkmann A., 1896–1900. Funde von Terra Sigillata in Ostpreussen // Prussia, Bd. 20.
Vujack G., 1887–1888a. Accessionen des Prussia-Museums: (Baumsärge zu Wiekau, Kr. Fischhausen) // Prussia. Bd. 14.
Vujack G., 1887–1888b. Accessionen des Prussia-Museums // Prussia. Bd. 14.
Carnap-Bornheim C., 1999. Kaiserzeitliche germanische Traditionen im Fundgut des Grabes des “Chef militaire” in Vermand und im Childerich-Grab in Tournai // Germanen beiderseits des spätantiken Limes // Spisy Arch. ústavu AV ČR Brno. Köln; Brno. Vol. 14.

- Dąbrowska T.*, 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej: Chronologia-zasięg-powiązania. Warszawa.
- Eggers H.J.*, 1953. Lübsow, ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit // *Prähistorische Zeitschrift*. Bd. 34/35 (1949/1950).
- Gaerte W.*, 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.
- Godłowski K.*, 1981. Kultura przeworska // *Præhistoria ziem polskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. T. V.
- Heydeck J.*, 1896–1900. Fundberichte (Eine Kultur- und Grabstätte in Forsterei Kl. Fliess, Kr. Labiau) // *Prussia*. Bd. 21.
- Heydeck J.*, 1900–1904. Gräberfeld bei Wiekau, im Volk Kucksberg genannt // *Prussia*. Bd. 21.
- Jaskanis J.*, 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego: Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. Warszawa. T. IV.
- Kieferling G.*, 1994. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg.
- La Baume W.*, 1944. Altpreußische Zaumzeug // *Alt-Preußen*. 9. Jg., H. 1/2.
- Lund Hansen U.*, 1987. Römischer Import im Norden. København.
- Müller-Wille M.*, 1970/1971. Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter // *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*. Bd. 20/21. S. 119–248.
- Nowakowski W.*, 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodnio-bałtyjskiego krągu kulturowego // *Archeologia*. T. XXXIV.
- Nowakowski W.*, 1990. Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum: "Germania" Tacyta w świetle analizy źródeł archeologicznych // *Meander*. Bd. 2. H. 3.
- Nowakowski W.*, 1994. Krieger ohne Schwerter – Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg. S. 379–391.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt // *Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg*. Marburg; Warszawa. Sonderband 10.
- Okulicz-Kozaryn J.*, 1992. Centrum kulturowy z pierwszych wieków naszej ery ujścia Wisły // *Barbaricum'92*. Warszawa. T. 2.
- Raddatz K.*, 1992/93. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // *Offa*. Bd. 49/50. S. 127–187.
- Schultze E.*, 1992. Zu den Grab- und Bestattungssitten in Mitteleuropa während der ersten Jahrhunderte n. Chr. // *Præhistorische Zeitschrift*. Bd. 67.
- Schulz W.*, 1933. Das Fürstengrab und das Gräberfeld von Hasleben // *Römisch-Germanischen Forschungen*. Berlin; Leipzig. Bd. 7.
- Schulze-Dörrlamm M.*, 1985. Germanische Kriegergräber mit Schwertbeigabe in Mitteleuropa aus späten 3. Jahrhundert und der ersten Hälfte des 4. Jahrhunderts n. Chr: Zur Entstehung der Waffenbeigabensitte in Gallien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 32. Jg.
- Wenskus R.*, 1961. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz.
- Wielowiejski J.*, 1970. Kontakty Noricum i Pannonii z ludami połnoznymi, Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Wilbers-Rost S.*, 1994. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germanis Libera. Oldenburg.

К. Цукерман

АЛАНЫ И АСЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Существование оссов – один из самых примечательных фактов в истории.

Ф. Дюбуа де Монпере.

Путешествие по Кавказу

Опираясь на малоизвестный пассаж из “Книги церемоний византийского двора” и на сведения “Кембриджского документа”, я попытаюсь определить, какое место на карте, а вместе с тем и на политической арене Кавказского региона, занимала Асия, государство асов. По традиции, включаемая учеными в состав Аланского царства Асия предстает здесь как самостоятельная политическая единица. Новый анализ данных “Армянской географии” проясняет географическое и племенное различие между аланами и асами: вопреки распространенному взгляду, первые располагаются западнее вторых. В новом свете предстают также и корни современных потомков асов – осетин.

1. АЗИЯ “КНИГИ ЦЕРЕМОНИЙ”

В “Книге церемоний византийского двора”, основная часть которой была составлена в 946 г. по указанию императора Константина VII Багрянородного (*Zuckerman, 2000b. P. 669–672*), содержатся сведения о дипломатических сношениях Византии с кавказскими странами. Глава II, 48, описывающая протокол обмена посланиями с иностранными державами, содержит список и кавказских адресатов (*De ser. P. 688*). Перечень начинается Арменией и Иберией, с подробным перечислением удельных правителей этих стран, затем следуют Алания, подчиняющаяся эксусиократору, и Абасгия, находящаяся во власти эксусиаста; после идет список архонтов еще девяти государств. Этот перечень – единственное свидетельство о дипломатических связях Византии с часто совсем крошечными странами Восточного Кавказа: горной областью Раввадидов, Цанарией, Дидонией, Ширваном, Хурсаном, Барзандом, Муканом. Среди прочего, из этого списка видно, что во время междуцарствия, последовавшего за исчезновением последнего из Саджидов в 929 г., ряд северных территорий Азербайджана утверждает свою независимость, в частности, наладив связи с Византией, – до того момента, как мусафирид Марзубан ибн Мухаммад в 942–943 гг. вновь восстанавливает единство эмирата и упраздняет “государства” Барзанд и Мукан, равно как, на время, и независимое раввадидское княжество (подробнее см.: *Zuckerman, 2000a. P. 532–539*).

¹ Сокращенный перевод статьи: *Zuckerman, 2000a. P. 532–542, 548–562*.

Девятая страна в этом списке, Азия, представляет особый случай. Она фигурирует в явно испорченном пассаже:

εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Σαρβάν. οἵτινες κείνται μέσον Ἀλανίας καὶ Τζαναρίας εἰς τὸν ἄρχοντα Ἀζίας. ἐν ᾧ εἰσὶν αἱ Κασπεῖαι πύλαι

Архонту Сарбана, которые располагаются (мн. ч.) между Аланией и Цанарией;
Архонтам Азии, в котором находятся Каспийские ворота.

Σαρβάν – это Ширван, прибрежное княжество к югу от Дербентского прохода, ненадолго усилившееся во второй четверти X в., северный сосед Мукана и Барзанда (*Минорский*, 1963. С. 106 и сл.). Его северо-западные соседи – дидойцы. Что касается Цанарии армянских и арабских источников, а также “Книги церемоний”, то она соответствует в эпоху Константина Багрянородного Кахетии, выступая далеко за пределы изначальной племенной территории цанаров, к югу от Дарьяльского ущелья (*Мкртумян*, 1983. С. 50–89; *Лордкипанидзе*, 1988. С. 251–269). Тем не менее, информация о том, что Ширван находится между Аланией и Цанарией, не имеет смысла: ни одна из этих стран не имеет с ним общей границы².

Не следует, однако, приписывать автору списка эту грубую географическую ошибку. Заметка о Ширване грамматически неисправна. Первая часть фразы в единственном числе (εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Σαρβάν) не соотносится со второй частью во множественном (οἵτινες κείνται); текст явно испорчен. Следующая заметка, посвященная Азии, также проблематична: εἰς τοὺς ἄρχοντας Ἀζίας (женский род), ἐν ᾧ (мужской/средний род) εἰσὶν αἱ Κασπεῖαι πύλαι. Эти географические и грамматические несовпадения находят экономичное объяснение, если признать, что часть описания Азии переместилась. Заметка реконструируется в следующем виде: εἰς τοὺς ἄρχοντας Ἀζίας, οἵτινες κείνται μέσον Ἀλανίας καὶ Τζαναρίας ἐν ᾧ εἰσὶν αἱ Κασπεῖαι πύλαι (Архонтам Азии, которые располагаются между Аланией и Цанарией, в месте где находятся Каспийские ворота). Можно легко предположить причину порчи текста. Фраза οἵτινες κείνται μέσον Ἀλανίας καὶ Τζαναρίας, опущенная копиистом (или добавленная задним числом самим автором списка), вероятно, была приписана на полях или над строкой, а затем, когда текст переписывался, вставлена в предыдущую заметку. Предложенная здесь реконструкция принята в новом критическом издании “Книги церемоний”, готовящемся к печати Ж. Дагроном.

Локализация Азии на Дарьяле (у Каспийских ворот) была принята Вивьеном де Сен-Мартеном (*Vivien de Saint-Martin*, 1852. P. 244–246). Независимо и в несколько иной форме, ее поддержал Й. Маркварт, который вслед за

² Вивьен де Сен-Мартен (*Vivien de Saint-Martin*, 1852. P. 244–246) противопоставил это наблюдение мнению Сен-Мартена (*Saint-Martin*, 1819. P. 310), отождествившему Σαρβάν с Ширваном. Сам же он связал название “Сарба” с неким горным поселением сербов. Рансимен (*Runciman*, 1929. P. 171) определил Σαρβάν как Сарир, могущественное княжество на севере Дагестана; на приложенной к книге карте Рансимен попытался вставить Сарир между Аланией и Цанарией. Грегуар (*Grégoire*, 1952. P. 322–323) согласился с тем, что Σαρβάν = Ширван и предложил исправить Ἀλανίας на Ἀλβανίας, “чтобы все встало на свои места”. Но данное решение, равно как и предложение Рансимена, не считаются с географическими данными.

В. Томашеком замечает, что “die Alanen hätten ihr Berggebiet südlich von Kasbek Ἀλωχία, nördlich davon Ἀζία genannt” (*Marquart*, 1903. P. 168)³. В самом деле, “Книга церемоний” однозначно свидетельствует о существовании некоей независимой страны Азии, возле Каспийских ворот. Если принять нашу конъектуру текста, то получается, что эта страна расположена точно между Аланией и Цанарией, т.е. на Дарьяле. Более того, это единственное упоминание в византийском тексте страны Азия дополняется еще одним свидетельством – из еврейского текста того же самого времени. Оказывается, что “Книга церемоний” – не единственный источник, повествующий о контактах этого кавказского государства с Византией.

2. АЗИЯ = АСИЯ “КЕМБРИДЖСКОГО ДОКУМЕНТА”

“Кембриджский документ”, письмо на древнееврейском языке, значительный фрагмент которого был найден в Каирской Генизе, был составлен в Константинополе зимой 949–950 гг. (*Zuckerman*, 2000b. P. 660). Он содержит краткий очерк истории Хазарии, где дважды упоминается страна Асия. В эпоху хазарского царя Вениамина, около 900 г., царь “Македонии” (Византии), разозленный обращением хазар в иудаизм (немного позднее 861 г.), настроил против них соседей, в первую очередь, царя Асии. Но Вениамин смог отбить атаки неприятеля благодаря решительной помощи своего союзника, царя алан (fol. II, 1.4–9). “Кембриджский документ” заканчивается списком стран, воевавших с хазарами на момент его составления, через полвека после Вениамина, и страна Асия по-прежнему фигурирует там на первом месте (fol. IV, 1.23) (*Golb, Pritsak*, 1982. P. 112–114, 120, 137, ср.: *Zuckerman*, 1995. P. 254).

По поводу Асии было высказано несколько гипотез. П.К. Коковцов предложил считать ее страной Огузов – могущественного тюркского племени, кочевавшего к востоку от Хазарии (*Коковцов*, 1932. С. 117, примеч. 1), однако последующие исследования показали, что огузы значатся в “Письме” под именем турок (*Golb, Pritsak*, 1982. P. 133–134). О. Прицак склонен видеть в Асии государство буртасов, которое арабские географы помещали между Волжской Болгарией и Хазарией. В своих рассуждениях он опирается на этимологию имени буртасов, происходящего будто бы из **furt-as* – “речные асы”. Но гипотеза Прицака противоречит единодушному мнению восточ-

³ Маркварт добавляет с досадой, что Томашек, по своему обыкновению, не приводит источник, из которого берется $\chi\omega\chi$ а. Этот топоним фигурирует в акте константинопольского патриархата 1364 г. (изд.: *Miklosich, Müller*, 1860. № 221. P. 477), где идет речь о правах митрополита Алании в Алании, Кавкасии и Ахохии, но не приводится никаких сведений, касающихся местоположения указанных регионов. Занятно, что Лауре и Кана (*Laurent, Canard*, 1980. P. 64 (№ 83)) переставляют местами взаимное расположение Азии и Ахохии – “Аланы называли Азией часть своей территории, располагавшейся к югу от Кавказа, а Ахохией – к северу”, – ссылаясь при этом на Томашека и Маркварта. Наконец, для С. Рансимена Азия представляется как “some unidentified country” рядом с Дербентским проходом (иначе называемым Каспийскими воротами) (*Runciman*, 1929. P. 171–172).

ных источников, современных “Кембриджскому документу”, где буртасы предстают как подданные и собратья по оружию хазар. Согласно Ибн-Рус-те, “буртасы подчиняются князю хазар, которому они предоставили 10 000 всадников” (*Ibn Rusta*, 1955. P. 157, ср.: *Hudūd al-‘ālam*, 50. С. 162; ком. с. 462–465, где приведены другие свидетельства, в частности, Ал-Масуди; *Заходер*, 1962. С. 230–252). Затруднительно перевести их в ранг заклятых врагов Хазарии на основе одной этимологической реконструкции, к тому же еще ожидающей доказательств (если только автор от нее до сих пор не отказался)⁴.

Более детальным анализом проблемы идентификации Азии мы обязаны М.И. Артамонову, выдвинувшему две гипотезы (*Артамонов*, 1962. С. 356–360; ср.: *Гадло*, 1994. С. 20–22). Первая, принятая автором, строится на сближении (восходящем к первому издателю “Документа” Шехтеру) Азии с ясами донских степей, известными по летописям. Летописные свидетельства относятся, в основном, к XII в., но Артамонов усматривает связь между ясами и населением, в значительной части кавказского происхождения, жившим в том же регионе в VIII–X вв. и определяемым археологами как носитель салтовской культуры. Однако, если “салтовцы” были народом Азии, остается объяснить их враждебность по отношению к хазарам, ибо, как показал в первую очередь сам Артамонов, салтово являлось основной археологической культурой Хазарского каганата. Отсюда гипотеза о некоей междоусобице – якобы “салтовцы” изменили хазарам, заключив союз с их врагами-печенегами, за что были жестоко наказаны. После планомерного истребления предателей лишь немногим “салтовцам” удалось бежать к печенегам, что и объясняет их возрождение, уже после падения каганата, под именем ясов.

Доводы Артамонова затрагивают важную проблему происхождения ясов и кавказского компонента салтовской культуры; мы вернемся к этому позже. В остальном же они вызывают много сомнений. Нет никаких свидетельств о гражданской войне, в которой хазарский правящий слой противостоял бы основной этнической составляющей своего государства. Кроме того, такая реконструкция событий кардинально расходится с данными “Кембриджского документа”, а не объясняет его, как полагает автор. Азия выступает в нем в качестве внешнего врага, а не мятежника; враждебные отношения между Азией и Хазарией не сводятся к одной кампании по истреблению, но длятся на протяжении, по меньшей мере, пятидесяти лет.

Как кажется, сам М.И. Артамонов не был полностью удовлетворен своей гипотезой, ибо, обосновав ее, он предложил альтернативный вариант. Как известно, Птолемей упоминает о некоем племени *Asaioi*, жившем по соседству с аланами в понтийских степях, в то время как несколько источни-

⁴ О. Прицак (*Golb, Pritsak*, 1982. P. 134) отсылает к своей статье (*Pritsak*, 1978), но там (p. 264) он обещает доказать этимологию **furt-as* в последующей работе, до сих пор так и не вышедшей. Предложенный Прицаком вариант был отвергнут А.П. Новосельцевым (1990. С. 195), однако принят Г.Е. Афанасьевым (1993. С. 13) и мной (*Zuckerman*, 1995. P. 254), что я теперь считаю ошибкой. Недавно О.Б. Бубенок (1997. С. 130–133) выдвинул новую, на мой взгляд, малоубедительную этимологию этнонима “буртасы”, поддержанную в предисловии к книге Прицаком.

ков XIII–XV вв. используют этноним “асы” в качестве второго названия аланов (см. ниже). Некоторые ученые заключают из этого, что иранское по происхождению племя асов было поглощено в раннем средневековье более сильным племенем алан, принадлежащим к той же этнической группе. Артамонов не опровергает эту версию, но при этом замечает, что если бы можно было разместить асов “Кембриджского документа” не внутри хазарского каганата, а рядом с аланами на севере Кавказа, это многое бы объяснило. Месторасположение алан как ближайших соседей асов было бы им на руку для вторжения в Асию; содействуя интересам Хазарии, это одновременно упрочивало господство алан в регионе. Артамонов отвергает идею кавказской локализации Азии лишь потому, что “у нас нет никаких данных, подтверждающих такую степень самостоятельности северокавказских асов в X в., которая позволила бы допустить их независимую от алан внешнеполитическую активность”.

Вторая гипотеза Артамонова делает честь его исторической интуиции, так как “Книга церемоний” дает нам как раз те сведения, которых ему не хватало. Отныне никто не может сомневаться ни в том, что во времена, описываемые в “Кембриджском документе”, к востоку от Алании существовало государство Азия/Асия, ни в реальности дипломатических сношений Азии с Византией. Византийская интрига, послужившая источником враждебности асов к Хазарии, восходит, если следовать хронологии, вытекающей из “Документа”, к царствованию Льва VI (886–912). Локализация Азии “между Аланией и Цанарией” опровергает отождествление страны Азии с асами-ясами донских степей, влекущее серьезные внутренние противоречия.

Итак, отбросив ходячие стереотипы, следует разделить этническую единицу “аланы” на алан, с одной стороны, и на асов – с другой. Эта дихотомия подтверждается для более ранней эпохи другими источниками, в первую очередь “Армянской географией” (см. ниже). Что касается ясов, С.А. Плетнева сближает кавказский компонент салтовской культуры с восточным вариантом так называемой аланской культуры. Из этого исследовательница заключает, что часть населения восточной Алании, спасаясь от арабских полчищ, неоднократно проходивших через Кавказ во второй трети VIII в., нашла прибежище на Дону (Плетнева, 1967. С. 71 и сл., особенно табл. 23, 3 на с. 89). Однако то, что С.А. Плетнева считает Восточной Аланией, является страной асов. Позднейшие ясы сохранили название племени, из которого они вышли.

3. АЛАНЫ, *DIGOR И *AWSURK’ “АРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ”

Политическое размежевание двух государств Северного Кавказа: Алании на западе и Азии на востоке, основывается на племенном делении. Между тем, ни Алания ни Асия не состояли из единого племени. Согласно протоколу “Книги церемоний”, императорские письма должны были быть адресованы многочисленным предводителям (ἀρχοντες) Азии за отсутствием

центральной власти. (Так же дело обстояло в Цанарии, у венгров (“турок”) и печенегов: De seg. P. 691, ср.: *Marquart*, 1903. P. 168.) Это деление возникло за несколько веков до Константина Багрянородного. Анализ исключительно подробного свидетельства “Армянской географии” позволяет установить племенной состав обеих политических единиц.

По письменным источникам, история асов (Ἀσίοι) берет свое начало во II в. до н.э. в центральной Азии, история алан – на юго-востоке от Аральского моря, в первые десятилетия нашей эры (см. библиографию в ст.: *Gnioli*, 1996). Но нам нет необходимости рассматривать столь ранние миграции этих двух народов. Изучение средневекового периода их истории целесообразнее начать с обзора народов Сарматии в “Географии” Птолемея. Аланы, располагавшиеся к северу и западу от Меотиды, принадлежали к народам европейской Сарматии (к западу от Дона). Ἀσίοι были одним из племен азиатской Сарматии (к востоку от Дона). Их место в третьей (из четырех) группе племен, расположенных в порядке с севера на юг, наводит на мысль об их южном местоположении, к востоку от Меотиды, а возможно, даже в степях Северного Кавказа (*Птол.* III, 5, 7, 9–10; V, 8, 10).

Два столетия спустя после Птолемея Аммиан Марцеллин связывает с аланами территорию, намного более протяженную на восток, но замечает, что этот народ, подчиняя соседей, постепенно передал им свое название. Для Аммиана под этим названием объединяются несколько племен, которых он не перечисляет: “Halani, quorum gentes varias nunc recensere non refert”. В начале 370-х годов аланский союз потерпел поражение со стороны гуннов и почти целиком стал частью их обширной империи (*Амм. Марц.*, XXXI, 2, 13–17; 3, 1). Часть алан сместилась на запад, вплоть до северной Африки. Другая их часть отступила к югу, где, оставив гуннам и их сателлитам Понтийскую степь и равнины к северу от Кубани и Терека, нашла себе пристанище в предгорье Северного Кавказа (обзор дебатов по хронологии проникновения алан в этот регион см.: *Абрамова*, 1993. С. 169 сл.). Место асов в перечне Птолемея позволяет предположить, что они входили во вторую группу.

Первым, кто упомянул об аланах на Кавказе, был Прокопий Кесарийский. Согласно его сведениям, на западе их соседями были зихи, абасги и Вроῦχοι; на востоке их территория простиралась до Каспийских ворот (Дарьяльского ущелья) (*Прок.*, VIII, 3, 4; 4, 1). На севере они граничили с византийской Лазикой и персидской Иберией. Краткие упоминания об аланах у Прокопия выглядят противоречиво. С одной стороны, царь Лазики Губаз нанимает их на императорскую службу – как и их соседей, гуннов-сабиров – в качестве “давних союзников римлян” (*Прок.*, II, 29, 15 и 29). С другой стороны, аланы, опять-таки вместе с сабирами, входят в состав персидской армии, проникшей через Иберию в Лазику. В этом случае аланы описываются как союзники персов, часто воюющие с римлянами (*Прок.*, VIII, 1, 4; 3, 4; 8, 28–38). У Менандра Протиктора описание алан столь же непоследовательно. Как верные союзники Византии они способствуют ее сношениям с аварами и тюрками через горные проходы западного Кавказа; их предводитель (ἡγούμενος/ἡγέμων) Саросий (ок. 557–573) всегда оставался верным им-

ператору (фрагм. 4 и 22 FHG = фрагм. 5,1 и 10,5 изд. Blockley). Тем не менее, по словам Менандра, в договоре о византийско-персидском перемирии 561–562 гг. оговаривается обязательство персов воспрепятствовать вторжению гуннов и алан на территорию Империи через Дербендский проход и Дарьял. Десять лет спустя, после того, как договор был расторгнут, нанятые персидским царем сабиры и аланы напали на Византию через Албанию (т.е. через Дербендский проход) и были разбиты (фрагм. 11 и 42 FHG = фрагм. 6,1 и 18,5 изд. Blockley).

“Двурушничество” алан было сопоставлено В.Б. Ковалевской с данными археологии, по которым в западной Алании доминировала византийская материальная культура, а в восточной части страны прослеживается персидское влияние. Из этого В.Б. Ковалевская сделала вывод о политическом делении Алании на две части – Западную и Восточную, каждая из которых выбирала свой политический курс в зависимости от географического положения (*Деоник*, 1958. С. 619–621). Прокопий дает аналогичное объяснение политической ориентации гуннов-сабиров: поскольку этот многочисленный народ (ἔθνος) не имел центральной власти, то разные его предводители сами выбирали себе союзников (*Прок.*, VIII, 11, 23–24). У упомянутых авторов аланы предстают то как народ (αὐτόνομον ἔθνος у Прокопия, VIII, 3, 4), то – как объединение племен (τά Ἀλανικά ἔθνη у Менандра, фрагм. 43 FHG = фрагм. 19,1 изд. Blockley). Как указывал уже Аммиан Марцеллин, название “аланы” распространялось и на покоренные ими племена.

Племенной состав и территориальные границы обоих “аланских” образований проясняются благодаря сведениям “Армянской географии”, написанной век спустя после Прокопия и Менандра. Напомним, что существуют длинная версия этого трактата, сохранившаяся в единственной рукописи, и сокращенная версия, дошедшая в десятках манускриптов. С.Т. Еремян предложил реконструкцию архетипа, а также ряд удачных конъектур в тексте. Полезен недавно выполненный Р.Х. Хьюсеном комментированный английский перевод трактата, где обе версии размещены друг против друга (*Hewsen*, 1992. P. 55–57). Именно в длинной версии, обнаруженной чуть более века назад, содержится детальное описание Северного Кавказа (*Géographie arménienne*. С. 26).

Согласно классической географической схеме, оба склона Кавказского горного хребта принадлежат азиатской Сарматии, по южной границе которой пролегает Кавказ. В трактате перечисляются народы, расположенные как по северную, так и по южную сторону хребта. Попытка частично их отождествить была предпринята, вслед за другими, Й. Марквартом (*Marquart*, 1903. P. 169–172), затем, более полно, – С.Т. Еремянном и Р.Х. Хьюсеном (см. ниже). Мы заимствовали из этих комментариев их наиболее надежные выводы. Основной принцип – не всегда применявшийся Еремянном – состоит в том, чтобы соблюдать географический порядок народов, объединенных в группы. Народы представлены “с запада на восток” (i mtic’yels koys) (а не “from east to west”, как переводит Хьюсен – *Hewsen*, 1992. P. 55); это указание подразумевает, что если местоположение группы народов определяется как “после” или “дальше” (yet, ara) по отношению к

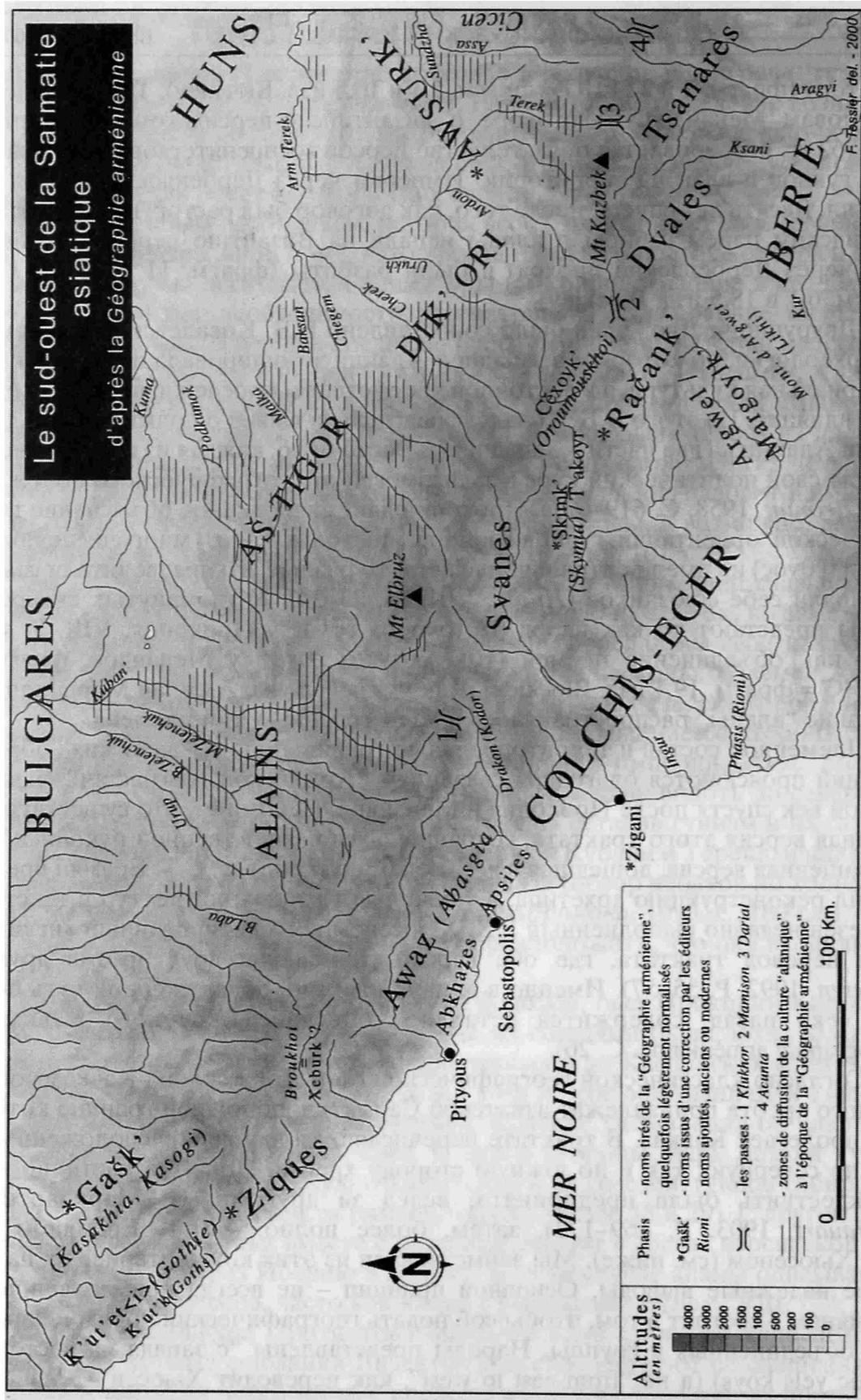

Рис. 1. Карта распространения "аланских" древностей

предыдущей, то на карте следует двигаться на восток. Иногда расположение народа *внутри* своей группы остается гипотетическим, но в любом случае он не может вторгаться за границы соседних групп. Мы рассмотрим три группы народов в том порядке, как они приведены в трактате (см. рис. 1).

Первая группа состоит из “народа/племени (*azg*) алан (в тексте – “албанцев”, ср.: *Миллер*, 1887. С. 110–111) *aštigor*, которые на юге; с ними живут *xeburk'* и *k'ut'etk'* [(и *siyimk'*), добавляет сокращенная версия] и *argwel* и *mar-doyl* [*margoylk'* в сокращенной версии] и *t'akoyr* и аланы” (пунктуация Хьюсена: *Hewsen*, 1992. Р. 55; русские переводы с текста Еремяна – например: *Габриелян*, 1989. С. 32 и 38–39 – основаны на иной пунктуации и заключают ненужные исправления).

а. – В форме *aštigor* (*aš-tigor*) распознается этноним “ас” и название “дигор”, до наших дней означающее западное сообщество осетин (*Миллер*, 1887. С. 106). Уточнение, что **as-digor* – это “племя алан”, позволяет отличить их от **digor* (*dik'ori*) страны Ардоз, входящих в следующую группу (см. ниже). Четко указанное расположение последних позволяет разместить первых на карте в полном соответствии с указанием автора, помещающего **as-digor* к югу от собственно алан, смещенных в конец списка. **As-digor* поставлены во главу группы и занимают главенствующее положение (другие народы “живут с ними”).

б. – Название *xēburk'* можно соотнести с Βροῦχοι – народом, который Прокопий помещает между абасгами и аланами, на границе с Зихией (*Procopé*, 1963. II. Р. 500 (VIII, 4, 1)). Это местоположение подтверждается “Анонимным периплом по Черному морю” (*Diller*, 1952. Р. 129), где на месте реки Боргис “Перипла Арриана” (на современной границе между Абхазией и Россией) стоит: εἰς Βροῦχοντα λοταμόν – форма, откуда выводят именительный падеж Βροῦχων. Вероятно, редактор “Анонимного перипла” (или его источника) ошибся, анализируя форму: Βροῦχων λοταμός означает не что иное, как реку брухов (генетив от Βροῦχοί). *Eremyan*, 1973. Р. 268, примеч. 69) переносит народ *xeburk'* в Дагестан, вопреки географическому порядку изложения.

с. – *K'ut'ētk'*, по Маркварту, являются жителями *K'ut'ēti*, страны народа *K'ut'ēk*, упомянутого в начале главы про азиатскую Сарматия среди народов, живущих между болгарами Кубанской равнины и Черным морем (*Marquart*, 1903. Р. 171). Они фигурируют там между *garšk'* (касоги, Κασαχία трактата “Об управлении империей”) и *swank'* (сваны), за прибрежным государством Абаза (Абасгия). Уже Ф. Вестберг признал в *k'ut'k'* готов, прозванных Прокопием тетракситами (или трапезитами) (*Прок.*, VIII, 4, 9 – 5, 5; 18, 22–23; *Westberg*, 1899 [1900]. Р. 309), которых археологи помещают в районе Новороссийска. А.В. Гадло отвергает эту идентификацию, как и вообще расположение готов-тетракситов на побережье Черного моря, противопоставляя ей тот факт, что автор “Географии”, говоря о готах в Европе, использует форму *gudk'*, а не *k'ut'k'* (*Géographie arménienne*. Р. 11, cf. p. 16; ср.: *Гадло*, 1979. С. 75–79). Однако при разном использованных им источников автор вряд ли мог отдать себе отчет в том, что речь в обоих контекстах идет об одном и том же этносе. Этноним “гот” в грузинском языке имеет форму

“*guti*” (Kartlis sçovreba, 1955. P. 68, указание М. Касрадзе). При переходе в армянский -г оглушается и становится -к’ (этим хорошо известным явлением объясняется также разница в формах *aš-tigor* и *dik’ori*); этноним **gut*’ трансформируется в *k’ut*’, мн. *k’ut’k*’, а название страны **Gu’-ēti* – в **K’u’-ēti*. Названия северо-кавказских этносов явно пришли в “Армянскую географию” через посредство грузинского языка (и скорее через устное предание, чем через письменный источник), что будет подтверждено и в дальнейшем. *Eremyan*, 1973. P. 263 и 268, исправляет *k’ut’k*’ на *k’urt’k*’ и считает их курталинцами, жителями долины Куртаули к западу от Дарьяла, а название *k’ut’etk*’ возводит к небольшой горной гряде Кударо в южной Осетии. Однако принадлежность *k’ut’etk*’ к первой, наиболее западной, группе противоречит гипотезе Еремяна, который располагает их слишком далеко на востоке.

d-e-f-g. – *Siyimk*’, название которых сохранилось в сокращенной версии, обитали в *Σχυμια* – стране, подчинявшейся (согласно *Прок.*, VIII, 2, 23) царям лазов, расположенной за Лазикой близ *Souania*-Свании: μετὰ δὲ αὐτοῦς [за лазами] κατὰ τὴν μεσόγειαν Σχυμία [издатели без надобности исправляют на *Σχυμνία*] τε καὶ Σουανία ἐστί; ср. *Eremyan*, 1973. P. 268, примеч. 81). *Argwel* и *Mardoyl/Margoylk* соответствуют округу Аргвети (он же Маргви) на границе между Иберией и Лазикой. *T’akoyn* – это *T’akveri*, к северо-западу от Аргвети (*Marquart*, 1903. P. 171; *Eremyan*, 1973. С. 268). Впервые этот топоним встречается в письме Анастасия Апокрисиария, товарища по ссылке Максима Исповедника, современном “Армянской географии”. Он повествует, что в августе 662 г. был переведен в крепость в Такирия, рядом с Иберией (τῆς λεγομένης Θακυρίας πλησίον Ἰβερίας) (*Devreesse*, 1955. P. 12.). По мнению Еремяна, названия *T’akoyn*–*T’akveri* и *Skymia*–**Skiwmik*’ означают одну и ту же местность, соответствуя грузинскому округу *Leč’xumi* (*Skymia-Letchkhoumi* однозначно тождественна *Thakuria-Thacwer* в *Wakhoucht*, 1842. P. 349).

h. – Аланы, потесненные **as-digor*, переходят на последнюю позицию. В начале той же главы мы читаем, что река *Drakon*, ныне Кодор⁵, разделяющая Абасгию и Лазику, берет начало в Алании. Такое указание предполагает, что территория Алании захватывает южный склон Кавказа. Эта удивительная на первый взгляд информация находит, между тем, подтверждение в письме Анастасия Апокрисиария (конец 665 г.). Когда Максим Исповедник был заключен в крепость Схемарис, “рядом с народом, именуемым аланами”, Анастасия вначале поместили в крепость Буколус в *Mèsiana*

⁵ См.: *Миллер*, 1887. С. 110–111; *Eremyan*, 1972–1973. С. 264, примеч. 38–39. Хьюсен (*Hewsen*, 1992. P. 58, 112 (п. 32)), следуя одной из предыдущих работ Еремяна (*Eremyan*, 1963. См. карту), отождествляет *Drakon* с Эгури/Ингуром. Но помимо соображений Миллера, такому отождествлению противоречит, по мнению Бердзенишвили, новое определение местонахождения Зигани – города Лазики, следуя “Армянской географии” (V, 19), – у устья реки Окуми (= Зеганис), в двадцати километрах к северу от Ингура (см.: *Леквинадзе*, 1969. С. 82, примеч. 26; ср.: *Zuckerman*, 1991. P. 534 и карта, 539). Граница Лазики с Абасгией в эпоху написания “Армянской географии” проходила к северу от Зигани, т.е. по Кодору, а не по Ингуру. Хьюсен (*Hewsen*, 1992. P. 127, cf. p. 58) располагает Зигани на Фасисе, не учитывая его новую локализацию.

(*Mesimiana* или *Misimiana* в латинском переводе Анастасия Библиотекаря), в пограничном (ἐν τοῖς μεθωρίοις) с аланами районе. Но очень быстро он был переведен в Такирию, в то время как крепость Буколус была “захвачена аланами, которые с тех пор ее удерживают” (*Devreesse*, 1955. P. 11). Затем правитель лазов перевел Анастасия в крепость Фусту, *ad partes Apsiliae et Misimiana* (*Devreesse*, 1955. P. 13). Страна Мисимиания располагалась в районе верхнего течения и к юго-востоку от реки Кодор, между Лазикой на юго-западе и Апсилией на северо-западе; именно здесь с определенной долей уверенности можно расположить Буколус и Фусту (*Воронов*, 1975. С. 150 и др.). Согласно Агафию Миринейскому, Буколус (называемый Буклоос) в 556 г. принадлежал Мисимии/Мисимиании, находясь на границе с Лазикой, причем мисимиане подозревали императорского офицера Сотириха в замысле передать аланам контроль над крепостью (*Агаф.* III, 15, 9). Спустя век аланы добились этой передачи силой оружия, не прибегая к поддержке Византии. Фуста же предстает как город алан в житии апостола Андрея, составленном в начале IX в.: Симон и Андрей отправляются εἰς Σαλαμίαν (sic!) καὶ εἰς Φοῦσταν πόλιν, где совершают чудеса, а потом оттуда идут в Абасгию (*Eriphanus*. Col. 244A). Аланы явно забирают контроль, по обе стороны горного хребта, над торговым путем, пролежавшим через Клухор. Эта динамика отражается в “Армянской географии”, где Алания простирается до истоков Кодора, включая в себя Кавказский хребет, а название “Мисимиания” вовсе не встречается.

Ко второй группе относится только один народ: “Дальше (*en yet*) находятся *dik'ori(n)* из страны Ардоз в горах Кавказа, откуда берет начало река *Arḡm(n)* и, протекая на север через широкие равнины, впадает в *At(i)l'*”. Форма *dik'ori* воспроизводит грузинское название страны дигоров – *Digori*, переданное принцем Вахушти (*Wakhoucht*, 1842. Карта 5; ср. выше топоним *K'ut'eti*, ставший названием народа). Река *Arḡm(n)* не может быть ничем иным как Тереком, хотя он и впадает не в Волгу (*Atil*), а в Каспийское море. Описание этой реки и особенно сведения, почерпнутые из осетинской устной традиции, позволяют определить местонахождение страны Ардоз – это долина Уруха (притока Терека), в западной части современной Северной Осетии и на востоке Кабардино-Балкарии (*Волкова*, 1973. С. 111. Миллер, без особых оснований, помещал страну Ардоз во Владикавказской долине, см. ниже).

Все комментаторы сходятся на том, что формы *aš-tigor* и *dik'or* представляют варианты одного этнонима – дигоры. В “Армянской географии” различаются две разновидности дигоров: первая, как явствует из текста, представляет собой “народ алан”, вторая же таковым не является. Земли, заселенные двумя частями разделившегося племени, очевидно, граничили друг с другом. В таком случае, *aš-tigor* находились к западу от страны Ардоз. Такое соседство проясняет слова трактата о том, что *aš-tigor* – это “народ алан... живущий на юге”. Поскольку Кавказский хребет простирается с северо-запада на юго-восток, то самое восточное племя алан – в данном случае, **as-digor* – оказывается и самым южным.

Третья группа, расположенная “в тех же горах, за ардозийским народом”, включает в себя “*dajank'* [*gačank'* в сокращенной версии], *dualk'*, *sčxouk'*, *purk'* [*ap'urk'*] и *canark'*, которым (принадлежат) Ворота аланов, а также иные Ворота под названием *K'cek'en* [*Cicen*], по одноименному народу”.

Dajank', или лучше *gačank'*, по Еремяню, представляют собой жителей округа Рача, примыкающего к Аргвети и *T'akveri*. При перечислении автор продолжает следовать с запада на восток. О двалах, цанарах и *cicen*, т.е. чеченцах, речь идет в той части статьи, которая не вошла в настоящий перевод. Этноним *sčxouk'* Еремян сближает с названием *Sac'xumet'i* (округ на северо-западе Картли), *Leč'xumi* (= Скимия) и *S'xumi* (город Сухуми); эта топонимическая цепочка приводит к могущественному ранее народу *Mósoxi*, или *Mésoxi* (*Muski* ассирийских текстов) (*Eremyan*, 1973. С. 269), последние представители которого сохранились только в высоко в горах. В “Таблице Певтингера” и “Равеннском анониме” о народе *musetice/micetiton* говорится как о соседях двалов. По Прокопию, *Mésoxi* признали сюзеренитет царей Иберии; живя в недостижимых вершинах Кавказского хребта, они занимались земледелием (*Procopé*, 1963. II. P. 494 (VIII, 2, 24–26)). Географическое расположение *Mésoxi* соответствует району, где надлежит поместить *sčxouk'*.

Объяснением этнонима *p'urk'*, или скорее *ap'urk'*, мы обязаны Еремяню. Достаточно было легкого в палеографическом плане исправления – и *ap'urk'* превратился в **awsurk'*, (следует произносить *ōsurk'*), что соответствует этнониму *o(v)s* – грузинской форме слова “ас” с грузинским суффиксом *-ur-*, за которым следует армянский формант множественного числа *-k'* (*Eremyan*, 1973. С. 269 и примеч. 84). Еремян поместил *awsurk'* на восток от цанаров и к югу от двалов. Эта гипотеза, однако, заставляет поместить все народы третьей группы к югу от хребта и, следовательно, от **digor* страны Ардоз, не включая в их число племя, расположенное “после (т.е. на восток от) ардозийского народа”. Кроме того, решающее свидетельство “Книги церемоний”, не учтенное Еремяню, говорит о местонахождении Азии к северу от Цанарии. На самом деле, **awsurk'* размещались на востоке страны Ардоз, во Владикавказской долине и бассейне реки As(s)a, которая, по всей видимости, унаследовала свое название от асов.

Этноним *as* в “Армянской географии” встречается дважды: в именах *aš-tigor* и **awsurk'*. В первом случае подчеркивается, что дигоры, связанные с аланами, – это асы. Это указание, не повторяемое, когда речь идет о дигорах из страны Ардоз, явно относится к обеим частям дигорийского разрозненного племени. Его разделение было, вероятно, вызвано особенностями рельефа местности, также способствовавшего выделению территории современной Северной Осетии. **awsurk'* – не-дигорийские асы – располагаются к востоку от страны Ардоз. Таким образом, центральная часть Северного Кавказа оказывается поделенной на четыре племенные единицы: алан, **as-digor*, представляющих собой одно из аланских племен, *(as)-*digor*, не связанных с аланами, и **awsurk'*. Согласно Ибн Русте, “аланы включают в себя четыре племени, из которых самое благородное – там, где выбирают князя – называется *D.khsas*”. Эти четыре аланских племени Ибн Русты

(он не различает алан и асов) соответствуют четырем племенам “Армянской географии”, расположенным на той же самой территории (*Ibn Rusta*, 1955. Р. 167); Маркварт (*Marquart*, 1903. Р. 165–167) видит этноним *as* в последней части слова *D.khsas*; Минорский (1958. С. 445, примеч. 5) предлагает, не без колебаний, исправить **D.khs-As* на **Rukhs-As*, в качестве параллели приводя этноним *roxsalani*; ср. *Гадло*, 1994. С. 19. Любое исправление здесь будет очень рискованным).

Сведения “Армянской географии” соотносимы с греческими источниками. Аланы и западная часть дигорийских асов, ставшая “племенем алан”, составляют Аланию, являвшуюся союзницей Византийской империи при Юстиниане. Вторая часть дигорийских асов и “просто” асы (**awsurk*‘) были на востоке союзниками Персии. В эпоху Константина Багрянородного архонты Азии выступали, вероятно, предводителями двух последних племенных образований. То, что ни в одном византийском тексте, кроме “Книги церемоний”, не упоминается об Азии (а лишь об аланах и Алании), объясняется тем, что эти источники прилагают ко всем выходцам из бывшего аланского союза название западного племени, с которым Византия поддерживала контакты через Лазику и Абасгию. Следуя той же логике, грузинские источники распространяют на все племена имя асов (осов) – соседей Грузии.

К сведениям письменных источников следует добавить результаты археологических изысканий. Раскопки, ведущиеся на Северном Кавказе с конца XIX в., обнаружили оригинальную культуру, атрибутируемую как аланская, но равным образом принадлежащую и асам; ее распространение позволяет установить границы совместной территории этих народов с большей точностью, чем это возможно сделать на основании текстов (*Кузнецов*, 1973. С. 60–74, карта на с. 65; *Ковалевская*, 1984. С. 14–15 (карта). На нашей карте (рис. 1) зона распространения “аланских” древностей очерчена по указаниям этих двух авторов). Ряд богатейших захоронений, найденных в долине Кисловодска, способствовал определению политического центра западной Алании, связанного с именем царя Саросия. Именно в этом месте располагались **as-digor*, занимающие доминирующее место в “Армянской географии” и являющиеся, по нашему мнению, самым благородным из четырех племен в сочинении Ибн Русты. Что же касается возможной связи между племенными делениями и двумя вариантами “аланских” древностей, различаемыми некоторыми археологами, – западным (в верхнем течении Кубани, Кумы и их притоков) и восточным (в бассейне верхнего Терека с притоками), – то проблема эта выходит за рамки нашей компетенции.

4. АСЫ, АЛАНЫ, ОСЕТИНЫ

Расположение алан и асов на нашей карте не должно было бы вызывать удивление. Луи Вивьен де Сен-Мартен в своем исследовании, опубликованном в 1850 г., собрал сведения, приводящие к такому же расположению (*Vivien de Saint-Martin*, 1850. Р. 105–180). В частности, он приводит две карты: отца Арканджело Ламберти, появившуюся в 1654 г., и Жозефа-Николя

Делия, начерченную в Санкт-Петербурге в 1738 г. и напечатанную в Париже в 1765 г. (*Lamberti*, 1654 (с раскладывающейся картой); *De l'Isle*, 1766; ср. *Allen*, 1953. Р. 99–100), – на которых Алания располагается западнее горы Эльбрус, где, как мы только что определили, находилось племя алан. Так как карта Делия основывалась на сведениях и материалах, собранных грузинским царевичем Вахушти, то очевидно, что и в “Описании Грузии” Вахушти страна Аланет была помещена “на запад от Суанета, к северу от Бедии”, (*Wakhoucht*, 1842. Р. 413). Вивьен де Сен-Мартен ссылается на путешественников, свидетельствующих, что страна кабардинцев и балкарцев к востоку от Эльбруса и западу от современной Осетии именуется соседними народами “Осетия”. Наконец, он придает большое значение сведениям “Книги церемоний”, из которых заключает, что взаиморасположение осетин и аланетов в “Описании Грузии” “в точности соответствует государствам азов и аланов времен Константина Багрянородного” (*Vivien de Saint-Martin*, 1852. Р. 249).

К сожалению, книга Вивьен де Сен-Мартена, напечатанная в количестве всего шестидесяти пяти экземпляров, почти не вызвала резонанса в научном мире. Этот труд, равно как и свидетельство “Книги церемоний”, остались неизвестными Всеволоду Миллеру, отцу осетинских исследований в России, и Юлиану Кулаковскому, чей сборник данных по истории алан (*Кулаковский*, 1899) служит основой для знакомства с византийскими источниками многих кавказоведов. Этот факт помогает понять, почему осетинские исследования стали развиваться – по большей части, по почину Миллера – наперекор тому, что мы изложили выше.

Миллер превосходно знал Осетию и ее народ. Картографические данные и свидетельства путешественников, согласно которым Алания и Осетия находятся соответственно на западе и на востоке от Эльбруса, от него не ускользнули. Миллер также был знаком с длинной версией “Армянской географии”, опубликованной за семь лет до его исследования, и мы обязаны ему многими полезными наблюдениями над текстом (обзор переводов и комментариев к главе “Армянской географии”, посвященной азиатской Сарматии, см.: *Гаглойти*, 1966. С. 155–166). Между тем, располагая лишь неточными переводами, Миллер сделал почти сюрреалистические выводы касательно расположения этносов: алан он разместил на западе, у истоков Кубани, асов – восточнее, затем снова алан – еще дальше на восток, в стране Ардоз, якобы во Владикавказской долине (*Миллер*, 1887. С. 10–11 и 102–116. Миллер не знал о “Кембриджском документе”, впервые опубликованном в год его смерти – 1913). Такое чередование народов только укрепило Миллера в убеждении, заимствованном у пионеров осетинской истории, Потоцкого и Клапрота, что названия асов и алан суть два наименования одного этноса.

Западная Алания, все-таки признанная Миллером, исчезла в ряде позднейших исследований. Так, на карте Еремяна (1963 г.), которой точно следует Хьюсен, территория алан (отождествленных с осетинами) обозначена на востоке от горы Эльбрус (*Eremyan*, 1963, с раскладывающейся картой; *Hewsen*, 1992. Р. 56). Для Ю.С. Гаглойти “Алания начинается на восток от ис-

токов Кубани и Эльбруса” (*Гаглойти*, 1966. С. 147). Между тем, археологами-специалистами по “аланской” культуре всегда признавалась западная часть Алании. В.А. Кузнецов (ему мы обязаны фундаментальным исследованием Нижнего Архыза: *Кузнецов*, 1993), изучавший у самых истоков Кубани руины средневековой столицы Алании, тоже признавал изначальное различие между аланами и асами – двумя народами, которые, по его мнению, слились в начале Средневековья. Тем не менее, этот ученый приписал западную Аланию (а также западный вариант аланской культуры) асам, а восточную часть – аланам, противоположно схеме “Книги церемоний” (*Кузнецов*, 1992. С. 30 и др.) В исследовании, ранее опубликованном, но отражающем нынешнюю точку зрения автора⁶, он не настаивает больше на такой локализации, расценивая асов и аланов как два названия одного народа (см.: *Кузнецов*, 1988. С. 77).

Эта путаница, вызванная неверным пониманием или незнанием важнейших письменных свидетельств, касающихся средневековой истории Северного Кавказа, объясняет характер данной статьи. Каждый источник был прокомментирован в собственном контексте. В результате стало очевидным, что аланы и асы, которые различались в VII в. “Армянской географией”, сохраняли это различие, несмотря на пересекающиеся пути развития, по крайней мере, вплоть до середины X в.

Такое же различие наблюдалось и в последующие века. Мы коснемся этого позднего периода вкратце и лишь потому, что идея тождественности алан и асов, либо их слияния в эпоху Великого переселения народов базируется на трех свидетельствах не ранее XIII в. В свою очередь, они должны быть помещены в контекст, позволяющий судить об их исторической ценности.

“Historia Mongalorum” Д. Плано Карпини, написанная им под впечатлениями от путешествия к монголам в 1245–1255 гг. – первый текст, дающий уравнение “Alani sive Assi”. Оно представлено в списке народов, где так же абхазцы приравнены к грузинам (“Obesi sive Georgiani”) (*Da Pian del Carpine Giovanni*, 1989. P. 290 (VII, 9)). Гийом де Рубрук, побывавший в Монгольской империи в 1253–1255 гг., и которому был известен рассказ Плано Карпини, описывает свою встречу с “аланами, которые зовутся там аасами” (“Alani qui ibi dicuntur Aas”) перенимает формулировку “Alani sive Aas” (*De Rubric Willelmus*, 1929. XI, 1; XIV, 3. P. 191, 199. Cf. p. 150.). Наконец, венецианец Иосафат Барбаро, написавший около 1490 г. воспоминания о своем пребывании в Тане (в устье Дона) в 1436–1452 гг., говорит о землях, разоренных аланами, “называющимися на своем языке асами” (“Alani, li quali nela lor lengua se chiamano As”). Чуть дальше он повторяет отождествление: “As zoè Alani” (*Iosaphat Barbaro*, 1971. 7 и 42. С. 115, 128.). Поскольку политическая граница была смещена по отношению к границе племенной (дигорийские асы в “Армянской географии” стали “племенем алан”), Рубрук, быть может, и не заблуждался, когда принял за алан асов, встреченных в лагере монголь-

⁶ Письмо от 14 июля 1996 г., в котором В.А. Кузнецов отзывается на тогда еще не опубликованный французский текст настоящей статьи.

ского военачальника. В самом деле, на китайской карте монгольских завоеваний, напечатанной в 1331 г., появляется комбинированный этноним *a-lan-a-sz*, типичный для смешанных народов (*Bretschneider*, 1876. P. 184–189; ср.: *Bretschneider*, 1888. P. 84–90). Эту позднюю и до конца не реализованную тенденцию к слиянию не следует, однако, переносить в первое тысячелетие нашей эры.

Арабский географ Ибн Саид, современник Плано Карпини и Рубрука, проводит четкое различие между аланами, жившими на востоке от абхазцев, и их соседями – асами. По его мнению, оба народа были турками, обращенными в христианство (Ibn Saʿīd цитируется в *Abou 'l-Fidā'*, 1848. P. 286–287. Автор приписывает турецкое происхождение и русам). Географическое положение аланов по отношению к абхазцам согласуется с этническим распределением в “Армянской географии” – аланы на западе, асы на востоке. Столь же важным является свидетельство Жана де Гайфонте-на, архиепископа Сюлтание, составившего в 1404 г. труд о восточных христианах. Хорошо информированный благодаря долгому пребыванию на Востоке, в своем общем списке народностей он различает асов и аланов (“Assi, Alani”); кроме того, он упоминает три горных народа, соседствующих с грузинами (“Ioriani”): “Sunt etiam in confinibus ipsorum in montibus Duelli, Allani, Assi etc.” (*Kern*, 1938. P. 108, 113; ср.: *Tardy*, 1978. P. 93–94.). Ни у кого не вызывает сомнений при чтении “Памятника эриставов”, что двалы, хоть и зажатые между грузинами на юге и асами на севере, в XIV в. все еще сохраняют этническую самобытность. Нет никакой необходимости и отождествлять асов с аланами.

Монгольские завоевания XIII–XIV вв. повлекли изменения в этнической карте Северного Кавказа. Государственные образования алан и асов, все более и более дробные, понесшие большие потери в борьбе с монголами, уменьшались, как шагреневая кожа (*Кузнецов*, 1992. С. 329–351). Их упадок способствовал продвижению на юго-восток соседних адыгейских племен, касогов, из числа которых вышли черкесы и кабардинцы (*Кушева*, 1963. С. 162–168; ср.: *Lemercier-Quelquejau*, 1984. P. 133 – указывается, что в источниках этого времени отсутствуют упоминания об осетинах; *Некрасов*, 1990). Эти народности захватили плодородные районы на севере и востоке исторической Алании, отделив таким образом алан на западе от асов на востоке. Два народа, бывшие до того соседями на протяжении более тысячи лет, оказались разрозненными.

Путешественники, побывавшие в XVII в. в Мингрелии, сообщают о живущем на северо-восточных склонах гор маленьком народе, называвшемся аланы. Согласно сведениям отца Ламберти (около 1654 г.), соседи Мингрелии, “gli Abcassi, gli Alani, i Suani, i Gichi & i Circassi”, являлись христианами только по названию (*Lamberti*, 1654. P. 2, cf. 189). Поколение спустя другой католический миссионер, Жозеф-Мари Зампи, характеризует абкасов [абхазцев], аланов и жигов [зихов] как неверных; будто бы те жили по соседству с церковью Святого Георгия в епископстве Бедиел, недалеко от Черного моря. “Рассказ” отца Зампи о нравах мингрельцев сохранился в воспоминаниях Жана Шардена, побывавшего в Мингрелии в 1672 г. Сам он описывает

“аллан” (соответствующих аланам древних авторов) как один из народов, “граничащих с Колхидой”, и размещает их на карте на северо-(востоке) от реки Кодор (*Voyages du chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l’Orient (nouvelle édition)*, 1735. Р. 55, 111, и карта в начале тома. Русский перевод этих свидетельств см.: *Карсанов*, 1995. С. 403–408), т.е. ровно в том месте, где они осуществили прорыв в Мисимианию за тысячу лет до того. Наконец, граф Ян Потоцкий, путешествуя по Кавказу в 1797 г., узнал, что последние аланы, которых осталось не более тысячи душ, живут в долине неподалеку от Сванов; историческое название этого народа вызвало его любопытство, однако он не сумел до них добраться (*Potocki*, 1829. Р. 146–147, 180–181). Жаль! Свидетельство Потоцкого о существовании алан было последним.

По мнению В. Миллера, аланы Потоцкого являлись не потомками исторических алан, а “ветвью тюркского племени, которое живет в Карачае”; для Волковой они представлялись абазинцами (абхазцами), мигрировавшими в горы (*Миллер*, 1887. С. 113–116; *Волкова*, 1973). Подобный скептицизм ничем не обоснован. На прекрасной карте Причерноморья, опубликованной в 1769 г. Робером де Вогонди (фрагмент ее см. рис. 2), абазинцы (Малая Абазия и абазинцы-бакоанцы) четко отделяются от алан, располагающихся на севере от перевала Клухор (*De Vaugondy*, 1769). Последовательные свидетельства о присутствии алан в этом конкретном месте позволяют утверждать, что “тысяча душ”, о которых говорит Потоцкий, – на самом деле, остаток большого племени, диктовавшего некогда свои законы в понтийских степях.

В то время как остатки алан угасали в горах Мингрелии, асы, известные под именем осетин, обрели второе дыхание. Современные республики Северной Осетии (в составе Российской Федерации) и Южной Осетии (мятежная часть Грузии) являются наглядным свидетельством этого возрождения. Их современной истории мы здесь не касаемся, приведем лишь недавний занятный факт: постановлением руководства Северо-Осетинской республики она была переименована в Аланию. Сплав двух народов, который Истории осуществить не удалось, произошел через сплав двух историй.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.*, 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – V в. н.э.). М.
- Афанасьев Г.Е.*, 1993. Донские аланы. М.
- Артамонов М.И.*, 1962. История хазар. Л.
- Бубенок О.Б.*, 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.). Киев.
- Волкова Н.Г.*, 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
- Воронов Ю.Н.*, 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Габриелян Р.А.*, 1989. Армянско-аланские отношения (I–X вв.). Ереван.
- Гаглойти Ю.С.*, 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.
- Гадло А.В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гадло А.В.*, 1994. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.
- Деоник [Ковалевская] В.Б.*, 1958. Северокавказские аланы // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III–IX вв. М. С. 616–632.

- Заходер Б.Н.*, 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. Т. I.
- Карсанов*, 1995. Кавказские аланы-асы в письменных источниках позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) // Аланы: история и культура. Владикавказ. С. 403–408. (Alanica III).
- Ковалевская В.Б.*, 1984. Кавказ и аланы. М.
- Коковцов П.К.*, 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.
- Кузнецов В.А.*, 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // СА. № 2.
- Кузнецов В.А.*, 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М. (МИА. Вып. 106).
- Кузнецов В.А.*, 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе. С. 76–91.
- Кузнецов В.А.*, 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.
- Кузнецов В.А.*, 1993. Нижний Архыз в X–XII вв. Ставрополь.
- Кулаковский Ю.*, 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Кушева Е.Н.*, 1963. Народы Северного Кавказа и их связь с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.
- Леквинадзе В.*, 1969. Понтийский лимес // Вестн. древ. истории. № 2. С. 75–93.
- Лордкипанидзе М.Д.*, 1988. Кахети // Очерки истории Грузии. Тбилиси. Т. II.
- Миллер В.*, 1887. Осетинские этюды. Ч. III // Учен. зап. Имп. Московского ун-та. Вып. 8. М. (Перепечатано: Владикавказ, 1992.)
- Миновский В.*, 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М. (Пер. испр. и дополн. автором, кн.: *Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th Centuries.* Cambridge, 1958).
- Мкртумян Г.Г.*, 1983. Грузинское феодальное княжество Кахетии в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван.
- Некрасов А.М.*, 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.
- Новосельцев А.П.*, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Плетнева С.А.*, 1967. От кочевий к городам. М.
- Abou 'l-Fidā' (Aboul-Feda)*, 1848. Géographie / Trad. Reinaud M. Paris. Т. II.
- Allen W.E.D.*, 1953. Two Georgian maps of the first half of the eighteenth century // *Imago Mundi*. 10. P. 99–121.
- Bretschneider E.*, 1876. Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia. London.
- Bretschneider E.*, 1888. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. London. II.
- De cer. – Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis / Éd. Reiske J.J.*. Bonn, 1829.
- De l'Isle J.-N.*, 1766. Carte Générale de la Géorgie et de l'Arménie. Paris; Lattre.
- Devreesse R.*, 1955. La lettre d'Anastase l'apocrisiaire sur la mort de S. Maxime le Confesseur et de ses compagnons d'exil. Texte grec inédit // *Analecta Bollandiana*. 73. P. 5–16.
- Diller A.*, 1952. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxford.
- Epiphanius. De vita et actibus et morte... Andree // Patrologia Graeca. Т. 120.*
- Eremyan S.T.*, 1963. Hayastane est "Ašxarhac'oyc" (Армения по данным "[Армянской] географии"). Erevan.
- Eremyan S.T.*, 1972–1973. "Asxarhac'oyc'i" skzbnakan bnagri verakangnman p'orj // *Patmbanasirakan Handes*. 4 (1972). P. 209–230; 1 (1973). P. 238–252; 2 (1973). P. 261–274.
- Gnioli Gh.*, 1996. Il nome degli Alani nelle iscrizioni sassanidi: considerazioni linguistiche e storiche sul tema dell'opposizione tra Iran esterno e Iran interno // *Il. Caucaso: cerniera fra culture dal Mediterraneo alla Persia, Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*. Spoleto. 43. P. 831–866.
- Géographie arménienne – Géographie de Monse de Corune d'après Ptolémée / Éd. A. Soukry.* Venise, 1881.
- Golb N., Pritsak O.*, 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; Londres.
- Grégoire H.*, 1952. L'origine et le nom des Croates et leur prétendue patrie caucasienne // *Nouvelle Clio*. 4.

- Hewsen R.H.*, 1992. The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhaç'oyc'). Wiesbaden. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. B. 77).
- Ibn Rusta (Ibn Rusteh)*, 1955. Les atours précieux / Trad. Wiet G. Le Caire.
- Hudud al-alam* / Trad. V. Minorsky. London, 1937.
- Iosaphat Barbaro*, 1971. Viaggio alla Tana. Пер. и комм. см.: *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини в России. Л. С. 113–187.
- Kartlis cxovreba* / Éd. Q'auxcisvili S. I. Tbilisi, 1955.
- Kern A.*, 1938. Der "Libellus de Notitia Orbis" Iohannes' III. (de Galonifontibus?) O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 8. P. 82–123.
- Lamberti A.*, 1654. Relatione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples.
- Laurent J., Canard M.*, 1980. L'Arménie entre Byzance et l'islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. Lisbonne.
- Lemercier-Quelquejay Ch.*, 1984. La structure sociale, politique et religieuse du Caucase du Nord au XVIe siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 25. P. 125–148.
- Marquart J.*, 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig.
- Miklosich F., Müller J.*, 1860. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. I.
- Di Pian di Carpine Giovanni*, 1989. Storia dei Mongoli / Éd. Daffina P., Leonardi C., Lungarotti M.C., Menestm E., Petech L. Spolète.
- Potocki J.*, 1829. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase / Éd. annotée par J. Klaproth. Paris. I.
- Pritsak O.*, 1978. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // *Harvard Ukrainian Studies*. 2. P. 261–281.
- De Rubruc Willelmus*, 1929. Itinerarium / Éd. A. Van den Wyngaert. Sinica franciscana. Karachi; Florence. Vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV.
- Runciman S.*, 1929. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. Cambridge.
- Saint-Martin J.*, 1819. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris. T. II.
- Tardy L.*, 1978. The Caucasian Peoples and Their Neighbours in 1404 // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 32. P. 83–111.
- De Vaugondy Robert (D.)*, 1769. Carte des environs de la mer Noire où se trouvent l'Ukraine, la petite Tartarie, la Circasie, la Géorgie et les confins de la Russie Européenne et de la Turquie. Paris.
- Vivien de Saint-Martin L.*, 1850, 1852. Études de géographie ancienne et ethnographie asiatique. Paris. T. I–II.
- Wakhoucht*, 1842. Description géographique de la Géorgie par le Tsarewitch Wakhoucht / Éd. trad. Brosset M.-F. Saint-Pétersbourg.
- Westberg F.*, 1899 [1900]. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa // *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. 5e série. 11. P. 211–245, 275–314.
- Zuckerman C.*, 1991. The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // *Travaux et Mémoires*. 11. P. 527–553.
- Zuckerman C.*, 1995. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor: A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des Études Byzantines*. 53. P. 237–270.
- Zuckerman C.*, 2000a. A propos du *Livre des cérémonies*, II, 48 : I. Les destinataires des lettres impériales en Caucase de l'Est. II. Le problème d'Azia/Asia, le pays des Ases. III. L'Albanie caucasienne au Xe siècle // *Travaux et Mémoires*, 13. P. 531–594.
- Zuckerman C.*, 2000b. Le voyage d'Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946 // *Travaux et Mémoires*. 13. P. 647–672.

В.Ю. Коваль

ВИЗАНТИЙСКИЕ АМФОРЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ*

О находках амфор византийского культурного круга (АВК) в Юго-Западной Руси известно давно. Уже при первых раскопках в городах Галичины и Волыни были найдены выразительные образцы таких импортов (*Гончаров*, 1955. С. 27; *Ратич*, 1957. С. 54. Табл. III, 3; *Кучера*, 1962. С. 51. Рис. 20, 8; *Малевская*, 1969. С. 95). Крупные части амфор были найдены в развалинах Дмитриевского (Мстиславова) храма во Владимире-Волынском и опубликованы в 1950-х годах (*Якобсон*, 1951. С. 339. Рис. 10, 35; *Воронин*, 1954. Рис.76). В 1980–1990-х годах сообщения о находках “северопричерноморских амфор” на памятниках эпохи русского средневековья регулярно появлялись в научной литературе (*Шеломенцев-Терський*, 1988, С. 167; *Прищепя*, *Ніколченко*, 1996. С. 99–100). Однако системно этот материал не был изложен, не проводилась атрибуция образцов и соотнесение их с известными типами средневековых амфор.

В процессе изучения материалов, происходивших из раскопок летописных городов Галича, Звенигорода-Галицкого, Владимира-Волынского, Луцка, Белза, Городницы, Василева, Пересопницы, а также Ленковецкого городища и городища у с. Городище в Хмельницкой области (предполагаемый Изяславль), хранящихся в фондах Львовского исторического музея, Музея археологии при Институте украиноведения во Львове, Черновицкого историко-краеведческого музея и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)¹ было проведено обследование 2500 фрагментов амфор и нескольких целых (реконструированных) сосудов.

Типология АВК и свод находок средневековой амфорной керамики на территории средневековой Руси опубликованы (*Коваль*, 2003. С. 340–360). Следует отметить, что в эпоху позднего средневековья амфоры назывались в Византии *магарика* (*мегарикон*, *магарикон*) (*Bakirtzis*, 1989. P. 73). На Руси они получили название *корчаги*, перенесенное с местных крупных тарных сосудов. В древнерусской археологии АВК являются хроноиндикаторами

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 03-01-00225а).

¹ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность украинским коллегам и музейным работникам, оказавшим помощь в проведении этого исследования: С.В. Терському и М.Ю. Пицишин (Львовский исторический музей), А.С. Сытнику (Музей археологии при Институте украиноведения), И. Поддубному (Черновицкий историко-краеведческий музей).

домонгольского периода, поскольку подавляющее их большинство встречено в комплексах, датирующихся до середины XIII в. Вместе с тем, отдельные партии амфор продолжали ввозиться на Русь вплоть до XIV в.

Самой распространенной разновидностью АВК на Руси являлись амфоры “трапезундской” группы² (по И.В. Волкову), наиболее распространенные в Причерноморье и составлявшие, по нашим подсчетам, до 70% всего импорта АВК на Русь. Эти амфоры характеризуются “сфероидальным” (грушевидной формы), туловом, покрытым волнообразным рифлением, с узким коротким горлом. Отличаются дугообразными ручками, прикрепленными к горловине. Гипотеза о происхождении этого типа амфор из окрестностей Трапезунда высказана И.В. Волковым, отметившим хронологические изменения в технологии их изготовления (Волков, 1992. С. 147; 1996. С. 92; 2001б. С. 202–207). В составе группы выделяются 2 типа – ранний (1) X–XI вв. и поздний (2), XII–XV вв. Тип 1 отличается небольшими размерами, толстостенностью, прикреплением ручек ниже края горловины. Тип 2 более разнообразен по формам, но имеет общий признак – ручки этих амфор прикреплялись к самому краю горла (к венчику), поднимались несколько выше него и после плавного изгиба опускались на плечики.

На памятниках Юго-Западной Руси амфоры типа 1 практически не известны. Только в Белзе встречен 1 обломок горловины такой амфоры. Между тем в Киеве, Чернигове, Новгороде и других городах Руси известны десятки образцов подобных амфор (Зоценко, 2001. Мал. 24, 26). Все остальные обломки амфор этой группы принадлежали типу 2, причем к тем его вариантам, которые получили распространение в XII–XIII вв. (Якобсон, 1979. С. 113. Рис. 69, 1–5; Романчук и др., 1995. С. 73–77. Табл. 37–40, 42, 53–57; Barnea, 1967. Fig. 159, 2, 6; Чангова, 1959. С. 243–262. Рис. 11–13; Bakirtzis, 1989. Fig. 6). Эти амфоры изготавливались из глины розового, бежевого, реже желтого или ярко-красного цвета, в большинстве случаев – с мелкими слюдянистыми включениями. Внешняя поверхность верхней части и дна амфор покрывалась волнообразным рифлением, нижняя часть стенок, как правило, оставалась гладкой. Верхняя часть амфор облицовывалась тонким слоем белого ангоба, иногда с потеками ко дну.

Целиком сохранившихся амфор этого типа в Юго-Западной Руси не найдено, но из обломков удалось реконструировать амфоры, найденные в Галиче, Плиснеске и феодальной усадьбе в Черновке близ Черновцов (Ратич, 1957. Табл. III, 3; 1972. Рис. на с. 16; Возний, 1998. Рис. 9, 31, 1).

Второй по числу находок разновидностью АВК выступают амфоры “никейско-триллийской” группы, составляющие в среднем 20% находок АВК на территории Древней Руси. Эти амфоры имели гораздо более вытянутый и стройный корпус и отличались тем, что при изготовлении их ручек и гор-

² По нашему мнению, термин “группа” в данном случае более адекватно отражает классификационные реалии, нежели “тип”, что заставило нас уточнить свою классификационную схему, применявшуюся ранее (Коваль, 2003). Группы амфор разделяются на типы (в прежних работах группировка проводилась на типы и виды). При этом нумерация групп оставлена такой же, как она была предложена в наших ранних работах.

ловины применялась формовочная масса с большим количеством органической примеси растительного происхождения³, оставлявшей на поверхности этих частей сосуда многочисленные пустоты, сохранившие форму измельченных стеблей травы и округлых включений. Остальная часть сосуда формовалась без органической добавки. Эволюционный ряд этих амфор разработан И.В. Волковым, предположившим также их происхождение из города Трилли⁴ на южном побережье Мраморного моря (*Волков*, 1992. С. 153. Рис. 5; 1996. С. 94–95). В эпоху средневековья Триллия была морским портом Nikei – крупнейшего византийского города на северо-западе Малой Азии, являвшегося также центром обширной сельскохозяйственной зоны. Поэтому более логичным было бы называть амфоры этого региона “никейскими” или “никейско-триллийскими”.

В составе группы различаются два морфологически и хронологически несхожих типа – ранний (1) и поздний (2). Амфоры типа 1 изготавливались из плотной коричневато-красной глины и отличались грушевидной формой корпуса, сглаженной (с несколькими полосками линейного орнамента по плечикам) поверхностью, большим “воротничковым” венчиком и уплощенными в сечении ручками, прикреплявшимися к горловине всегда под венчиком. Датируются они концом X–XI вв. и известны по всему бассейну Черного моря (*Якобсон*, 1979. С. 109–110. Рис. 68, 1–4; *Barnea*, 1967. Fig. 159, 1; *Чангова*, 1959. Рис. 10; *Bakirtzis*, 1989. Fig. 4). В Юго-Западной Руси пока известен только один бесспорный образец амфоры этого типа, происходящий из Белза (рис. 1, 1).

“Никейско-триллийские” амфоры типа 2 отличаются толстостенностью, комковатым пористым тестом бледно-фиолетового оттенка и веретенообразным туловом, поверхность которого покрывалась мелким и частым бороздчатым рифлением, выполнявшимся гребенкой (род линейного орнамента). Массивные округлые в сечении ручки прикреплялись к самому краю горловины, высоко поднимались над ним и после очень крутого перегиба, вертикально опускаясь на плечики. Датируются такие амфоры XII–XIII вв. (*Якобсон*, 1979. С. 111. Рис. 68, 5–8; *Романчук и др.*, 1995. С. 78–81. Табл. 34, 36, 41, 43, 44, 58; *Barnea*, 1967. Fig. 159, 4; *Bakirtzis*, 1989. Fig. 5), однако на территорию Руси эти амфоры перестали поступать, вероятно, уже с начала XIII в. (после 1204 г.) (*Волков*, 1996. С. 94, 95).

Среди материалов из Юго-Западной Руси нет ни одного целого экземпляра таких амфор, но количество их обломков необычайно велико. Если в целом по Руси амфоры этого типа, как отмечалось выше, составляют примерно 20% находок АВК, то в городах Юго-Западной Руси их доля достигает 47%. Неслучайность этого результата подтверждает статистика находок из тех городов, где проводились широкомасштабные раскопки и собрано примерно по 1000 образцов АВК – Галича и Звенигорода. Таким образом, в

³ По предположению И.В. Волкова, это была примесь разведенного в воде навоза; другие исследователи предпочитают говорить о примеси рубленой соломы, хотя подобная искусственная примесь в гончарном производстве не известна и технологически бессмысленна.

⁴ Современный город Териле в Турции.

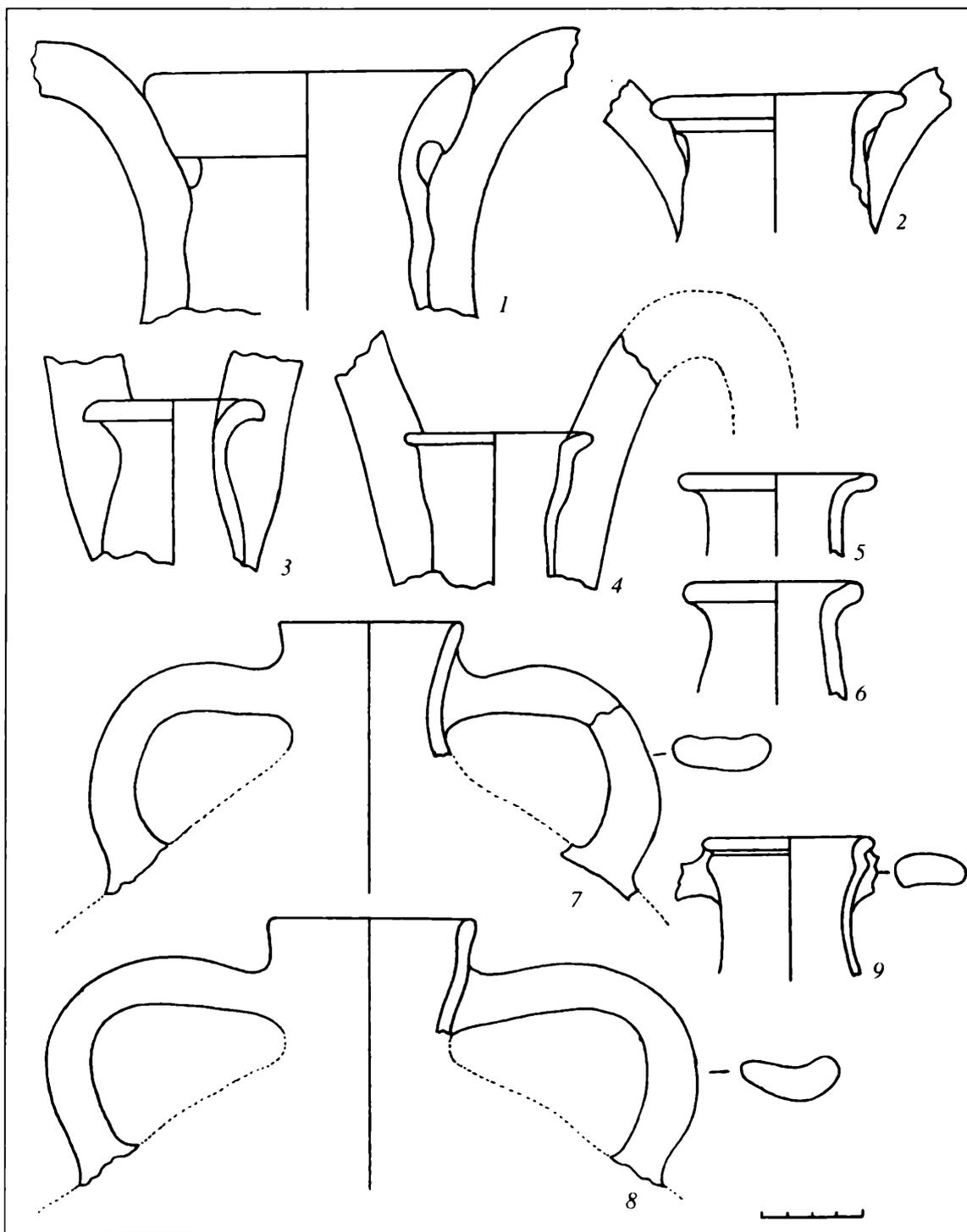

Рис. 1. Фрагменты амфор из Белза (1), Галича (2-4, 7, 9), Звенигорода (5, 6, 8)

городах Юго-Западной Руси объем импорта “трапезундских” и “никейско-триллийских” амфор оказывается примерно равным. Подобное соотношение до сих пор еще нигде не фиксировалось на территории Руси. Возможно, оно отражает особенности торговых связей Галицко-Волынской Руси, конкретику которых еще предстоит установить.

Среди находок амфор типа 2 можно выделить группу сосудов, отличавшихся сильно отогнутыми венчиками, с ручками, крепившимися ниже края венчика и неплотно прилегавшими к горловине (рис. 1, 2), которые можно рассматривать в качестве переходного варианта от типа 1 к типу 2 и датировать, соответственно, концом XI – первой половиной XII в. Следует также отметить большое разнообразие венчиков амфор типа 2 (рис. 1, 3–6).

Третьей разновидностью АВК, ввозившейся практически в каждый средневековый русский город, были амфоры, изготовленные из слабооже-лезненной (желтой, розовато-желтой, светло-коричневатой) глины с включениями мелкой слюды. Амфоры этой группы имели удлиненные пропорции, волнообразное рифление и отличались ручками, прикрепленными ниже края горла (причем в этом месте оно всегда несколько раздуто). В Причерноморье (Крым, Добруджа, Болгария) амфоры этой группы датируются XI–XII вв., но встречаются редко (*Barnea*, 1967. P. 266. Fig. 159, 3; *Popovic*, 1989. Fig. 1). Место их производства не известно. По гипотезе И.В. Волкова, подобные амфоры могли производиться в Эгейском регионе (возможно, на о. Хиос) (*Волков*, 1996. С. 97; 2001а. С. 135).

В составе группы можно выделить несколько типов амфор. Наиболее распространенным (1) типом являлись маломерные амфоры (высота – не более 35 см, максимальный диаметр 13–15 см). Заметно реже встречаются амфоры типа 2, отличавшиеся более широким корпусом (диаметр до 25 см).

В Юго-Западной Руси подобные амфоры встречены в Пересопнице, Белзе, Плиснеске, Галиче, Звенигороде, на Ленковецком городище и предполагаемом Изяславле (рис. 2, 4, 7). Их доля в общем объеме амфорного материала составляет здесь чуть более 2%. В других городах Руси она не превышает 3–5%, так что существенного различия между памятниками не прослеживается.

Самой своеобразной среди АВК является четвертая группа амфор, отличающаяся прежде всего необычной для византийской керамики грубой формовочной массой, приготовленной из глины с включениями крупных зерен кварцитов, метаморфизированных сланцев⁵ и других естественных примесей, а также крупного песка. Количество примесей существенно различается у разных сосудов и может колебаться в широких пределах. Цвет глины в подавляющем большинстве случаев коричнево-красный, хотя иногда встречаются сосуды из розовой, светло-коричневой или желтой глины. Большин-

⁵ Определение С.Ю. Внукова по результатам петрографического анализа. По мнению И.В. Волкова, эти включения состоят из гидробиотита (*Волков*, 2001а. С. 136). Внешне эти включения выглядят в виде разноразмерных (зачастую крупных) остроугольных полупрозрачных или белых расслаивающихся пластинок, имеющих слоисто-волокнустую структуру, что хорошо фиксируется визуально.

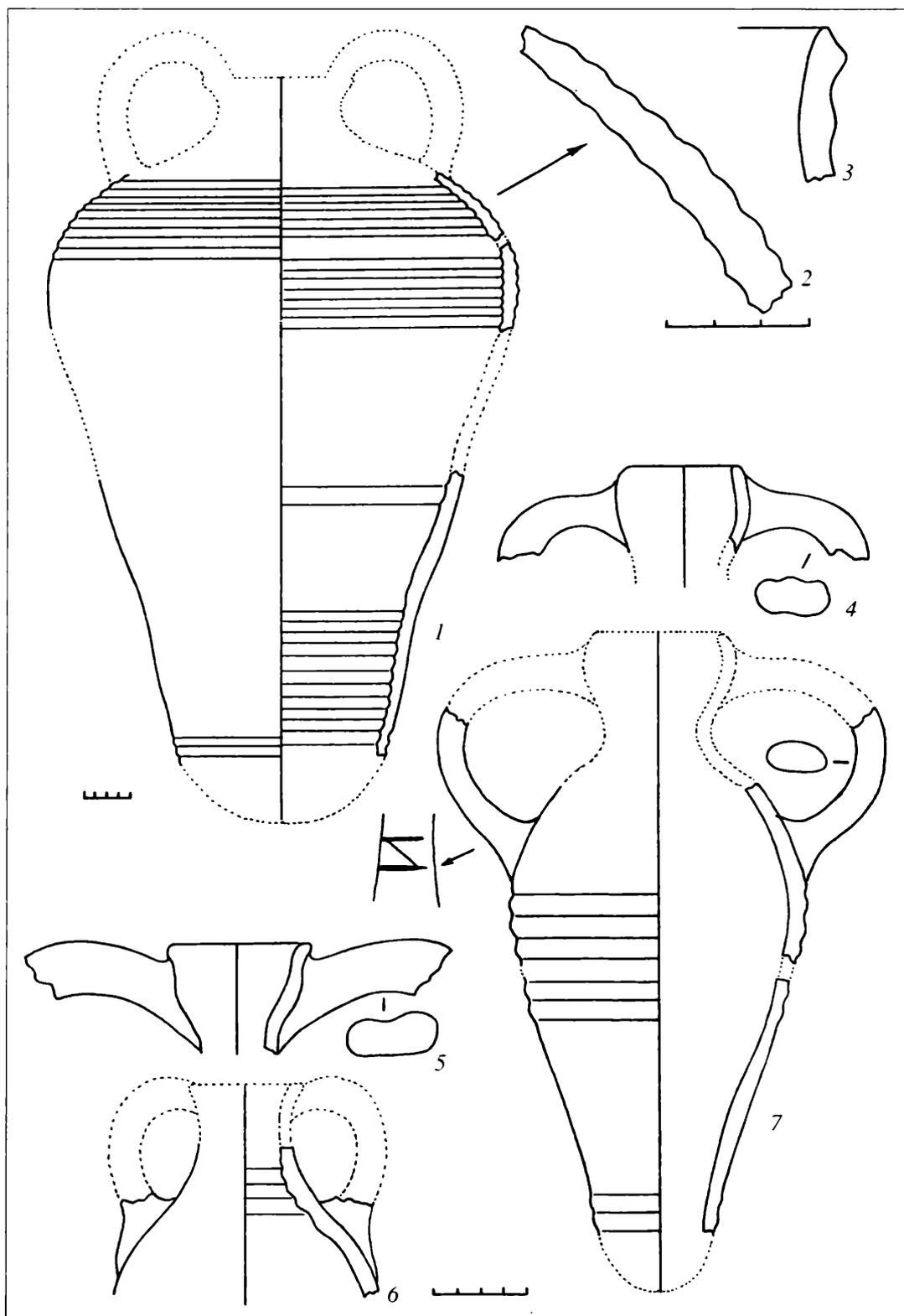

Рис. 2. Амфоры из Галича (1, 2, 6) и Звенигорода (3–5, 7)
1, 6, 7 – графические реконструкции

ство амфор этой группы отличается еще и низкокачественным (недостаточно продолжительным) обжигом, результатом которого являлась трехслойность черепка (с толстой черной полосой на изломе). Формы амфор здесь необычайно разнообразны, так что единственным критерием выделения группы является именно своеобразный состав их формовочной массы.

Впервые эти амфоры были определены и описаны по материалам белорусского Новогрудка М.В. Малевской, посчитавшей их продукцией производства Тмутаракани (*Малевская*, 1969). Выделение группы и описание некоторых ее важнейших признаков было проведено И.В. Волковым, назвавшим ее “группой клейма SSS” (по находке в Великом Новгороде) и допускающим ее происхождение из владений крестоносцев в Палестине (*Волков*, 1994. С. 3–8; 2001а. С. 135–144). Датировка образцов, найденных на территории Руси, не выходит за пределы XII – первой половины XIII в. Подобные же амфоры известны в Причерноморье, Константинополе, на Адриатическом побережье Балкан (*Волков*, 2001а. С. 137), но до недавнего времени не выделялись в отдельную группу.

В составе группы бытовало несколько морфологически несхожих типов амфор:

1. Амфоры крупных размеров (высотой до 70 см), со слабо выраженным перехватом тулова в нижней части, низким горлом и высоко поднимающимися над ним ручками (рис. 2, 1). На внешней стороне венчика обычно бывает угловатый выступ (рис. 2, 3). Дно округлое. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты рифлением вытягивания (рис. 2, 2), но зачастую рифление на внешней поверхности бывает заменено линейным орнаментом, причем линии наносились на значительном расстоянии друг от друга. Верхняя часть амфор, как правило, покрыта белым ангобом. Ручки всегда прикреплены к краю горла, имеют овальное или округлое сечение, но профилированы валиками (количество валиков может варьировать от 1 до 5 – рис. 3, 1, 4–8) либо имеют большую продольную выемку (рис. 3, 7, 9). В месте присоединения к горлу эти ручки имеют, как правило, подтреугольное сечение (рис. 4, 4), но встречаются и экземпляры с круглым сечением (рис. 3, 9). На амфоре именно этого типа (из Новгорода) было встречено клеймо с тремя латинскими буквами “S” (*Волков*, 2001а. Рис. 4, 2), остающееся пока единственным в группе.

2. Амфоры средних размеров (высотой не более 50 см) широких пропорций (диаметром до 30 см), с ручками, крепившимися аналогично типу 1 (рис. 4, 4). Сечение ручек могло быть различным – овальное со слабо выраженным ребром (рис. 3, 8), круглое (рис. 3, 10), профилированное валиками или выемками (см. тип 1).

3. Маломерные амфоры (“морковные” по терминологии И. Барни) (*Barnea*, 1967. Fig. 159, 5). Высота таких амфор составляла 20–40 см, диаметр – 10–20 см. Днища были, как правило, заостренными (рис. 3, 2, 3). Сечение ручек разнообразно (см. выше), но они всегда крепились к краю венчика и опускались на плечики почти под прямым углом к ним (рис. 3, 1). Профилировка венчиков не столь стандартизирована, как в типах 1 и 2. В частности, встречаются раструбные горловины с округлыми отогнутыми венчика-

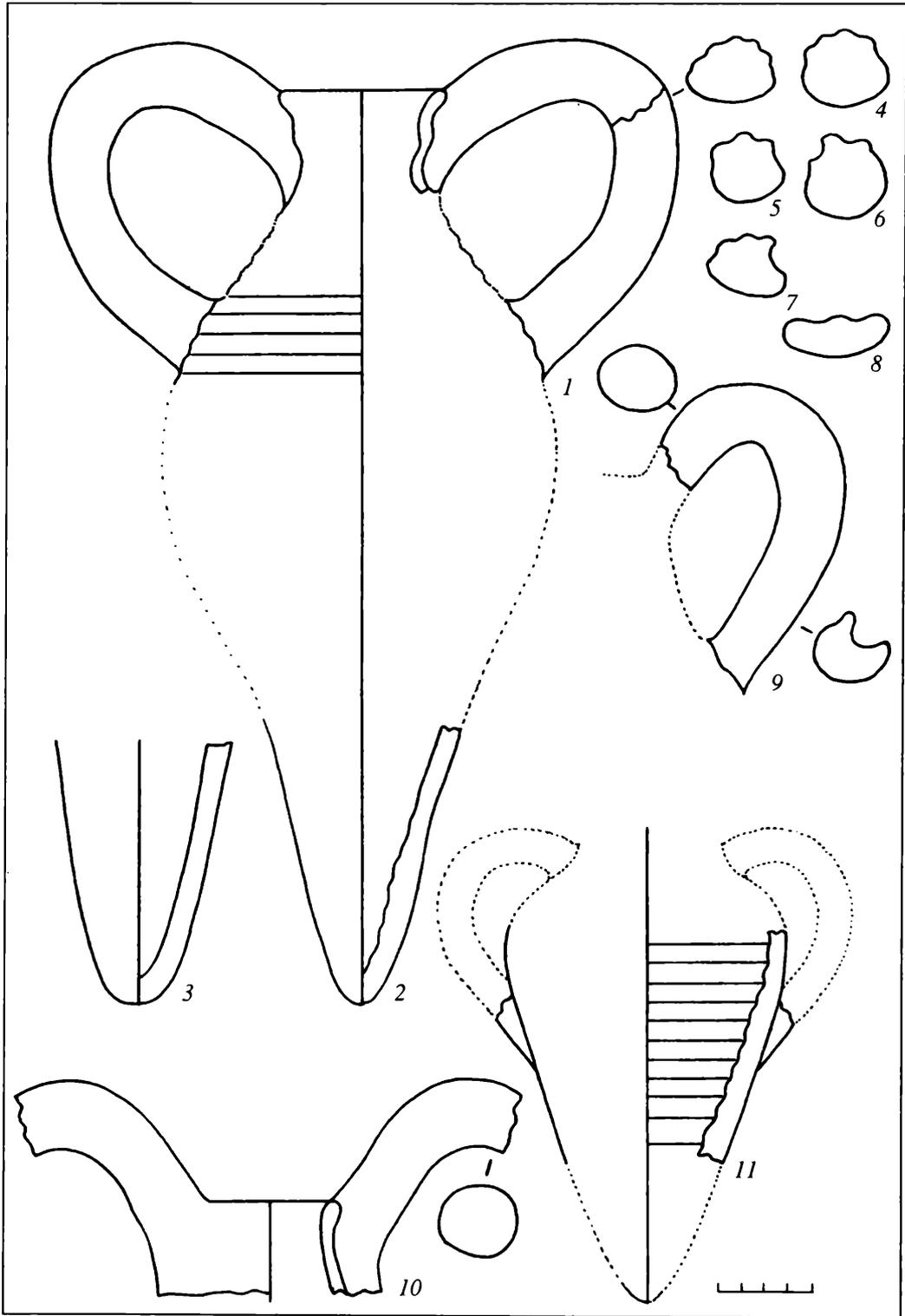

Рис. 3. “Коричневоглиняные” амфоры из Галича (1, 3, 11), Звенигорода (2, 6, 8, 10), Плиснеска (4, 5, 7, 9)

1-2, 11 – графические реконструкции

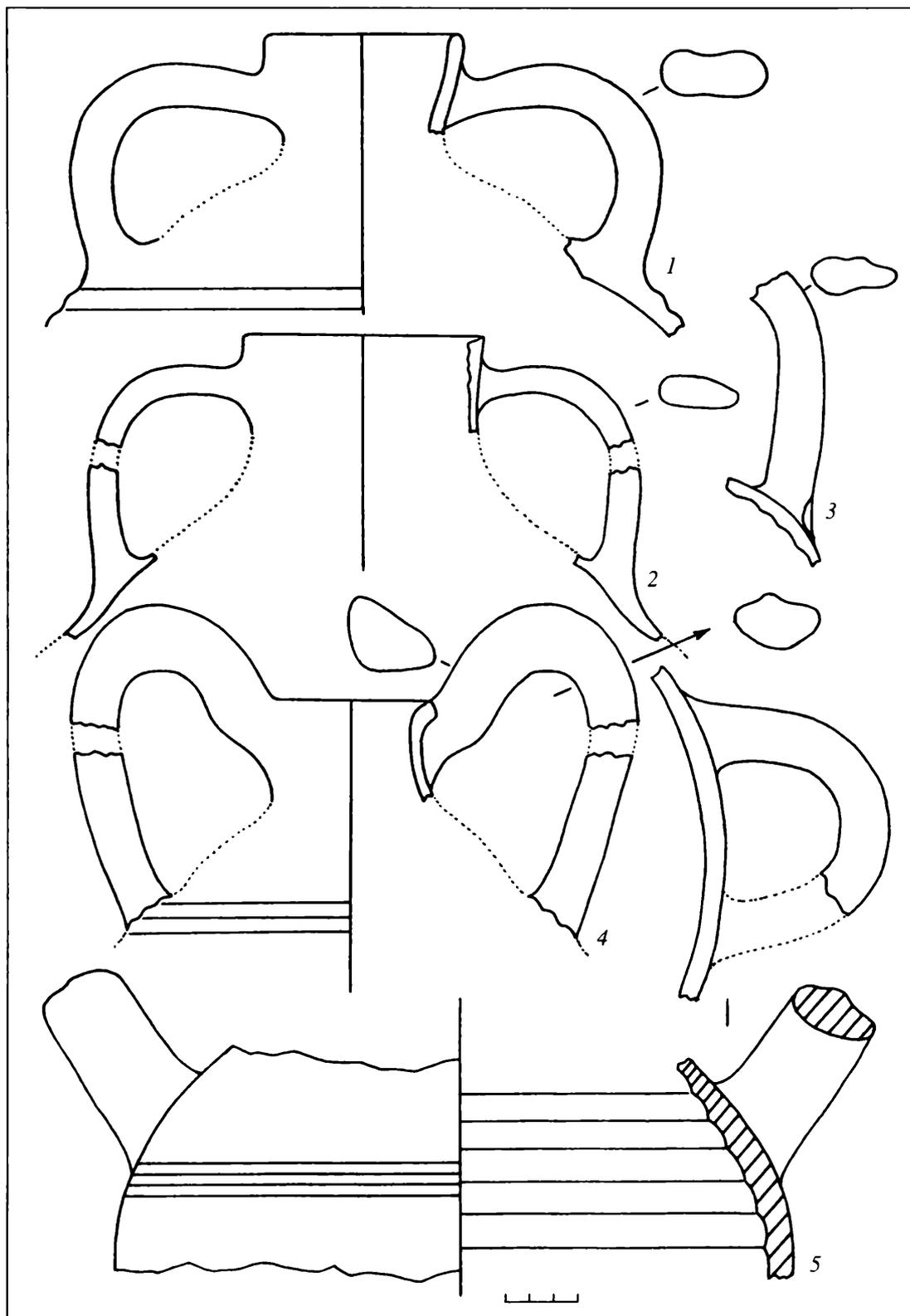

Рис. 4. Обломки амфор из Звенигорода (1-2) и Галича (3-5)

ми (рис. 3, 1). Возможно, к этому типу относится обломок маломерной амфоры из Галича (из раскопок 1939 г.) диаметром 11 см (рис. 2, 6), сформованной из розовой глины с примесями кварцитов и мелких красных включений (шамот или гематит?).

4. Сильно вытянутые остродонные амфоры (высотой до 50 см при диаметре не более 15 см).

5. Плоскодонные амфоры. В городах Юго-Западной Руси они пока не встречены, но зафиксированы в Новгороде, Владимире-на-Клязьме, Херсонесе, Приазовье (Волков, 2001а. С. 138–140. Рис. 7, 8; Романчук и др., 1995. С. 84), где датируется в пределах XIII в.

Амфоры типов 1–3 отмечены среди материалов раскопок в Галиче. Что касается других городов Юго-Западной Руси (Звенигорода, Плиснеска, Ленковецкого городища и предполагаемого Изяславля), то там они представлены относительно небольшими обломками, по которым не всегда можно провести достоверное соотнесение образца с тем или иным типом. Самую группу мы предлагаем называть “группой коричневоглиняных амфор”, учитывая, что главным ее признаком является цвет и состав глиняной массы. Следует все же отметить, что пока наибольшее число определимых обломков амфор этого типа на Юго-Западе Руси происходит из Галича, где обнаружены части от не менее чем 25 различных сосудов.

Кроме перечисленных 5 основных типов “коричневоглиняных” амфор, в материалах раскопок 1939 г. в Галиче встречены еще 2 редких типа амфор этой группы, заслуживающих подробного описания, хотя они представлены единичными находками:

6. Обломок тулова маломерной амфоры (высота около 20 см, диаметр 12 см), у которой нижний прилеп ручек находился ниже максимального диаметра тулова (рис. 3, 11). В результате ручки здесь были прикреплены не перпендикулярно стенкам (как у амфор всех остальных типов группы), а под острым углом к ним. Сосуд был изготовлен из ярко-красной глины.

7. Амфора с горизонтальным расположением ручек (рис. 4, 5). По составу формовочной массы и сечению ручек (овальному, со слабо выраженным ребром) этот сосуд не отличался от остальных амфор группы. По плечикам были проведены несколько полос линейного орнамента. К сожалению, форма амфоры не может быть восстановлена по имеющемуся обломку.

Следующую группу АВК, встреченную в материалах раскопок в Галицко-Волынской Руси, составляют плоскодонные амфоры, изготовленные из ярко-красной глины с включениями песка и красного шамота, покрытые белым ангобом, имеющие раструбное горло и овальные в сечении ручки, прикрепленные ниже края венчика и плавно опускавшиеся на плечики (нижние прилепы ручек размазаны в стороны). В отличие от всех остальных АВК, амфоры этой группы формовались не вытягиванием из куска глины, а в более архаичной технике – ленточным налепом. Днища формовались зачастую на зольной подсыпке, а на внутренней поверхности они обычно имеют звездообразные следы размазывания глины. Вместо рифления их внешняя

поверхность покрывалась линейным орнаментом, выполнявшимся толстой палочкой (толщина линий до 0,5 см). Такие амфоры в XII–XIV вв. известны в Херсонесе (где локализуется центр их производства) и его окрестностях (Якобсон, 1979. С. 113. Рис. 69, 6–9; Романчук и др., 1995. С. 83–88. Табл. 46–50, 57–59).

В Юго-Западной Руси единичные обломки амфор этой группы встречены в Галиче, Звенигороде и, возможно, во Львове.

Следует отметить еще одну группу АВК, которая характеризуется сосудами из глины бежевого (светло-коричневого) или розового цвета с примесью очень мелкого песка и большого количества слюды. Отличаются эти амфоры овальным туловом, покрытым в средней части волнообразным рифлением, цилиндрическим горлом, иногда несколько раздутым в месте присоединения маленьких, уплощенных в сечении ручек, опускавшихся на плечики почти под прямым углом к ним (рис. 4, 1). Наиболее важным морфологическим отличием большинства этих амфор было уплощенное или вогнутое внутрь сосуда дно. На территории Руси подобные амфоры до недавнего времени были известны только в белорусском Новогрудке, где их находки были датированы XII – первой половиной XIII в. (Малевская, 1969. Типы III, IV). Амфоры этого типа обнаружены в Константинополе и Крыму (Херсонес, Боспор, Судак), в том числе в комплексе второй половины XIII в. из затонувшего корабля (Зеленко, 1999. С. 228. Рис. 10; Зинько, Пономарев, 1999. С. 196. Рис. 2, 18). Амфоры с аналогичным дном известны также в Коринфе, в комплексе конца XIII – начала XIV в. (Sanders, 1987. Fig. 9). При этом место их производства остается неизвестным.

В Юго-Западной Руси обломки от нескольких амфор этой группы найдены в Галиче (5 шт.), Звенигороде (2 шт.) и Белзе (1 шт.).

Уже сейчас ясно, что описанная здесь группа АВК включала несколько разновременных типов амфор, причем на Русь попадали образцы только одного из них, бытовавшего в XII–XIII вв. Следует также отметить некоторое сходство амфор этой группы с амфорами группы III по цвету и составу формовочной массы, способу крепления ручек и профилировке горловин. Не исключено, что в действительности мы имеем здесь дело с одной группой амфор, представленной двумя синхронными или близкими по времени бытования типами.

Некоторые образцы амфор были морфологически схожи с сосудами рассматриваемой здесь группы, но отличались тем, что изготавливались из красной глины без включений слюды, но с примесью карбонатов (Звенигород. МАИУ, раскопки 1969 г.) (рис. 1, 8). Амфорам с вогнутыми днищами по размерам и профилировке близки также сосуды с раструбной горловиной, изготовленные из светло-красной глины с очень мелким песком и включениями мелких карбонатов (Галич. ЛИМ № 13968) (рис. 1, 7), иногда – неполного (трехслойного) обжига (Звенигород. МАИУ, раскопки 1993 г.) (рис. 4, 2).

Кроме амфор, входивших в перечисленные группы, на рассматриваемой территории встречены обломки амфор, не вписывавшиеся в указанные типологические ряды по ряду признаков. Особую подгруппу составляли маломерные красноглиняные амфоры, морфологически схожие с амфорами

группы 3 (рис. 2, 5), но отличающиеся от них либо цветом и составом формовочной массы, либо особенностями профилировки, (Звенигород. МАИУ, раскопки 1985 г.). К отдельной серии принадлежали и редчайшие обломки амфор (или кувшинов?), изготовленных из белой глины, например, найденная в Галиче (МАИУ, раскопки 1989 г.) ручка сосуда с глубокой пальцевой вмятиной в месте ее нижнего прилепа к стенке сосуда (рис. 4, 3). В составе теста этого образца фиксировалось небольшое количество пустот от органической примеси (навоза ?).

Наконец, встречены отдельные обломки несомненно импортных сосудов, интерпретация которых по имеющимся небольшим фрагментам затруднительна:

– горловина амфоры (или кувшина) из Галича (МАИУ, раскопки 1970 г.) с рифлением вытягивания на внутренней поверхности (рис. 1, 9), изготовленная из красной глины практически без примесей;

– обломок сосуда из Плиснеска (МАИУ, раскопки 1947 г.), изготовленного из красной глины с многочисленными включениями мелкого красного шамота, у которого на нижнем корне ручки имелась крупная прямоугольная вмятина;

– обломок днища сосуда (диаметром 10 см) из Звенигорода (МАИУ, раскопки 1973 г.), изготовленного из красной глины, с рифлением вытягивания на внутренней поверхности со следами среза ниткой с гончарного круга.

Рассмотренный здесь материал свидетельствует о том, что Юго-Западная (Галицко-Волынская) Русь находилась на том же уровне развития торговых связей с Византией и странами Средиземноморья, что и все остальные части древнерусского государства. Ни по количеству находок амфорной керамики, ни по разнообразию разновидностей амфор юго-западный регион Руси существенно не отличался от остальных ее частей. Вместе с тем, фиксируются и некоторые черты своеобразия этого региона:

1. В Юго-Западной Руси пока известны лишь единичные образцы амфорной керамики XI в. и отсутствуют более ранние находки амфор.

2. Только в городах Галицкой земли объем ввоза амфор “никейско-триллийской” группы оказался примерно равен ввозу амфор “трапезундской” группы, тогда как на всей остальной территории Руси первая из этих групп существенно уступала второй по числу находок, что свидетельствует о количестве ввезенных амфор. Поскольку амфоры “никейско-триллийской” группы являлись более толстостенными и, соответственно, прочными, они, как правило, разбивались на меньшее число обломков, нежели амфоры “трапезундской” группы. Следовательно, фактически ввоз амфор (и товаров – вина и масла) из Никеи в Галицкую землю преобладал над их ввозом из Трапезунда.

3. В Галицко-Волынской Руси не известны находки амфорной керамики на сельских поселениях, что заметно отличает ее от иных регионов, где известны многочисленные селища с находками подобных материалов. Это обстоятельство, очевидно, объясняется худшей изученностью сельских поселений в исследуемом регионе, на которых еще не проводились раскопки широкими площадями.

ЛИТЕРАТУРА

- Возний І.П.*, 1998. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці.
- Волков И.В.*, 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов. Вып. 1.
- Волков И.В.*, 1994. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов-на-Дону.
- Волков И.В.*, 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 10.
- Волков И.В.*, 2001а. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ.
- Волков И.В.*, 2001б. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ.
- Воронин Н.Н.*, 1954. Древнее Гродно // МИА. М., № 41.
- Гончаров В.К.*, 1955. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. V.
- Зеленко С.М.*, 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–1999 гг. // Vita Antiqua. Киев. № 2.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.*, 1999. Гончарная керамика VIII–IX вв. с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь. Т. III.
- Зоценко В.Н.*, 2001. Амфорна тара Кизво-Подолу XII – початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ.
- Коваль В.Ю.*, 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Кучера М.П.*, 1962. Древний Пліснеськ // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. XII.
- Малевская М.В.*, 1969. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тез. докл. на конф. по археологии Белоруссии. Минск.
- Прищепя Б.А., Ніколченко Ю.М.*, 1996. Літописні Дорогобуж. Рівне.
- Ратич О.О.*, 1957. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.
- Ратич О.О.*, 1972. Стародавній Пліснеськ. Львів.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.*, 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Екатеринбург. Ч. 2.
- Чангова Й.*, 1959. Средневековни амфори в България // Известия на археологическия институт. София. Т. XXII.
- Шеломенцев-Герський С.В.*, 1988. Ремесло и торговые связи Пересопницы в X–XIII вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
- Якобсон А.Л.*, 1951. Средневековые амфоры северного Причерноморья // СА. М. Вып. XV.
- Якобсон А.Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Bakirtzis C.*, 1989. Byzantine Amphorae // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
- Barnea I.*, 1967. Ceramica de import // Dinogetia Asezaela feodala timpurie de la Bisericuta-Garvan. Bucuresti. Т. I.
- Popovic M.*, 1989. Importation et production locale de ceramique a Ras (fin XIe – debut XIIIe siècle // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
- Sanders G.D.R.*, 1987. An Assemblage of Frankish Pottery of Corinth // Hesperia. London. Vol. 56, № 2.

Р.Ф. Воронина

ЮЖНЫЕ И СТЕПНЫЕ ВЛИЯНИЯ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII–XI вв.¹

Древности среднецнинской мордвы составляют северную часть цнинской группы древнемордовских памятников. В вопросе этнического состава цнинской группы нет единого мнения. Часть археологов (*Степанов*, 1956. С. 80; *Петербургский*, 1979. С. 67; *Вихляев*, 1977. С. 80) объединяет среднецнинские могильники с верхнецнинскими в единую группу памятников и связывает их с мордвой-мокшей. Другие исследователи относят среднецнинскую мордву к особой группе, отличной от населения, представленного могильниками верхнего течения Цны. Они считают, что это древнемордовское племя, неизвестное по письменным источникам (*Алихова*, 1969. С. 19–20). К этой точке зрения присоединились А.П. Смирнов и автор настоящей статьи.

Среднецнинские могильники компактной группой расположены в окрестностях Моршанска (рис. 1). Это – Крюково-Кужновский, Кершин Вьюнский, Большой Кашминский, Елизавет-Михайловский. Особняком от них стоит расположенный в Пензенской обл. Пановский могильник. Одной из основных черт среднецнинских могильников, выделяющих их, является пестрота ориентировок при преобладании восточной и юго-восточной, и в этом отношении они “близки” к более древнему могильнику той же территории – Кошибеевскому. Отличаются они от верхнецнинских могильников, таких как Лядинский, особыми типами женских головных уборов.

К VIII в. среднецнинская мордва достигла значительного развития производительных сил и производственных отношений. Охотниче-земледельческий характер хозяйства древней мордвы, наличие неосвоенных больших лесных массивов, дающих возможность свободного переселения избыточного населения, привели к раннему образованию территориальной общины.

К этому времени среднецнинская мордва находилась на стадии разложения родовых отношений, скапливания богатств в руках племенной и родовой аристократии, что приводило к росту имущественного неравенства. При всей замкнутости своего хозяйства она находилась в постоянных связях с соседними племенами, особенно южными. Эти связи были для нее традиционными. Вопрос экономических и культурных связей теснейшим образом связан с вопросом обмена, торговли и влияний.

Обмен возникает не вследствие развития товарного производства или наличия излишков продукции, а вследствие жизненной необходимости у широко расселившихся общин, освоивших в процессе расселения территории разной степени пригодности для замкнутого хозяйства (*Массон*, 1974. С. 5). На ранней стадии развития общества большое значение для обмена имели

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-06-80322.

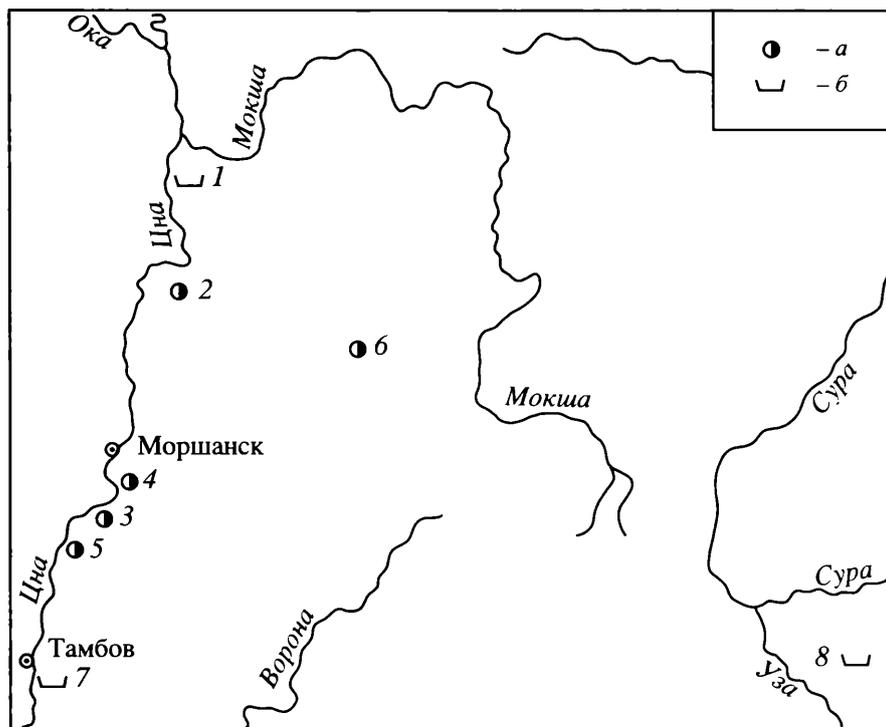

Рис. 1. Карта-схема среднецвинских могильников

1 – Кошибеевский, 2 – Елизавет-Михайловский, 3 – Крюково-Кужновский, 4 – Кершин Вьюнский, 5 – Большой Кашминский, 6 – Пановский, 7 – Лядинский, 8 – Армиёвский

традиции. Выгодное географическое положение на важной водной артерии, близко подходящей к верховьям Дона, связывающей позднеантичные города Северного Причерноморья с северными территориями через посредничество сармат, привели к раннему возникновению связей со степью и югом.

По Дону к древней мордве поступали предметы роскоши, фибулы, печеночного цвета красные пастовые бусы, гривны, браслеты, различные красители (марена, индиго) и т.д. Создавались условия для набегов южных воинственных соседей. Именно этим объясняется хорошая оснащенность современным по тем временам оружием воинов мордвы. От сармат к мордве попадают длинные мечи с кольцевидным и валютовидным навершиями, трехгранные и трехлопастные наконечники стрел и копий.

Связи с югом и степью древнемордовских племен начинают проследиваться уже в первые века нашей эры. Вероятно, они усиливаются во II–III вв. н.э., когда под влиянием событий, развивающихся в степи, начинается проникновение в лесостепь и лесную зону отдельных сарматских племен. Так, в верховьях Дона появляются Ново-Никольский, Вязовский (Медведев, 1990. С. 103–148) сарматские могильники, Андреевский курганный могильник Большеигнатьевского р-на Мордовской АССР (Степанов, 1980. С. 26–48), Писеральские курганы на территории Марий Эл (Халиков, 1962. С. 116–138). Сарматское оружие и отдельные элементы погребального обряда уже проследиваются в древнемордовском Кошибеевском могильнике. Под влиянием сармат возникают многие древнемордовские украшения. Так,

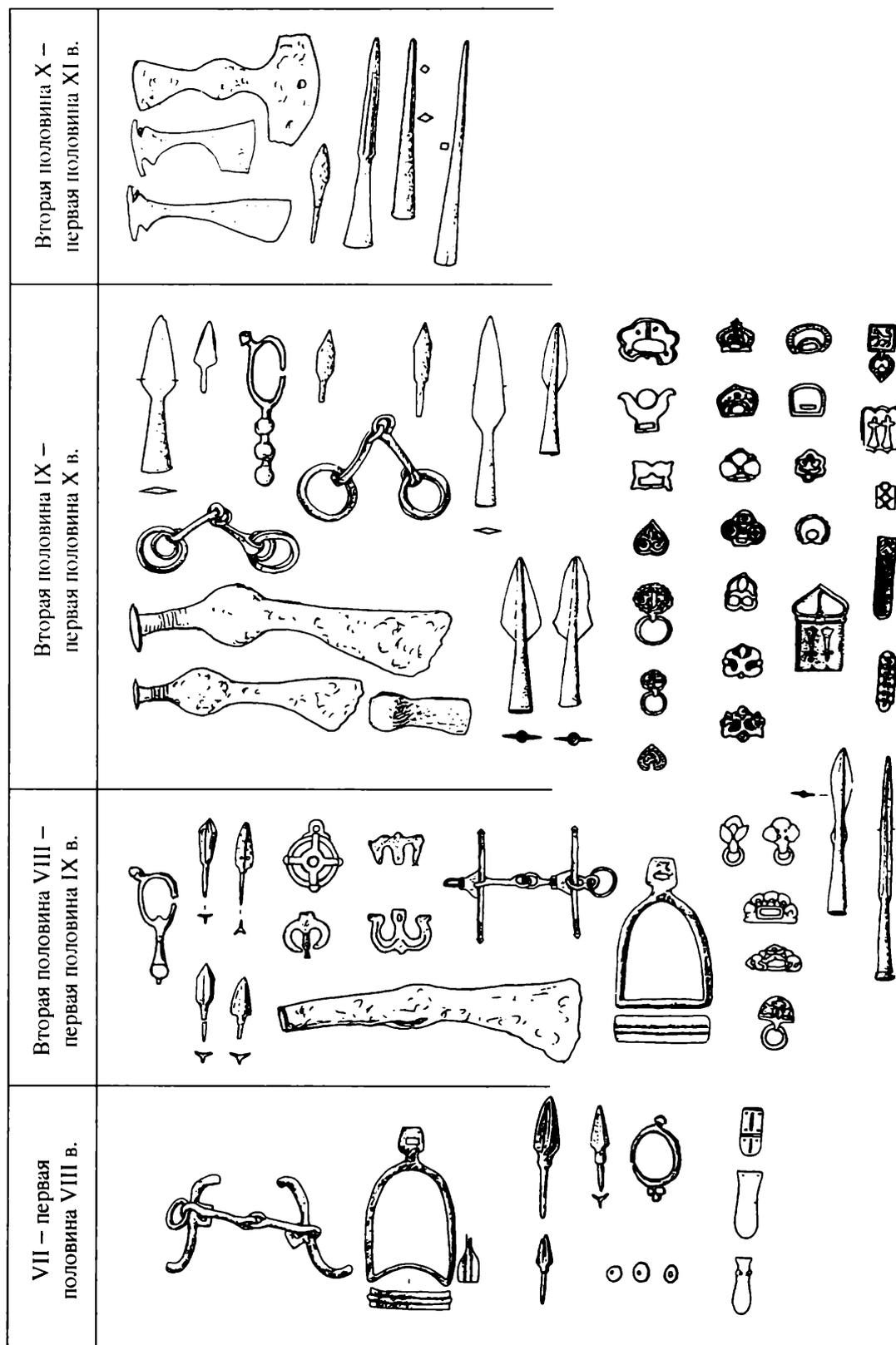

Рис. 2. Комплексы южных импортных вещей по этапам и могильникам

прообразом дровых гривн с обмоткой и полыми напускными бусами является железная дровая гривна с глиняными биконическими лощеными бусами из 9-го кургана Ново-Никольского сарматского могильника (*Воронина*, 1982. С. 88, рис. 13). Под влиянием сармат возникает основное племенное украшение мордвы: височная привеска с бипирамидальным грузиком (*Воронина*, 1988. С. 240, рис. 3). Под их же влиянием возникают спиральные браслеты, крученые гривны и т.д. Возможно, под тем же влиянием возникают дровые браслеты с раскованными концами, оформленными в виде змеиных головок и личин, широко распространенные в степях северного Причерноморья в I в. н.э.

В своем развитии связи и контакты среднецнинской мордвы прошли несколько этапов. Самые ранние связи среднецнинской мордвы со степью и югом, повторяя традиции предшествующего времени, прослеживаются в конце VII – начале VIII в. Погребений с вещами этого времени довольно мало: 3 погребения Елизавет-Михайловского, 2 погребения Пановского, 3 погребения Крюково-Кужновского могильников.

Характерной находкой этой группы погребений являются удила с эсовидными псалиями (рис. 2), стремяна арочной формы с вогнутой подножкой (тип 1) (рис. 2), трехлопастные наконечники стрел типа 4, 8 (табл. 1). Как удила с эсовидными псалиями, стремяна арочной формы вытянутых вверх пропорций с узкой подножкой, выгнутой вверх, находят широкие аналогии в кочевнических древностях конца VII и первой половины VIII в. н.э. Не противоречат этой дате и находки трехлопастных наконечников стрел. К этому же времени относятся наконечники поясов (рис. 2). Аналогии им широко распространены на территории Башкирии. По мнению В.Б. Ковалевской, подобный тип наконечников относится ко второй половине VII – первой половине VIII в. (*Ковалевская*, 1972. С. 96).

К этому же времени относится и кольцевидная серьга с колпачком в центре сверху и с треугольной пирамидкой из 3 шариков внизу (рис. 2). По мнению Н.Я. Мерперта, эти серьги широко распространены у степных кочевников в VII – начале VIII в. н.э. (*Мерперт*, 1951. С. 133).

Вторая половина VIII и первая половина IX в. знаменуются значительными событиями в степи, образованием Хазарского каганата, что привело к коренным изменениям в культуре всей степи и среднецнинской мордвы.

Судя по письменным источникам: письму хазарского кагана Иосифа к испанскому еврею, мордва, среднецнинская мордва в том числе, становится его данником. Как уже вышше отмечалось, ее выгодное географическое положение, близость степи, сам уровень развития (раннее образование территориальной общины) способствовали быстрому втягиванию среднецнинской мордвы в обмен. В этот период наблюдается значительный экономический подъем, что хорошо прослеживается по сопровождающему погребальному инвентарю среднецнинских могильников (табл. 1).

С этого времени среднецнинская мордва вступает в последний, завершающий этап разложения родового строя и зарождения в ее недрах новых феодальных отношений. Происходит выделение из родовых общин больших патриархальных семей, дальнейшее имущественное расслоение и скаплива-

ние богатств в руках выделившейся родовой верхушки. В этот период, вероятно, происходит отделение ремесла от земледелия. Возможно, в этот период происходит и переход к пашенному земледелию, что увеличило количество сельскохозяйственных продуктов.

Все это способствовало развитию торгового обмена. Особенно широки были традиционные связи со степью и южными областями. Этому способствовало соседство с аланами и болгарами, входившими в состав Хазарского каганата. Выделяющаяся родовая верхушка создавала новый спрос на редкие виды заморских украшений, предметы вооружения. Развивающаяся торговля и ремесла находятся в тесном взаимодействии. Цветные металлы поступали к мордве издавна и были, вероятно, очень дороги, часть металла для отливки серебряных украшений, возможно, получалась путем переплавки диргемов и других импортных изделий. Для этого периода характерно большое распространение бронзовых и серебряных украшений не только у женщин, но и у мужчин. В обмен на пушнину, мед, воск, скот, а, возможно, и на продукты сельского хозяйства племенная и родовая верхушка получала дорогие ткани, оружие, украшения, металл и т.д.

О размерах и широте торговых связей можно судить по самому количеству кочевнических украшений и оружия, конской сбруи и предметов быта данного периода (табл. 1). Особенно тесными были связи с южными степными территориями и Хазарским каганатом (Саркелом).

Конец VIII – первая половина IX в. в истории среднецнинской мордвы знаменуется широким распространением аланского оружия. Основу племенного войска среднецнинской мордвы, полагаю, составляли пешие воины, вооруженные копьями и луками со стрелами. Часть копий были аланскими. Таковы были копья, втулки которых переходили в узкую полукруглую грань, проходившую по узкому длинному перу наконечника (рис. 2). Сюда же относились крупные наконечники с перехватом посередине пера. Подобные формы наконечников были широко распространены на Кавказе еще со времен эпохи бронзы. Известны они и в Цебельдинском могильнике (*Трапи*, 1971. Табл. XV: 15, XVI: 7, 8). Эти образцы, вероятно, являлись прототипами для мордовских наконечников. От алан к среднецнинской мордве проникают и трехгранные и трехлопастные наконечники стрел, широко распространенные в степи у кочевников (рис. 2).

Наряду с аланскими копьями и стрелами к среднецнинской мордве поступали узколезвийные боевые топоры, чекан которых имеет узкую прямоугольную форму. Подобные боевые топоры широко распространены в салтовских погребениях второй половины VIII – первой половины IX в. (*Плетнева*, 1967. С. 140, рис. 36).

Вторую часть племенного войска, составляли конные воины. Эта часть войска состояла из родовой и племенной аристократии. Они имели копья, луки, боевые топоры, а наиболее богатые – мечи или сабли. Находки мечей и сабель очень редки как в погребениях среднецнинской мордвы, так и у кочевников, хотя те были конными воинами, вооруженными мечами. С.А. Плетнева полагает, что сабли и мечи были очень дороги и передавались по наследству. Вместе с умершим они клались в могилу лишь наиболее

богатым или в том случае, если у умершего не было сыновей или они еще не прошли инициацию (*Плетнева, 1967. С. 157*).

В VIII–XI вв. украшения были не чужды и мужчинам. В мужских погребениях они встречаются реже и в ограниченном количестве. Украшением головы были серьги, представленные четырьмя типами. Все типы серег проникли к среднецнинской мордве от южных соседей мордвы – аланских племен Северного Кавказа и Подонья и от племен салтово-маяцкой культуры. Они встречены в 1/3 всех мужских погребений среднецнинской мордвы. Находка литейной формы для их отливки в женском погребении 571 Крюково-Кужновского могильника свидетельствует и о местном производстве этого некогда иноземного украшения.

Из Византии через западный Крым к среднецнинской мордве проникает большое количество стеклянных бус. По мнению В.Б. Ковалевской, эти бусы шли через Херсонес к хазарам (*Ковалевская, 2000. С. 220–223*), а затем проникали на более северные территории. Другой путь проникновения стеклянных бус к мордве шел с Кавказа. О далеких связях со Средней Азией, странами Переднего Востока и Индией свидетельствуют находки шелковых тканей, обнаруженные в погребении 326 Крюково-Кужновского могильника, диргемы, найденные в погребении 205, и раковины каури, обнаруженные в ряде погребений конца VIII – первой половины IX в. Эти предметы шли с востока по Великому шелковому пути, а затем либо через Кавказ и алан проникали к мордве, либо шли северным, Волжским путем (*Ковалевская, 2000. С. 219*).

У среднецнинской мордвы во второй половине IX и первой половине X в. продолжается дальнейший экономический подъем, что хорошо прослеживается по материалам среднецнинских могильников (табл. 1). В этот период продолжается дальнейшее развитие ремесел, что выразилось в увеличении ассортимента и серийности ювелирных и кузнечных изделий местных мастеров.

Тогда же происходит укрепление традиционных связей с Кавказом, Хазарским каганатом и Византией, о чем свидетельствуют широта распространения мозаичных бус. Например, в Крюково-Кужновском могильнике из 237 женских погребений – 185 с бусами. При этом 56 % составляют мозаичные бусы. Судя по карте распространения бус, значительное количество их шло с Кавказа (*Ковалевская, 2000. С. 219*).

Однако без анализа стекла трудно сказать, какой процент бус идет с Кавказа на Среднюю Волгу. Увеличиваются связи с Волжской Болгарией. Об этом свидетельствуют находки бронзовых круглодонных котлов (в Крюково-Кужновском могильнике: погребения 187, 392, 519; погребение 18 (1968 г.) и Пановском, погребение 50). Об этих же связях говорят находки сферических чаш из низкопробного серебра из погребения 123а Елизавет-Михайловского могильника и чаши-пиалы из погребения 523 Крюково-Кужновского могильника. Свидетельством экономических связей являются находки диргемов в ожерельях могилы 419 Крюково-Кужновского могильника. Это – 5 крупных серебряных дисков с петлей для подвешивания, подражающих монетам Великих Булгар. В погребении 427 Крюково-Кужнов-

ского могильника в ожерелье содержался диргем Волжской Булгарии. Он односторонний, является подражанием диргему Измаила бен Ахмеда (892–907) и должен относиться к первой половине X в. Второй диргем этого погребения чеканен Мумином бен Ахмед в 360 г. Хиджры и по определению сотрудника Гос. Исторического музея А.В. Фомина, датируется 70–80 годами X в. Этот период характеризуется не только продолжением экономического подъема, но и дальнейшим расширением торгового обмена с более отдаленными территориями: Сибирью, Алтаем, Средней Азией, что хорошо прослеживается по поясным наборам, значительная часть которых связана своим происхождением с Сибирью (рис 2).

Часть поясных наборов среднецнинской мордвы имеет аналогии как в погребениях болгар – Танкеевском и Тиганском могильниках, так и венгерские параллели. Таковы погребения 55, 176, 217, 224 Крюково-Кужновского могильника.

Поясной набор из погребения 505 Крюково-Кужновского могильника аналогичен поясному набору из погребения 1 могильника Каранчлапуйте (*Dienes, 1964. P. 6–28, fig. 2*).

Говоря о венгерских аналогиях, широко распространенных в Танкеевском и Тиганском могильниках, Е.П. Казаков отмечает, что “в составе населения Волжской Булгарии и складывавшегося одновременно с ней Венгерского государства в конце IX–X вв. был общий этнический компонент” (*Казаков, 1972. С. 159*). О связях с этими племенами среднецнинской мордвы свидетельствуют и находки кожаных сумочек (табл. 1). Как видно из таблицы, во второй половине IX – первой половине X в. увеличивается обмен среднецнинской мордвы со странами Средней Азии и Переднего Востока и Индией. Об этом свидетельствуют находки среднеазиатских диргемов: из погребений 382 (диргем Измаила бен Ахмеда шаш – 279, по определению А.В. Фомина – 892–893 гг.) и 349 Крюково-Кужновского могильника (диргем 780 г. Аббасида ал Аббаси (по определению А. Фомина). О связях с Востоком свидетельствуют находки литых перстней с арабской надписью, а также находка в погребении 462 серебряного разгибного браслета с сердоликовыми вставками на концах и серебряного перстня с сердоликовой вставкой и арабской надписью на ней. Об этих отдаленных связях, вероятно, шедших по великому шелковому пути с побережья Индийского океана, свидетельствует и увеличение находок в погребениях среднецнинской мордвы раковин каури (табл. 1).

Контакты и довольно тесные связи среднецнинской мордвы с южными степными территориями привели к тому, что отдельные черты южных влияний проникают в такой консервативный обряд, как погребальный. Об этом свидетельствует ряд элементов погребального обряда. Таким чуждым элементом является находка ботала. Ботало-колоколец вешали на шею жертвенного животного. Снятое после принесения в жертву животного с его шеи и положенное в могилу, по повериям кочевников, оно должно было отгонять злых духов от умершего. Вероятно, от последних этот обряд проник к среднецнинской мордве. В Крюково-Кужновском могильнике было найдено 10 погребений с боталом (табл. 1). Все они – мужские и наибо-

лее богатые, содержали конскую сбрую и поясные наборы и принадлежали, вероятно, родовой верхушке. Не местным, по-видимому, является и обычай разводить костер над погребением, иногда и не полностью еще засыпанным. Подобный обряд был встречен автором при раскопках Крюково-Кужновского могильника в 1968 г. (Воронина, 1972. С. 117–119). Эти погребения с кострищами имели восточную или юго-восточную ориентировку и располагались довольно компактной группой. В кострища были брошены наконечники копий, конская сбруя. Часто в кострищах этих погребений находились кости лошади: челюсть или зубы, реже ребра. Этот обычай приносить в жертву лошадь, возможно, также проникает к среднецнинской мордве от кочевников. С тем же чуждым аланским или венгерским влиянием, а возможно, и с племенами более северных территорий связано захоронение целого костяка лошади с подогнутыми ногами. Подобные захоронения широко известны у финно-угров в Ивановской, Владимирской, Горьковской областях, древнейшее погребение которых относится к V–VI вв. (Голубева, 1981. С. 96). Аналогичные конские захоронения известны в Подболотьевском (Городцов, 1916. С. 86, 91) и Безводненском (Краснов, 1980. С. 33) могильниках.

По всей вероятности, тесные экономические связи и контакты, а также наличие территориальной общины приводят к проникновению отдельных представителей других народов в мордовскую среду. Первые проникновения, возможно, начались еще в конце VIII–IX вв. Среди погребений среднецнинских могильников изредка фиксируется обряд класть на рот монету диргем, зеркальце-привеску или сердоликовую бусину. Этот обряд редок: встречен в 3 погребениях Крюково-Кужновского могильника. Не исключено, что диргем и зеркальце были нашиты на какую-то ткань и являлись своего рода нагубниками своеобразного лицевого покрытия, связанного с боязнью мертвеца. Подобный обряд был встречен в погребениях 205 и 19 Крюково-Кужновского могильника. Возможно, с этими же религиозными представлениями, боязнью умершего, связаны и женские погребения 2 и 17 Крюково-Кужновского могильника, в которых лица умерших были закрыты положенными на них головными уборами-покрывалами, вышитыми трапециевидными привесками. П.П. Иванов, автор раскопок могильника, назвал эти уборы чадрой (Иванов, 1952. С. 12). Женщина в погребении 2 лежала скорченно на спине, аналогия подобного положения умершей обнаружена в Дагестане. Аналогичный обряд, связанный с боязнью мертвеца и лицевыми покрытиями, Е.П. Казаков отмечает в Танкеевском могильнике. Связывая их с венгерскими погребениями периода “завоевания родины”, он отмечает их сходство (сходные находки округлых блях на верхних зубах в ряде мужских погребений).

По мнению Е.П. Казакова, это сходство, как сходство вещей и лицевых покрытий Танкеевского могильника, дающего наиболее значительный материал из всех исследованных ранее болгарских памятников с вещами из венгерских могильников X в., может явиться свидетельством контактирования или близкого соседства где-то в VIII–IX вв. племен мадьярского союза, и населения, входящего в союз племен волжских болгар.

Локализация аналогий Танкеевского могильника в основном совпадает с регионами (Прикамско-Приуральский район, Среднее Поволжье, юго-восток Европы, Паннония) наиболее вероятного пути передвижения мадьярского союза племен (Кзаков, 1972). Вполне возможно, что в своем передвижении на запад одно из племен проходило и по территории среднецнинской мордвы и какое-то время контактировало с ними.

Учитывая тот факт, что для языческой мордвы был характерен зазыв умерших предков в гости к живым на тризны и поминовения, где для них накрывались специальные столы, а хозяева с зажженными свечами встречали их у раскрытой входной двери, а также устройство специальных окон для выхода умерших из гроба, вряд ли костяки со связанными ногами можно считать мордвой. Этот обряд редок, встречен только в погребении 72 Пановского могильника, но широко распространен на соседней территории, занятой племенами салтовской культуры. С.А. Плетнева отмечает, что перекрещенные ноги скелетов, даже те, на которых не сохранились остатки веревочек, свидетельствуют о связывании ног (Плетнева, 1967. С. 90). Возможно, обряд связывания ног вызван суеверным страхом перед вредом, который может причинить чужеземка. Как бы то ни было, но эта деталь погребального обряда свидетельствует о каком-то южном влиянии или проникновении в бассейн среднего течения р. Цны уже в VIII–IX вв. кочевников.

С тем же проникновением или южного влияния в погребальный обряд, или отдельных представителей в мордовскую среду связано и появление обряда скорченности. Все скорченные на боку погребения составляют небольшой процент – 0,78%. Они двух типов. Первый тип скорченным можно назвать лишь условно. Это погребение на боку с чуть согнутыми ногами, кисти рук – у лица. Второй тип – на боку с сильно согнутыми ногами. Здесь мы видим лишь зарождение обряда или начало проникновения этого обряда в мордовскую среду. Лишь в последующее время, в XII–XIV вв., этот обряд широко распространится на мордовской территории и станет единственным для мокшанских женских погребений.

Проникновение отдельных представителей, или отдельных кочевнических семей на среднее течение Цны прослеживается более четко в ряде других черт погребального обряда. Оно происходило мирно. Чужаки оседали и жили среди местного населения, постепенно растворяясь в нем, сохраняя лишь отдельные детали старого погребального обряда и головного убора. Видимо, с этим проникновением южных представителей следует связывать появление в среднецнинских могильниках особой формы могильных ям: со ступенчатым (погребения 328, 329 Крюково-Кужновского могильника – тип 3) или пологим входом в нее с одной из узких сторон (погребение 55 Крюково-Кужновского могильника – тип 4) (Воронина, 1991. С. 51). Вполне возможно, эта форма могильных ям является своеобразной интерпретацией традиционной катакомбы в новых условиях. Обращает на себя внимание и тот факт, что погребения с подобной формой могильных ям располагаются обособленно, на окраине могильника, в стороне от остальных погребений местного населения.

Вторая половина X – первая половина XI в. знаменуется новыми историческими событиями. Падение Хазарского каганата приводит к новым изменениям в культуре и в самих связях среднецнинской мордвы. Эти изменения отражаются в наборе сопровождающих покойника вещей. Исчезают многие южные вещи. В женских погребениях исчезают мозаичные и глазчатые бусы. В погребениях этого периода 80–99% составляет стеклянный бисер. На смену южным вещам приходят славянские украшения: усатые перстни, перстни с завязанными концами, семилопастные височные кольца, крестовидные привески ожерелий, широко распространенные в славянских погребениях, и черные глазчатые бусы с двумя перекрещивающимися белыми полосами.

С этого времени заканчиваются многовековые южные степные влияния на мордовские племена и начинается время славянского влияния. Но это уже тема других статей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.*, 1969. Среднецнинская мордва VIII–XI вв. Саранск.
Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.
Воронина Р.Ф., 1972. Погребальный обряд Крюково-Кужновского могильника // КСИА. Вып. 128.
Воронина Р.Ф., 1982. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. Вып. 170.
Воронина Р.Ф., 1988. Мордовская височная привеска // СА. № 4.
Воронина Р.Ф., 1991. Среднецнинская мордва VIII–XI вв.: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р 2. № 2531.
Голубева Л.А., 1981. Конские погребения в курганах северо-восточной Руси // СА. № 4.
Городцов В.А., 1916. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1914 г. // Древности. М. Т. 24.
Иванов П.П., 1952. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск.
Казаков Е.П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевых комплексах Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Ковалевская В.Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массово-археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии: Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. (стеклянные бусы и поясные наборы). М.
Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник. М.
Массон В.М., 1974. Развитие обмена и торговли в древних обществах // КСИА. Вып. 138.
Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.
Мерперт Н.Я., 1951. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI.
Петербургский И.М., 1979. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. (Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 63).
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
Степанов П.Д., 1956. К вопросу происхождения мордовских племен мокши и эрзи // Учен. зап. каф. истории Саратовского гос. ун-та. Саратов. Вып. XXII.
Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган. Саранск.
Трапиш М.М., 1971. Культура цебельдинских могильников. Тбилиси.
Халиков А.Х., 1962. Писеральский могильник // Тр. Марийской экспедиции. Йошкар-Ола. Т. II.
Dienes I., 1964. A karancslapútöi honfoglalás kori öv és mordvinföldi hasonmása // Archaeologiai Értesítő. Budapest. 91.

О.А. Дружинина

ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Время проникновения первых людей на территорию современной Калининградской обл. является важнейшей научной проблемой, своеобразной точкой отсчета во взаимоотношениях природы и общества. Тем не менее, данный вопрос в научной литературе практически не освещен, несмотря на значительный объем проведенных в области археологических исследований.

Первые попытки решения проблемы первоначального заселения исследуемой территории связаны с деятельностью немецких археологов, прежде всего с образованием в 1844 г. в Кёнигсберге “Общества древностей Пруссии”, а также с возникновением музея этой организации, в фонды которого поступали археологические находки с территории всей Восточной Пруссии.

Впервые вопрос об общей периодизации находок каменного века в Восточной Пруссии был поставлен А. Беценбергером. Впоследствии эта тема освещалась в статьях В. Ла-Бома, В. Гэрте, Х. Гросса, выделивших из общей массы материала немногочисленные известные к тому моменту палеолитические находки и пытавшихся решить вопрос их культурной атрибуции (Тимофеев, 2003. С. 6–11). Помимо этого, Х. Гроссом, одним из пионеров применения методов естественных наук в первобытной археологии, собраны накопленные к тому времени факты об истории развития природной среды в позднем плейстоцене – раннем голоцене. Вопрос о первоначальном заселении территории современной Калининградской области был тогда решен в пользу предположения, что первые охотничьи коллективы посетили эту землю в позднеледниковый период.

После Великой Отечественной войны наиболее активные исследовательские работы проводились с 1949 по 1987 г. археологами Н.Н. Гуриной, В.С. Титовым, Калининградским неолитическим отрядом под руководством В.И. Тимофеева. В ходе разведочных и раскопочных работ были обнаружены и обследованы несколько памятников, содержащих комплексы находок финальнопалеолитического облика (Тимофеев, 1980. С. 6–8). Они расположены в северо-восточной части Калининградской области, в нижнем течении реки Шешупе. К наиболее ранним относятся группа стоянок на правом берегу реки у пос. Никольское и 4 местонахождения у поселков Лесное и Запань. В 1974 г. на стоянке Никольское IV проведены раскопки; коллекция, собранная на стоянке, состоит из 1150 изделий.

Указанные выше материалы дают первое и, по существу, единственное представление о кремневой индустрии финального палеолита междуречья крупнейших рек юго-восточной Прибалтики – Немана и Преголи. То обстоятельство, что на протяжении всего послевоенного периода основное внимание при исследовании памятников каменного века уделялось неолиту, не

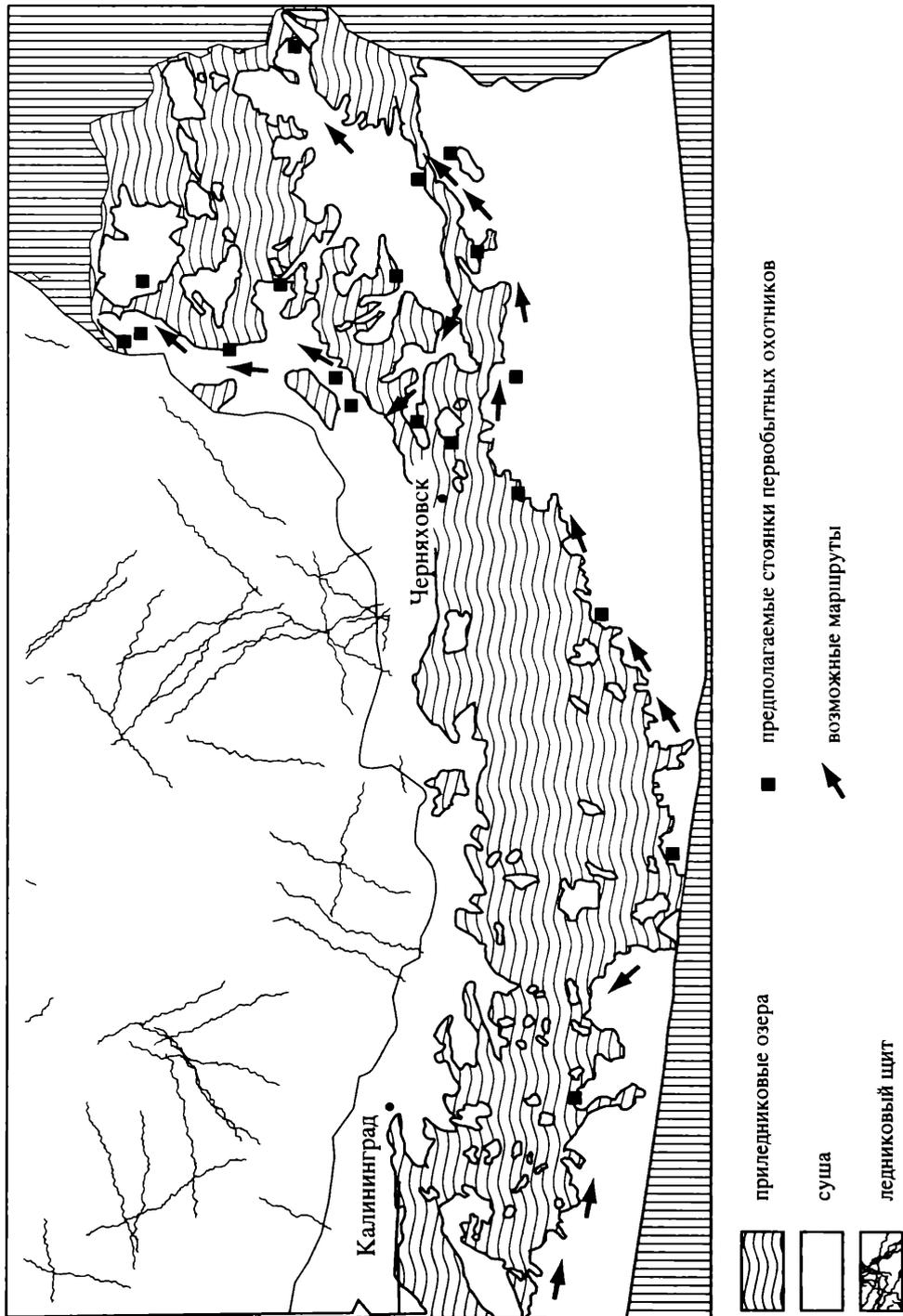

Рис. 1. Схема рельефа территории Калининградской области в нижнем дриасе

могло не сказаться на изученности более ранних этапов истории человеческого общества на территории области. Естественно, что, не имея исчерпывающих данных о палеолитических стоянках по всей территории области, невозможно составить и достоверную картину первоначального заселения этой территории. В подобной ситуации для решения вопроса о времени начала миграций первобытных коллективов в данный регион представляется приемлемым использование реконструкции природной обстановки в позднем плейстоцене. В частности, необходимы исследования древнебереговых образований приледниковых водоемов. С этой целью на основе анализа разрезов четвертичных отложений были составлены карты, отражающие палеорельеф поверхности на периоды позднеледниковья от нижнего до верхнего дриаса. На рис. 1, отражающем соотношение суши и приледниковых водоемов в середине нижнего дриаса, отражены предполагаемые маршруты миграций первобытных охотников. В качестве мест возможных стоянок выделены участки, соответствующие нескольким условиям: они располагаются по берегам приледниковых озер, у устьев древних речных потоков, на мысах, островах; участки сложены хорошо дренируемыми песчаными отложениями. Эти принципы сужают территорию поиска возможных позднеплейстоценовых стоянок от значительных по протяженности побережий приледниковых водоемов до нескольких конкретных районов, а в ряде случаев и мест. Насколько продуктивной окажется применение подобной методики при поиске стоянок палеолита, покажут дальнейшие археологические исследования, а пока хочется отметить, что природные условия, начиная со второй половины нижнего дриаса (14–13 тыс. л.н.) и вплоть до голоцена, являлись благоприятными для освоения территории области.

Впервые за время Валдайского оледенения возможность заселения области появилась во время среднелитовской гляциофазы, когда край отступающего ледника располагался чуть севернее современных долин рек Инструча и Преголи. В это время вдоль края отступающего ледника существовала система озер, уровень которых по мере деградации ледникового покрова снижался от 80–60 до 20–6 м к концу Dg1 (Квасов, 1975. С. 37–50). Естественно, что в условиях сурового арктического климата и отсутствия почвенного покрова на освобожденной от ледника территории сначала к югу, а затем и к востоку от системы озер развивались лишь скудные арктические биоценозы. Широкое распространение получили ландшафты своеобразного тундрово-степного облика. В спорово-пыльцевых спектрах, относящихся к этому времени, абсолютное господство принадлежит пыльце недревесных растений: полыней, разнотравья, злаковых. Пыльца карликовых форм березы, сосны, ивы единична (Юспина, 2000. С. 14–15). Тем не менее, именно сюда, в зону тундры, откочевывали на летние пастбища северные олени, а вслед за ними и охотники – первые люди. Они проникали на освободившуюся от ледникового покрова территорию с юга, продвигаясь по берегам приледниковых водоемов, по сухопутным мостикам, местами доходя до края отступающего ледника. В этот период возвышенные участки поверхности были сосредоточением биомассы – на них во множестве гнездовались водоплавающие птицы. Удобренные птичьим пометом прибрежные воды изобиловали

рыбой, а прибрежные участки суши, аналогичные современным хасыреям в зоне тундры, привлекали северного оленя (и охотников на него) сочной травянистой растительностью.

Существует мнение, что приледниковая зона шириной до 200 км не могла быть обитаема (Калечиц, 2000. С. 7–9), но, видимо, не стоит сомневаться, что несмотря на суровость природной обстановки в условиях арктического климата, позднеплейстоценовые биоценозы побережья приледниковых водоемов уже 14–13 тыс. л.н. в летнее время могли в достаточном количестве обеспечить первобытного человека пищей. Естественно, стоянки этого периода являлись временными, а сами периоды посещения области первобытными охотниками были подчинены ритмам весенне-осенних миграций северного оленя. Эти охотничьи коллективы могли принадлежать одной из позднеледниковых культур мадленского технокомплекса, распространенных южнее, в Польше (Bagniewski, 1999. Р. 140).

Еще более реальной становится возможность посещения данного региона первобытными людьми в бёллинге (12,7–12,2 тыс. л.н.). К этому же периоду Р. Римантене относит первые следы пребывания человека в Литве (Римантене, 1971. С. 13). В бёллинге уже вся территория Калининградской обл. и южная часть котловины Балтики были свободны ото льда. Среднегодовая температура значительно возросла: июльские температуры достигали +14 °С. Ландшафты области представляли собой так называемые парковые тундры с березой, сосной, можжевельником. К этому времени произошел спуск приледниковых водоемов до отметки –30 м. Береговые очертания отличались от современных: суше принадлежала полоса шириной до нескольких десятков километров, ныне затопленная. В бёллинге на равнинных пространствах Юго-Восточной Прибалтики появляются охотничьи группы, принадлежащие финальнопалеолитической гамбургской культуре. Согласно Р. Римантене, к культуре Гамбурга можно отнести и находку рога северного оленя со следами обработки кремневым острием, обнаруженную в Славском р-не Калининградской обл. Вероятно, стоянки этого периода могут быть обнаружены по берегам озер и рек по всей территории области; гипотетически, они располагались и на затопленной прибрежной полосе. Последовавшее за бёллингом похолодание в среднем дриасе (12,2–11,9 тыс. л.н.), возможно, сократило количество посещений области охотничьими группами, однако, оно было сравнительно коротким.

Природные условия в аллерёде (11,9–10,9 тыс. л.н.) были еще благоприятнее, чем в бёллинге. Климатическое потепление (средняя температура июля достигала +15 °С) привело к широкому распространению сосново-березовых лесов с примесью липы, дуба, лещины. Огромные пространства были заняты разнотравно-злаковыми степями. К началу периода море отступило еще на десятки километров, его уровень остановился на отметке примерно –50 м. С этого периода территория области стала постоянно обитаемой. Можно предположить, что в аллерёде область представляла собой ареал взаимодействия нескольких палеолитических культур: родовых общин культуры Бромме-Лингби, кочевавших в западных, южных районах облас-

ти (характерные для этой культуры типы мотыг обнаружены на данной территории), представителей свидерской культуры, расселявшихся с юга и востока по крупнейшим рекам, а также аренбургских культурных групп, костяные и роговые орудия которых обнаружены в разных районах области. Подобное разнообразие культур, частое их скрещение характерно для широкого пояса приледниковой Европы, в том числе для Литвы и северной Польши (*Римантене*, 1971. С. 92; *Bagniewski*, 1999. Р. 143; *Štavičius*, 2001. Р. 9). Похолодание в верхнем дриасе было менее интенсивным, чем в нижнем и среднем, однако могло сократить переселение отдельных групп к северу. Сузилась площадь кочевков, что привело, согласно Р. Римантене, к появлению в позднем дриасе множества смешанных культур. Калининградская обл. и южная Литва являлись частью той территории, где шло общение между представителями прибалтийского мадлена и свидерской культуры (*Римантене*, 1971. С. 94).

Таким образом, анализ палеогеографической ситуации позволяет утверждать, что начиная с нижнего дриаса шло освоение территории Калининградской обл. первобытными охотничьими коллективами, адаптивная модель которых была основана на эксплуатации ландшафтов открытой тундры и лесотундры. Десятки финальнопалеолитических стоянок, обнаруженных на территориях соседних Литвы и северной Польши, придают дополнительную весомость этому выводу. Безусловно, дальнейшими целенаправленными археологическими исследованиями выразительные памятники финального палеолита в Калининградской обл. будут обнаружены.

ЛИТЕРАТУРА

- Калечиц Е.Г.*, 2000. Древности Рогачевщины. Минск; Рогачев.
- Квасов Д.Д.*, 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.
- Римантене Р.*, 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
- Тимофеев В.И.*, 1980. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Тимофеев В.И.*, 2003. История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии. Калининград.
- Юспина Л.Ф.*, 2000. Палеогеография Балтийского моря по палинологическим данным: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калининград.
- Bagniewski Z.*, 1999. Tanged points and the problems of palaeolithic settlements in Pomerania // Tanged points cultures in Europe. Lublin.
- Štavičius E.*, 2001. Velyvojo paleolito kultūros ir iu likimas ankstyvajame mezolite. Vilnius.

ПУБЛИКАЦИИ

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт

ТЕЛЛЬ ХАЗНА 1 (СИРИЯ): ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003 г.

Телль Хазна 1 открыт в 1987 г. в результате разведочных работ Месопотамской экспедиции Института археологии РАН в провинции Хассаке Сирийской Арабской Республики, с 1988 г. начались его широкие и планомерные исследования, продолжающиеся до настоящего времени. Результаты раскопок Телль Хазны 1 получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Они безусловно доказывают подлинную уникальность этого памятника и его особое значение для разработки основных проблем древнейшего в мире ближневосточного очага человеческой цивилизации. Это касается как архитектуры памятника и всех видов материальной деятельности его создателей, так и духовной культуры и самой организации общества.

В процессе исследования Телль Хазны 1 получен значительный материал, который систематически вводится в научный оборот в виде больших статей и публикаций (Мунчаев, 2003; Мунчаев, Мерперт, 1999; 2001а; 2001б; 2002; Мунчаев, Мерперт, 1994; Мунчаев, Мерперт, 2002; и др.) и крупных обобщающих трудов (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004). В одной из последних наших публикаций изложены уже результаты исследований Телль Хазны 1 в 2002 г. В настоящей же статье подводятся итоги раскопкам данного памятника в 2003 г.

Телль Хазна 1 – большой холм диаметром до 200 м и высотой 17 м. Мощность его культурного слоя составляет 16 м, из которых нижние 4 м связаны с убейдской (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) и урукской (вторая половина IV тыс. до н.э.) культурами. Верхние же 12 м относятся к раннединастической эпохе. Памятник расположен в 25 км к северо-востоку от г. Хассаке, центра одноименной провинции, близ дер. Хазна и Аляви, на берегу вадди Ханзир (или вадди Риджла), притока Джаг Джаг, впадающего в Хабур.

Основным объектом исследований экспедиции на Телль Хазне 1 является слой раннединастического периода. Подавляющая часть вскрытой площади располагается в южной половине холма, отличающейся сплошной застройкой. Северный же, более крутой, склон практически не был застроен.

Функциональный характер памятника глубоко специфичен – он не может быть признан обычным поселением. На исследованной здесь площади свыше 3000 кв. м раскопаны уже остатки не менее 400 построек, среди ко-

торых жилые сооружения составляют весьма незначительный процент при абсолютном преобладании культовых сооружений и общественных зданий, прежде всего зернохранилищ. Но не этим определялась основная функциональная особенность памятника. Она была связана в первую очередь с фундаментальными строительными комплексами культового характера – храмами и священной башней – древнейшим из известных зиггуратов, обширными помещениями для огневых действий и особых церемоний, свидетельствами жертвоприношений и жертвенными закладами. Культовые сооружения Телль Хазны 1 доказывают формирование трехчастного плана храмов, ставшего традиционным фактически для всей древнейшей Месопотамии (Дьяконов, 1983. С. 150–152; Ллойд, 1984. С. 108, 136 сл.)

Столь же характерны для Телль Хазны 1 общественные постройки, связанные с концентрацией и хранением зерновых запасов. Среди них в первую очередь должны быть указаны башни-зернохранилища, многие из которых отличаются поразительной сохранностью: стены их стоят на высоту, близкую первоначальной (до 8 м и даже более). Они служили для хранения и распределения продуктов общественного труда. Особый характер памятнику придают элементы правильной – радиальной – планировки со сплошной застройкой разделенных узкими проходами “кварталов”, отмеченных определенной планиграфической и функциональной спецификой. Все это в конечном итоге позволяет рассматривать изучаемый памятник как культурно-административный центр, обслуживавший определенную группу поселений целой округи. Судя по археологической карте провинции Хассаке, данный регион отличался густой насыщенностью поселениями именно в IV–III тыс. до н.э.

Одной из основных особенностей Телль Хазны 1 является расположение его построек на нескольких последовательных платформах-террасах. Их уже выявлено три. Они располагаются на расстоянии 3–4 м одна над другой. На нижней террасе открыт целый комплекс культовых сооружений с храмом-башней. Это как бы священный участок – “теменос”. Он условно обозначен как “нижний храм”. Основания образующих его сооружений располагались на глубине 13–14 м от вершины телля. Они находились в урукском слое. Отмеченная башня, сохранившаяся на высоту около 8 м, может рассматриваться как подлинный зиггурат, причем древнейший не только в исследуемом регионе, но, пожалуй, во всей Месопотамии в целом, хотя не получивший еще ступенчатой структуры (Lenzen, 1941; 1951). Близкое по некоторым параметрам культовое сооружение вскрыто и на третьей платформе Телль Хазны 1. Оно условно обозначено как “верхний храм”. Ближайший аналог Телль Хазне 1 – это так называемый “Овальный храм” в Хафадже (Delougaz, 1940). Оба относятся к числу так называемых “высоких храмов”, известных до сего времени в Южной и Средней Месопотамии – Эриду, Урук, Телль Убейд (Tunca, 1984; Sievertsen, 1998; Forest, 1999).

Храмовое назначение Телль Хазны 1 документируется архитектурными показателями – специфическими планами с выделенным “теменосом”, целлой, святилищем, культовой башней и пр., а также алтарями-жертвенниками, остатками самих жертвоприношений, в том числе ритуальными строи-

Сирия.
Тель Хазна I. 2003 г.

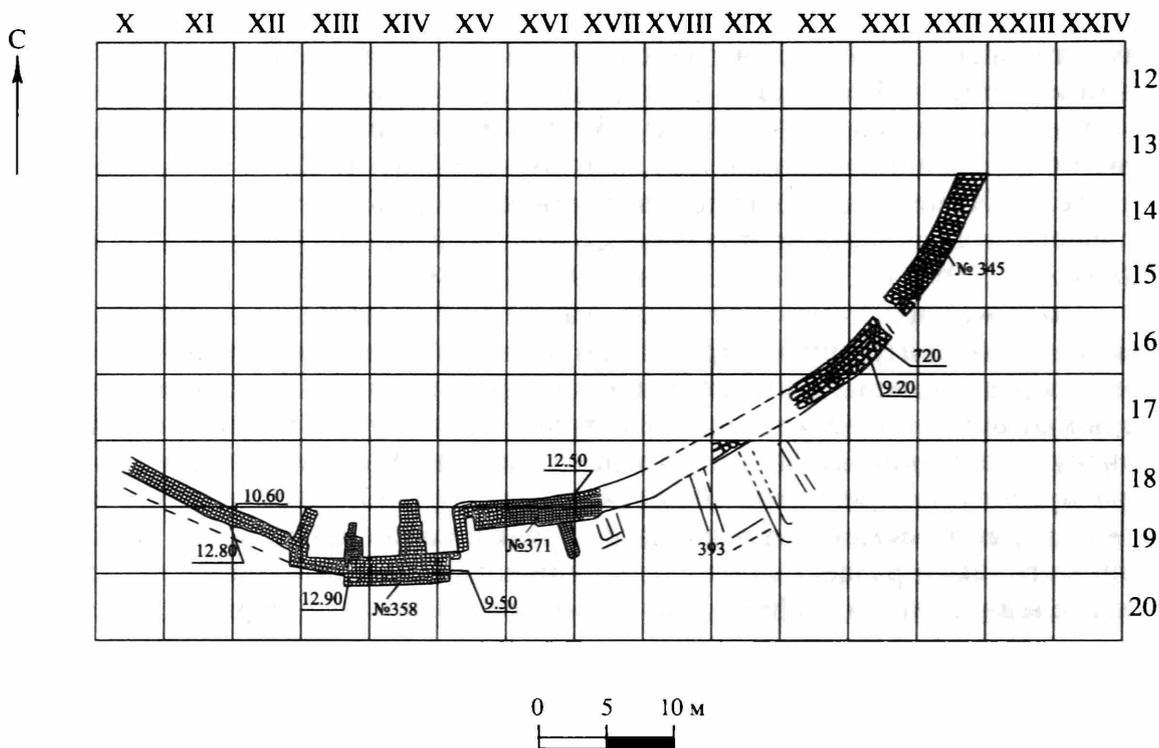

Рис. 1. Тель Хазна I. Остатки фортификационной системы

тельными закладами, знаменовавшими начало и завершение создания крупнейших построек, следами активных огневых действий, многочисленными статуэтками – как антропоморфными, так в особенности зооморфными.

Одним из важных результатов раскопок предшествующего, 2002 г. явилось открытие на южном и восточном участках Телль Хазны I остатков массивных стен, идущих дугообразно вдоль фундаментальных храмовых и других общественных сооружений на нижней платформе-террасе. Встал вопрос о принадлежности этих стен к единой системе фортификации, ограждавшей всю основную часть культового центра. Поэтому одной из важных задач полевого сезона 2003 г. стало вскрытие на максимальной площади всех участков расположения фортификационной системы.

С этой целью экспедиция в истекшем сезоне прежде всего расширила общую площадь раскопа на южном и восточном участках телля. Работы были проведены как на ранее начатых участках (XIII–XIV/19–20), так и на новых – XVII–XIX/19, XIX–XX/18, XX/16–17, XXI/16.

Остатки фортификационной системы Телль Хазны I вскрыты ныне на следующих участках памятника – с востока на запад (рис. 1). В квадрате XXII/14 стена прослежена по направлению СВ–ЮЗ. Здесь она пересекает квадрат полностью и уходит под северный борт (рис. 2). Толщина ее 2,0 м. Стена сложена из сырцовых кирпичей. Верхний срез ее фиксируется на глу-

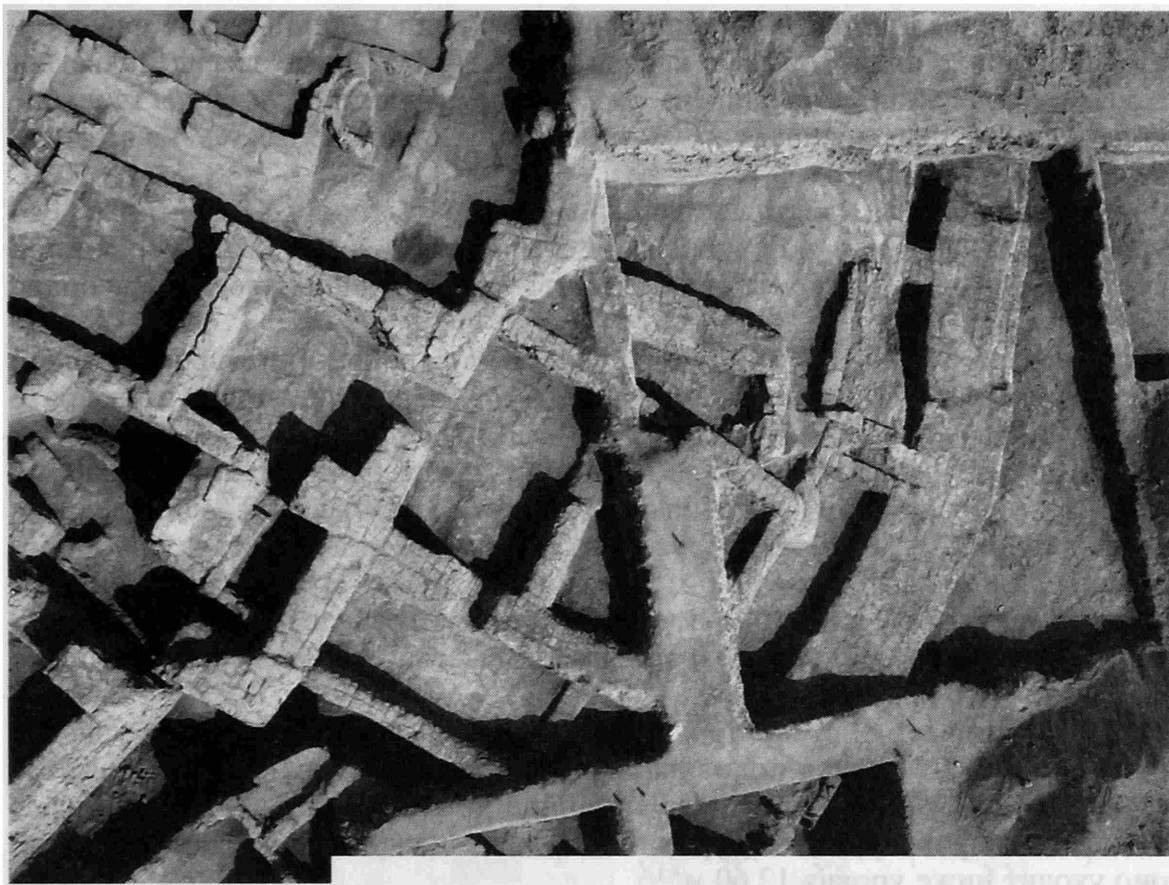

Рис. 2. Телль Хазна 1. Аэрофотосъемка. Юго-восточный участок раскопа. Справа – часть оборонительной стены

бине в среднем 7,0 м. Здесь раскопки доведены до уровня 8,0 м, стена продолжается вглубь.

В квадрате XXII–XXI/15 стена более заметно отклоняется к западу. Остатки стены зафиксированы и в квадрате XXI/16. Она углублена до 9,30 м и продолжает уходить вглубь. Здесь, на северо-восточном участке стены был устроен проход шириной около 1 м. Следует подчеркнуть, что стена здесь лишь облицована двумя–тремя рядами кирпичей, внутренняя ее часть забутована глиной и строительным мусором. Облицовка покрывает и боковые стенки выявленного прохода. Стена уходит в западный борт квадрата, близ стыка с которым с южной стороны она нарушена заметным перекопом. За ним следует прямое продолжение стены к ЮЗЗ. Здесь же, в квадрате XX/16–17 на уровнях верхнего среза (6,60–7,20 м) стена перекрыта постройками (388) и (389) более позднего строительного горизонта. Ее вскрытие здесь доведено до уровня 8,20 м. Она уходит в западный борт квадрата, а далее в пределы участка XIX/17, который в 2003 г. не раскапывался. Однако ход стены здесь четко прослеживается. Дальше, в квадрате XIX–XVIII/18 стена еще более резко поворачивает к западу и ее продолжение фиксируется на смежных западных участках (квадраты XVIII/18, XVII/18–19, XV–XVI/19).

Наличие и единство изучаемой фортификации Телль Хазны 1 фиксируется в профиле южного борта квадратов XVII–XV/18, где засвидетельствованы и сочленения ее секций на разрушенных участках, и существование контрфорсов, поддерживавших стену на грани линии XVII и XVI, а возможно и XVIII и XVII.

Чрезвычайно важно, что отмеченные квадраты линии XVIII вскрыты до уровня 12,0–12,10 м. Оборонительная стена уходит ниже этого уровня при верхнем его срезе 6,60 м. Следовательно, высота стены здесь превышала 5,40 м.

В квадрате XV–XVI/18–19 отмечается нарушение фортификационной стены в плане. Полная ее толщина – 2,0 м – сохраняется лишь в квадрате XV/19. Западнее же стена отклоняется к северу.

Начиная с квадрата XIV/19, оборонительная стена смещается на 2,50 м к югу. Но с дальнейшим – западным участком ее связывает соединительная стена длиной 2,50 м. Образуется коленчатый переход к новой секции оборонительной стены. Длина ее 8,0 м при ширине 2,0 м. Верхний срез стены находится на уровне 9,50–10,0 м. В юго-западном углу стена раскопана до уровня 13,0 м. Следовательно, сохранившаяся высота стены здесь превышала 3,50 м.

Рассматриваемая стена продолжается далее на запад. Здесь ее участок отмечен как 47. Южная половина его подверглась разрушению и поэтому стена на этом участке оказалась суженной до одного метра. Верхний срез стены здесь фиксируется на уровне 9,50 м. Основание ее не достигнуто, но оно уходит ниже уровня 12,60 м.

Можно считать, что фортификационная система Телль Хазны 1 в настоящее время прослежена минимум на 70 м. Нет сомнения в том, что продолжение ее в западной части телля охватит, по меньшей мере, еще пять квадратов (т.е. 25 м), а может быть и больше. Это же касается и северо-восточного направления оборонительной стены.

Мы уделили столь подробное внимание описанию фортификационной системы Телль Хазны 1 в силу особого ее значения для прикрытия теменоса и всего ядра памятника. Это, с одной стороны. С другой же стороны, сам факт наличия такой фортификации в Телль Хазне 1 представляется принципиально важным, поскольку до сих пор подобных объектов в памятниках Северной Месопотамии рубежа IV–III тыс. до н.э. не было открыто. В Южной же Месопотамии окружение храмовых участков древних поселений зафиксировано, причем только для этого же времени. Их там известно значительно больше, но говорить об их хронологическом приоритете нет оснований.

Таким образом, результаты раскопок истекшего сезона убедительно подтверждают наличие на Телль Хазне 1 мощной фортификационной системы. И это совершенно естественно, так как невозможно предположить, чтобы такой крупный центр, в котором хранились огромные запасы зерна – главного богатства населения бассейна Хабур в то время, оставался незащищенным от возможных посягательств со стороны.

Следующей задачей экспедиции в 2003 г. являлось исследование участков, расположенных на самой вершине холма и по его склонам. В предшествую-

Сирия.
Тель Хазна I. 2003 г.

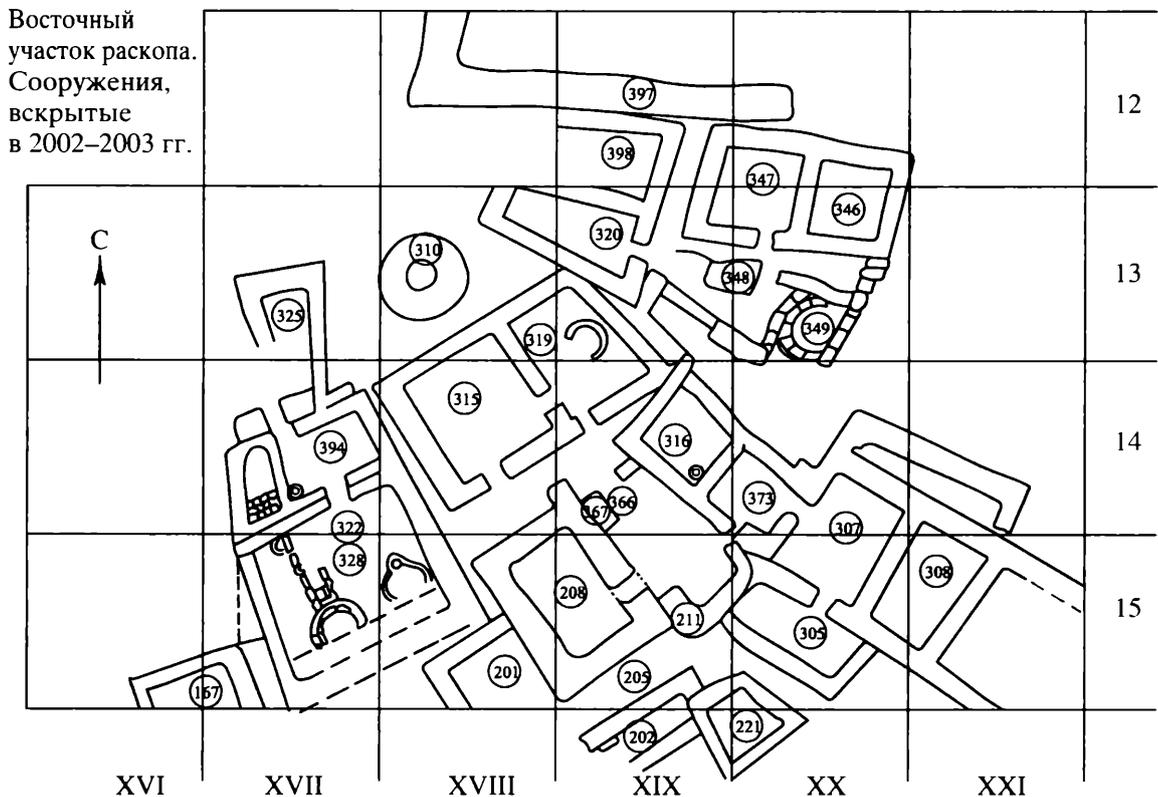

Рис. 3. Тель Хазна I. Застройка юго-восточной части телья

щие сезоны в юго-восточной части Тель Хазны I были открыты свидетельства густой застройки (рис. 2; 3). В 2003 г. вскрытие и углубление ее было продолжено. Она включала целый ряд взаимосвязанных сооружений, основания которых зафиксированы на глубине около 6,9 м. В ряде случаев они перекрывали отдельные звенья описанной фортификационной системы. Прослеживаются безусловные элементы планировки: постройки располагаются длинными рядами, лучеобразно расходящимися от вершины телья. Помимо открытых здесь в истекшем сезоне сооружений, были заметно углублены вскрытые ранее конструкции, вплоть до их нижних полов. Крайняя северная постройка (397) частично открыта в квадратах XVIII–XX/12. Вскрыты (до уровня 5,0 м) южная и часть западной стены этой крупной постройки (рис. 3).

Несомненно, что здесь, рядом с вершиной холма находилось большое сооружение (397). С юга к нему примыкала двухкамерная постройка (346 и 347) общими размерами 5,0 × 2,50 м. Достигнуто основание на глубине 5,90–6,0 м. Западнее расположено другое двухкамерное сооружение, трапециевидной формы, размерами 4,0 (С–Ю) × 4,0–3,0 м. Южная камера (320), вскрытая в 2001 г., была заполнена крупными глиняными сосудами, вероятно, с зерном. Северная же камера (398), раскопанная в истекшем сезоне, оказалась пустой.

Южнее, в квадратах XVII–XXI/13–16, располагался ряд построек, стоявших по сторонам башни-зернохранилища (209), открытой в предшествующие сезоны и вскрытой ныне до глубины 9,50 м. К северу от последней углублена до уровня 5,20 м еще одна двухкамерная (315 и 319) постройка, ориентированная с ЮЗ на СВ, размерами 5,80 × 3,50 м. Внутри одной из камер находились остатки крупной печи (рис. 3).

К юго-востоку от этой постройки идет ряд прямоугольных сооружений (316, 373, 307, 308, 305). Все они располагались к востоку и юго-востоку от башни (209). В небольшом закрытом дворе, между восточной стеной башни и отмеченными сооружениями, на глубине 6,75 м, открыты остатки круглой печи (366) диаметром 1,60 м и массивная “тумба – стол” (367). Размеры последней: высота 1,55 м (на уровне 5,0–6,55 м), длина 1,60 м, ширина 0,75 м. Стандарт кирпичей 25–50 × 25 × 7 см.

К югу от башни 209 находятся остатки ряда сооружений (202, 203, 221). Они были раскопаны в прошлые сезоны и отделялись от башни “улицей” (205), уходящей к юго-западу. В 2003 г. отмеченные сооружения были расчищены и углублены до уровня 6,55 м.

В квадратах XVII–XVIII/13–15 в 2003 г. продолжено исследование трех примыкающих друг к другу построек 325, 394, 322, расположенных по линии ССЗ–ЮЮВ. Наиболее северная из них, вскрытая в основном в 2002 г. и отмеченная под № 325, имела трапециевидную форму. С юга к ней примыкала постройка 394, соединенная с первой дверным проемом. Постройка 394 объединяет две камеры, разделенные перегородкой. Основания обеих камер на уровне 4,90 м. Большая – восточная – камера имела размеры 2,60 (В–З) × 1,75 м. В юго-западном углу ее был вкопан крупный сосуд. Маленькая – западная – камера размерами 2,0 × (С–Ю) × 1,20 м была уменьшена с юга на 1,0 м за счет выложенной здесь кирпичной “тумбы” высотой до 40 см. В северной же части постройки – по длинной ее оси – лежал крупный овальный камень размерами 60 × 30 см. Помещение, возможно, имело ритуальное назначение.

Далее к югу располагалась постройка с двумя уровнями полов: верхним 5,40 м (322) и нижним 5,80 м (328). Периметр же постройки не менялся. В сезоне 2003 г. был расчищен нижний пол, т.е. основание постройки. Верхний срез ее стен на уровне 3,70 м. Форма прямоугольная: 4,50 (ЮВ–СЗ) × 4,0 м. В северной стене находился дверной проем, ведущий в постройку (394). При этом были частично срезаны и южные половины двух, очевидно, крупных (сохранились лишь северные их половины) сооружений, примыкавших к указанной стене. Оба они стояли на полу – на уровне 5,80 м – и имели близкий диаметр, около 1,50 м. Но конструктивно они были различны. Восточный полукруг, имевший соскообразный выступ, направленный к северу, был ограничен глиняной стенкой толщиной 10 и высотой 15 см, тщательно обмазанной глиной, особенно с внешней стороны. Но с запада рядом с ним располагался второй полукруг, ограниченный кирпичной стенкой, также обмазанной толстым слоем глины с внешней стороны. Внутри него было заметное зольное скопление. Возможно, первое сооружение являлось площадкой для сушки зерна, во втором же находился большой очаг. От послед-

него к северу отходят две параллельных стенки, выложенные в один кирпич. Длина их 1,40 м, интервал между ними 35 см. Одна из стенок (западная) после 30-сантиметрового разрыва продолжается до северной стены постройки 328, где в углу расположен еще один небольшой очаг.

Смежные с вершиной холма участки исследовались в 2003 г. и к западу от 0 точки (квадраты XI–XIV/13). Здесь, на уровнях 4,50–6,0 м, зафиксированы остатки густой застройки, примыкавшей с севера к основной части сооружений “верхнего храма”. Она либо принадлежит им, либо, скорее всего, перекрывает их.

Остановимся на открытых здесь остатках построек. С запада эта часть застройки ограничена широкой стеной (142), ранее зафиксированной в квадрате XI/14 и отсекающей северо-западный угол квадрата XI/13 на уровне выше 6,30 м. С юго-востока к этой же стене примыкает комплекс из четырехугольных построек, стоящих на уровне от 5,37 до 6,37 м. Крайняя, юго-западная, из них, близкая к квадратной форме (2,50 × 2,0 м), непосредственно примыкала к стене (142) на уровне 6,35 м. Это помещение зафиксировано как 390. Севернее же располагалась квадратная постройка (391) размером 1,60 × 1,60 м. А смежным с последним с востока являлось прямоугольное помещение (392) размерами 2,25 × 125 м.

Подчеркнем, что исследование данного участка Телль Хазны 1 только началось, но оно уже позволяет говорить о его густой застройке. Главное, что предстоит определить, – это соотношение данной застройки с “верхним храмом”. Пока нам представляется, что она следует хронологически за прекращением функционирования культового центра и синхронно большинству погребений, раскопанных на Телль Хазне 1. До 2003 г. здесь, на различных участках южной половины холма были открыты останки 39 погребений. В 2003 г. раскопано еще семь захоронений (40–46). Все они оказались компактно расположенными на вершине телля (квадраты XIII–XIV/13) и принадлежали детям. Остановимся кратко на этих погребениях.

Погребение 40 (квадрат XIV/13) находилось в яме, прорезавшей пол небольшого сооружения, на глубине 1,85 м (рис. 4, 1). Скелет ребенка (около года) лежал скорчено на левом боку головой на запад. На кистях стояли два округлодонных сосуда, а третий находился за затылком. У шейных позвонков лежали 15 белых и черных пастовых бус цилиндрической и округлой формы. Погребение же 41 было совершено в большом груболепном сосуде и не содержало никаких вещей. Другое погребение (42) находилось в кирпичной цисте (рис. 4, 2) и сопровождалось небольшим глиняным сосудом с округлым дном. Аналогичный сосуд, но меньшего размера, найден и в погребении 43. В погребении же 44, где детский костяк полностью истлел, предметов инвентаря не оказалось.

Открыты еще два погребения в цистах – 45 и 46. Погребение 45, например, принадлежало ребенку 1 года – 1,5 лет, положенного скорчено на левом боку головой на запад, и сопровождалось двумя круглодонными сосудами.

Все раскопанные в 2003 г. погребения расположены на ограниченном участке телля, в его центральной части, и составляют довольно компактную группу детских захоронений. Можно предполагать, что здесь находился спе-

Рис. 4. Тель Хазна 1

1 – погребение № 40; 2 – погребение № 42

циальный “детский некрополь”, хотя детей на Телль Хазне 1 хоронили и на других участках, чаще всего у культовых сооружений. Отметим в данной связи, что до 2000 г. в Телль Хазне 1, главным образом в юго-восточной части холма, было вскрыто 30 погребений, не считая захоронения собаки. Из этого числа 21 погребение принадлежало детям (*Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 344*). Все они, за исключением единичных погребений, совершены сразу после прекращения функционирования культово-административного центра и датируются серединой и третьей четвертью III тыс. до н.э. (*Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 345*). При этом следует подчеркнуть, среди них имеются захоронения как в грунтовых ямах, так в цистах и глиняных сосудах, совершенные, как правило, в скорченном положении, на правом или левом боку и головой преимущественно в западном секторе. Бесспорно, и все раскопанные в 2003 г. на вершине Телль Хазны 1 детские погребения и в культурном и хронологическом отношении прямо связаны с раскопанными ранее и должны быть датированы тем же временем. Погребения 40, 42, 45 и 46, непосредственно перекрывали верхние срезы стен наиболее поздних построек в квадратах XIII–XIV/13. Это стратиграфическое свидетельство того, что данные погребения сравнительно моложе отмеченных сооружений, но хронологический разрыв между ними невелик. Ведь сопровождающие эти захоронения сосуды представляют типичнейшие раннединастические формы. А это также с несомненностью подтверждает предложенную датировку как данных погребений, так и подавляющего большинства других захоронений, открытых в Телль Хазне 1.

Остановимся здесь же на одном комплексе бронзовых изделий, который был обнаружен в Телль Хазне 1 в 2003 г. в квадрате XX/12, на глубине 5,0–5,15 м. Он включал в себя большой кинжал длиной около 35 см, два топора-тесла, длинное долото с полукруглым желобчатым рабочим краем и узкую стамеску – тесло с прямым рабочим краем (рис. 5). Первоначально мы решили, что они связаны с захоронением, т.е. составляют часть погребального инвентаря. На самом же деле оказалось, что они не имеют никакого отношения к погребению, равно как находятся и вне регулярных следов какой-либо постройки. Отмеченные предметы лежали чрезвычайно компактно. Но следует сказать, что в 1,60 м к югу от них на той же глубине найден вкопанный в землю крупный сосуд высотой 39 см, который представляет типичную форму раннединастической керамики, часто встречающуюся в культурном слое Телль Хазны 1. Рядом с этим сосудом лежало бронзовое шило (рис. 5, 3). Связь между шилом и сосудом, а также между ними обоими и описанным комплексом бронзовых изделий, представляется несомненной. Не исключено, что мы имеем дело со специально зарытыми предметами или, другими словами, кладом вещей, намеренно закопанным в землю по какой то причине.

Укажем на то, что аналогичные некоторым из рассматриваемых металлических изделий, в частности бронзовое тесло длиной 12,5 см и крупное (длиной 22,7 см) долотовидное орудие с желобчатым рабочим краем, были обнаружены вместе с набором хрустальных и кварцевых бус в погребении 3 в Телль Хазне (квадрат VIII/15–16) в 1988 г. (*Мунчаев, Мерперт, Амиров,*

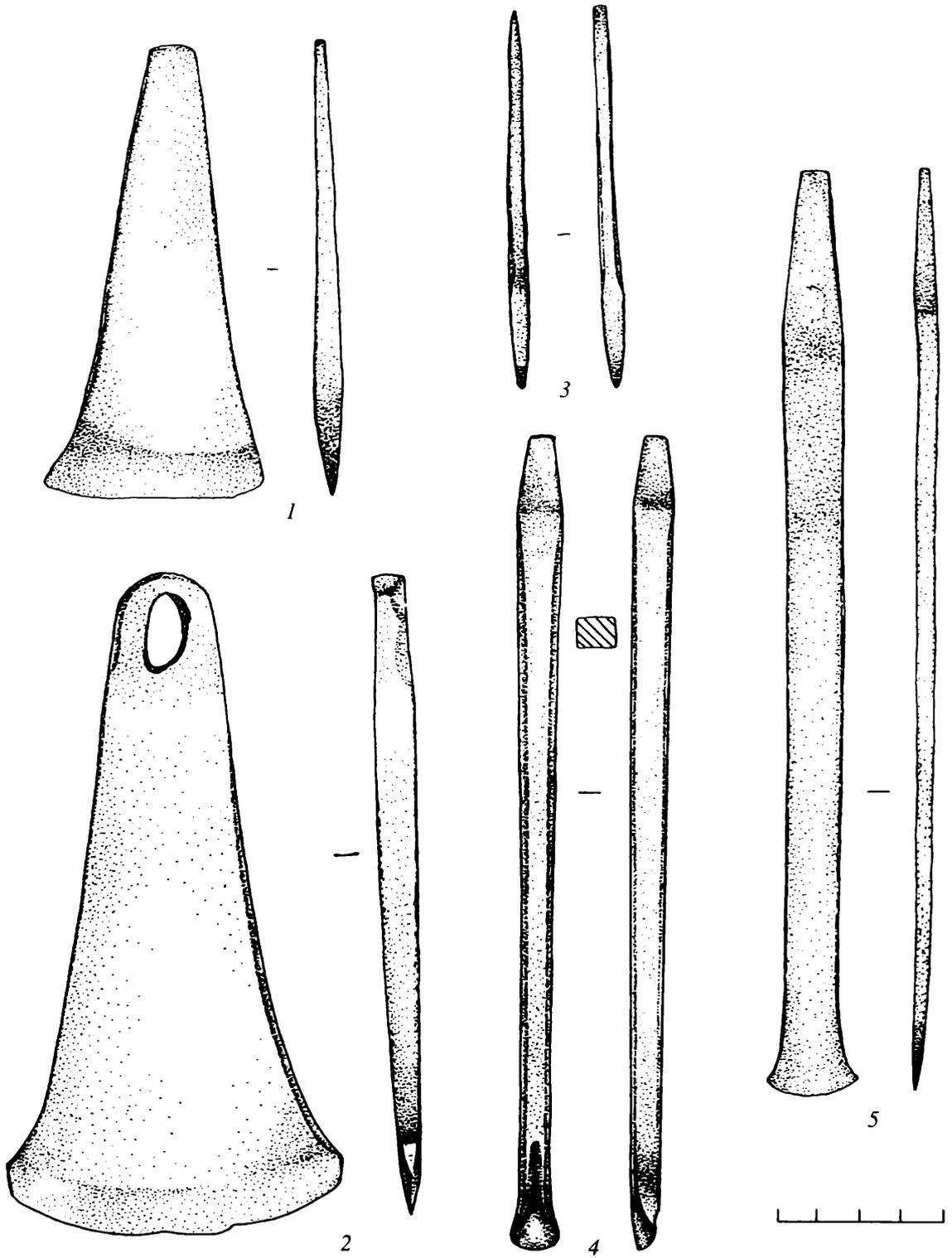

Рис. 5. Тель Хазна 1. Клад бронзовых изделий

2004. С. 337–338). Данное погребение датируется серединой – третьей четвертью III тыс. до н.э. Это, во-первых.

Во-вторых же, каждое из представленных в “кладе” бронзовых изделий, как и все они в целом, чрезвычайно характерны для культур раннебронзового века широкого ареала циркумпонтийской горно-металлургической зоны, особенно Месопотамии и Кавказа (*Deshayes*, 1960. Pl. III–XII; *Абесадзе*, 1969; *Мунчаев*, 1975. Рис. 49, 50 и др.; 1994а. Рис. 12/23; 1994б. Рис. 54).

Прежде чем перейти к характеристике остального добытого на Телль Хазне 1 в 2003 г. археологического материала, укажем, что еще одна задача экспедиции была направлена на защиту вскрытых ранее уникальных архитектурных объектов Телль Хазны 1 от разрушительных воздействий времени (эрозии, дождей и пр.). С этой целью экспедиция провела расчистку исследованных в предшествующие годы сооружений на площади квадратов XVII/14–15 и ряда других на глубине от 3,50 до 6,0 м с соответствующей научной фиксацией их и засыпку этих и других построек. В частности, в 2003 г. засыпаны “верхний храм”, а также частично такие фундаментальные сооружения, как башня “нижнего храма” и примыкающие к ней постройки. Эта чрезвычайно трудоемкая работа отвлекала постоянно научный персонал и рабочих экспедиции от выполнения непосредственно исследовательских задач, но была полностью оправдана. Ведь другими способами, кроме засыпки, сохранить вскрытые на Телль Хазне 1 уникальные архитектурные объекты не представляется сегодня возможным. Насколько нам известно, таким же образом пытаются спасти от разрушения раскопанные древние архитектурные комплексы и некоторые другие экспедиции в Сирии.

Приступая к краткой характеристике обнаруженных в 2003 г. находок, представляется необходимым подчеркнуть прежде всего заметное различие в насыщенности культурного слоя внутри укрепленной территории и за пределами фортификационной системы. Мы еще в прошлом сезоне при раскопках крайних восточных участков телля (квадраты XXII–XXIII/14–15) обратили внимание на то, что за пределами стены на данных участках не было по существу каких-либо строительных остатков, но резко изменились как цвет культурного слоя, так и его насыщенность. Это подтвердилось в целом и результатами раскопок настоящего сезона.

Как и в предшествующие годы, основную часть находок из слоя составляет керамика. Найдено 9810 обломков разнообразных сосудов, преимущественно раннединастического (I–II) периода, представляющих все основные формы керамики, характерные для него (*Мунчаев, Мерперт, Амиров*, 2004. С. 149 сл.; *Muncaev, Merpert*, 1994. Fig. 19–26 и др.). Среди них – крупные сосуды для хранения зерна и воды, разнообразные горшки, как правило, с невысоким, резко отогнутым наружу венчиком и плоским и, реже, округленным днищем, а также миски. Почти вся керамика раннединастического периода лишена орнаментации. Но обратим внимание на фрагменты керамической плитки, вероятно, крышки сосуда, с оттиском цилиндрической печати. В 2003 г. найдена и поделка из сырой глины с отпечатком, видимо, такой же печати.

В коллекции керамики, найденной в 2003 г., имеются также единичные фрагменты сосудов типа Ниневия 5, в том числе с резным и расписным орнаментом. Найден (квадрат XVII/14, помещение 394) и целый расписной (черным по желтоватому фону) сосуд, представляющий местное подражание соответствующей категории посуды рассматриваемого типа. Такие сосуды встречались в Телль Хазне 1 и до этого, причем как в слое, так и в погребении.

Из керамических находок 2003 г. следует отметить в первую очередь зооморфные и антропоморфные глиняные статуэтки. Первых найдено 22. Они фрагментированы, целых статуэток немного (рис. 6). Подчеркнем, что все они повторяют ранее известные типы зооморфной пластики (*Munчаев, Merpert, 1994. Fig. 31; Мунчаев, Мерперт, 2002. С. 137–150*). Некоторые из них могут быть определены как изображения баранов и собак.

Что же касается антропоморфной пластики, то в коллекции истекшего сезона представлены обломки восьми женских фигурок (рис. 6, 1–4). На многих из них имеются изображения, выполненные точечными наколами и резьбой (рис. 6, 5–8). Скорее всего, они символизируют ожерелья и другие принадлежности женского наряда. Необходимо подчеркнуть определенное своеобразие антропоморфной пластики Телль Хазны 1, не ограничивающейся единым стереотипом.

Значительную серию находок (около 20) составляют глиняные биконические пряслица, некоторые из которых орнаментированы (рис. 6, 10–13). Все они слабо обожжены и представляют обычные типы. Найдено и несколько керамических моделей колес с выделенными ступицами (рис. 6, 9). Отдельно укажем на находки крупных частей от трех очажных подставок, две из которых цилиндрической формы. Они обычны для данного памятника и встречаются здесь чаще всего близ очагов.

Из каменных изделий выделим прежде всего небольшую печать-подвеску (из черного камня) прямоугольной формы с пирамидальной спинкой с отверстием и резной решеткой на рабочей части (рис. 6, 14). Она найдена в квадрате XIX/19 на глубине 7,80–7,90 м. Укажем, что почти такая же каменная печать была обнаружена в Телль Хазне 1 несколько лет тому назад. Обе они принадлежат к ранним (VI–V тыс. до н.э.) типам северомесопотамских печатей. Для нашего же памятника (урукского и раннединастического слоев) характерны печати совершенно иного типа (*Мунчаев, 2001. С. 270*).

Как обычно, заметной серией оказались представлены каменные земледельческие орудия, прежде всего кремневые вкладыши серпов. Последних в сезоне 2003 г. найдено около 80. Многие из них содержат следы битума. Встречены также единичные обсидиановые пластины и отдельные кремневые отщепы и даже нуклеусы.

Меньше, чем в прошлые сезоны, найдено каменных зернотерок. Вместе с обломками их около десяти.

Отметим также, что в 2003 г. были обнаружены 252 кости различных животных. Распределение их на исследованной площади неравномерное. Наибольшая концентрация отмечена на участках XVII/16 (29 костей) и особенно в квадрате XIV/20, где раскопки доведены до уровня почти 12 м. При-

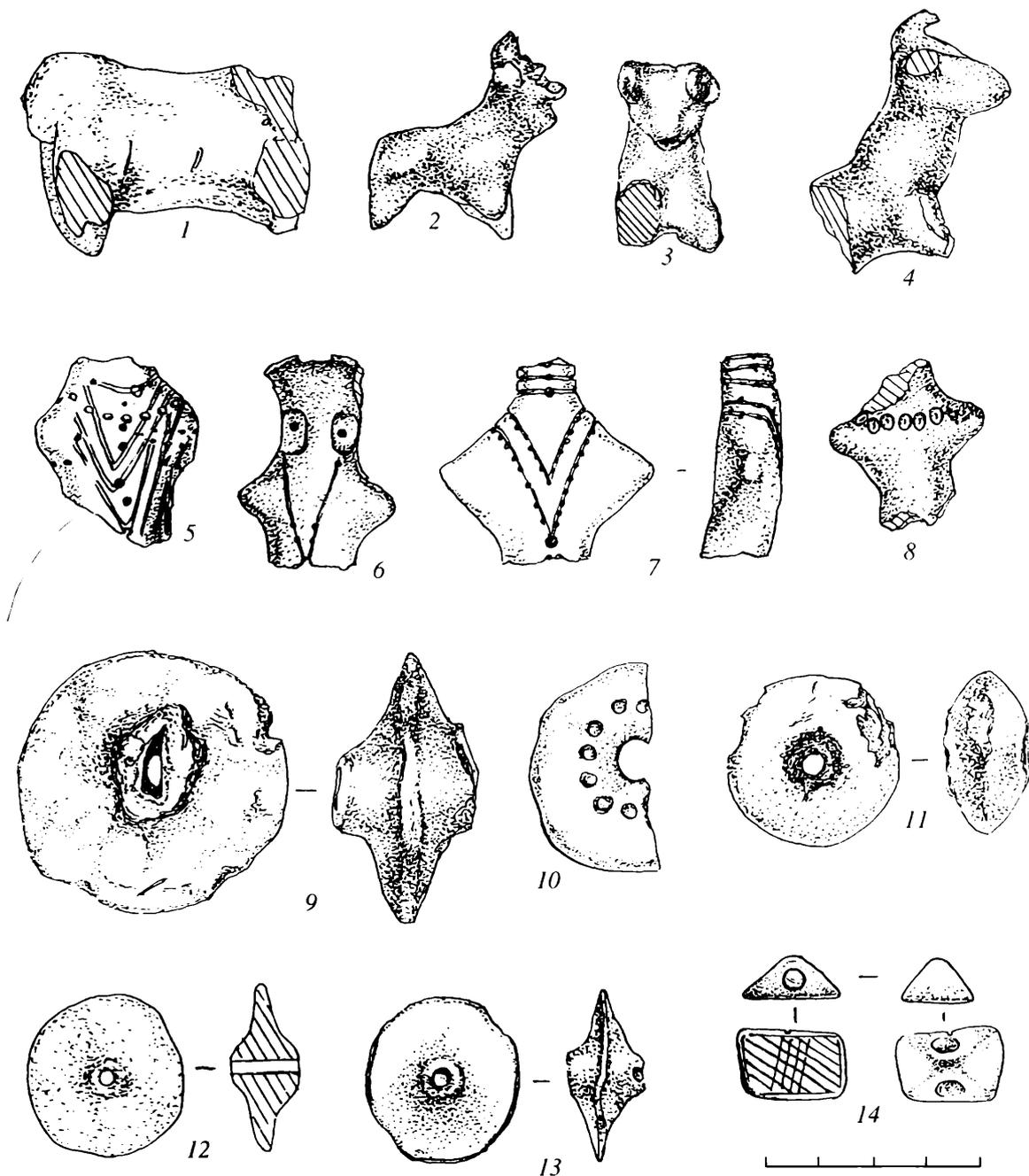

Рис. 6. Телль Хазна 1. Глиняные поделки (1–13) и каменная печать (14)

мечательно, что на данном участке обнаружен череп быка, закрепленный у стены и, видимо, в открытом пространстве.

В целом весь материал из раскопок Телль Хазны 1 минувшего сезона повторяет типы изделий, характерные для позднеурукских комплексов и главным образом раннединастической эпохи. В нем, подчеркнем, полностью отсутствуют предметы, специфические не только для последующего – аккадского периода, но и непосредственно предшествовавшего ему раннединасти-

ческого III периода. Таким образом подтверждается наше заключение о том, что временем функционирования Телль Хазны 1 как культово-административного центра является конец IV и начало второй четверти III тыс. до н.э.

После прекращения его функционирования как культового центра заброшенный холм стал использоваться как место для погребений, преимущественно для захоронений детей. В представлениях местного населения, по всей вероятности, развалины недавно существовавшего здесь культового центра определенное время сохраняли свой сакральный характер.

В заключении особо отметим, что экспедиция впервые в полевой археологии Месопотамии использовала в 2003 г. для фиксации и изучения планиграфии памятника аэростат (АГС-10). С помощью его и цифровой камеры (Canon PowerShot G1) было сделано около 500 фотоснимков всей исследованной площади Телль Хазны 1. Важнейший материал, полученный этими съемками безусловно доказывает большую перспективность этого нового метода в археологических исследованиях.

По нашему мнению, важнейший итог исследования Телль Хазны 1 истекшего сезона заключается в том, что он не просто подтвердил, а существенно укрепил сделанное нами заключение об уникальности изучаемого российской экспедицией в Сирии памятника и о его исключительно важном значении для разработки проблемы формирования древнейшей цивилизации Ближнего Востока и той значительной роли, которую сыграл сирийский регион в этом процессе. Поэтому совершенно ясна необходимость максимально полного и всестороннего изучения этого уникального памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Абесадзе Ц.Н.*, 1960. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н.э. (Куро-аракская культура). Тбилиси.
- Дьяконов И.М.*, 1983 (ред.). Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М. Ч. 1: Месопотамия.
- Ллойд С.*, 1984. Археология Месопотамии. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1994а. Куро-аракская культура // Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1994б. Майкопская культура // Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М.*, 2001. Древняя Месопотамия: итоги археологических исследований Российской академии наук // Восток–Россия–Запад. М.
- Мунчаев Р.М.*, 2003. Северная Месопотамия: некоторые итоги 30-летних исследований российской экспедиции // Scripta Gregoriana: Сборник статей в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. М.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.*, 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.*, 1999. Российские археологические исследования в Месопотамии // Исторические записки. М. Вып. 2 (120).
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.*, 2001а. Северная Месопотамия в свете исследований российской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. Вып. 2 (6).
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.*, 2001б. Телль Хазна 1: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // РА. № 4.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 2002. Новейшие открытия российских археологов в Месопотамии и проблема возникновения древнейших цивилизаций // Вестник РГНФ. № 3.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 2004. Новейшие российские исследования Сирии // ВДИ. № 1.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна 1 – культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Delougaz P., 1940. The Temple Oval at Khafajah // OIP. Chicago. № 53.

Deshayes J., 1960. Les Outils de Bronze de L'Indus au Danube (IV au II millenaire). Paris. II.

Forest J.D., 1999. Les premiers temples de Mesopotamie (4-e et 3-e milleinares) // BAR. London. 765.

Lenzen H.J., 1941. Die Entwicklung der Zikurrat – von ihren bis zur Zeit der III. Dinastie. Leipzig.

Lenzen H.J., 1951. Zur Datierung der Anu-Zikurrat in Warka // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Berlin. Bd. 83.

Müller Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. München. Bd. III/3.

Muncaev R.M., Merpert N. Ja., 1994. Da Hassuna A Accad: Scavi Della Missione Russa Nella Regione Di Hassake, Siria Di Nord Est, 1988–1992 // Mesopotamia. Firenze. XXIX.

Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 2002. Twenty five Field Seasons of the Russian Mission in North Mesopotamia // Of Pots and Plants: Nabu Publication. London.

Sieversten U., 1998. Untesuchungen zur Pfeiler-Niischen Architektur in Mesopotamien und Syrien vor ihren Anfängen im 6. Zeit. I–II // BAR. Intern. Series. 743.

Tunca O., 1984. L'architecture religieuse protodinastique en Mesopotamie. Leuven. Vol. I–II.

В.В. Зотов

ШЕЛКОЗАВОДСКОЕ ГОРОДИЩЕ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Исторически сложилось так, что одной из самых трудных задач, стоящих перед хазарской археологией, является проблема культурной атрибуции тех или иных памятников, это касается как погребений, так и поселений. Характерным примером здесь является Шелкозаводское городище в Гудермесском районе Чечни. Несмотря на то, что на памятнике ни разу не проводились документированные раскопки, за исключением отдельных разведок и шурфовок, городище стало объектом острой исторической дискуссии. Изучение памятника началось еще в XIX в. (*Виноградов, Нарожный, Савенко*, 2002. С. 89), но в настоящей научной разработке он оказался в шестидесятых годах прошлого столетия, когда его посетил Л.Н. Гумилев. Он собрал значительное количество подъемного материала и нарисовал план памятника (рис. 1). Вскоре исследователь вполне уверенно заявил, что городище может быть смело отождествлено с легендарным хазарским городом Семендером, согласно хроникам, являвшимся крупным политическим центром Хазарского каганата (*Гумилев*, 1966. С. 166–169). Подобная версия не могла не вызвать массы вопросов, и несколькими годами позже В.Б. Виноградов на основании ряда данных (отсутствие мощного культурного слоя, внушительная фортификация) убедительно доказал преждевременность подобных выводов (*Виноградов*, 1970. С. 61–68). Согласно его версии, городище может

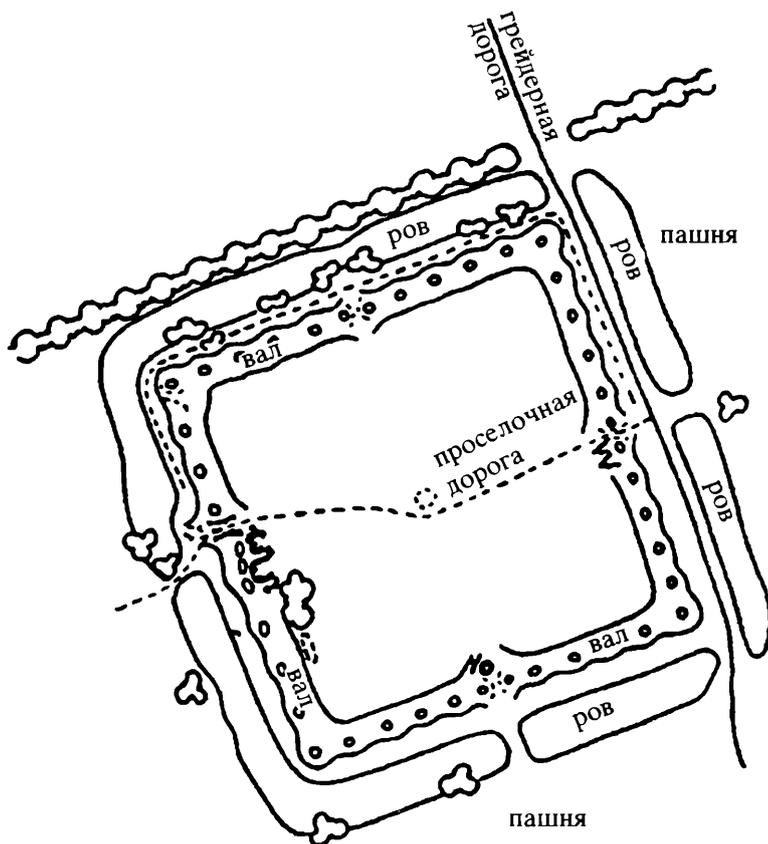

Рис. 1. Шелкозаводское городище (Л.Н. Гумилев)

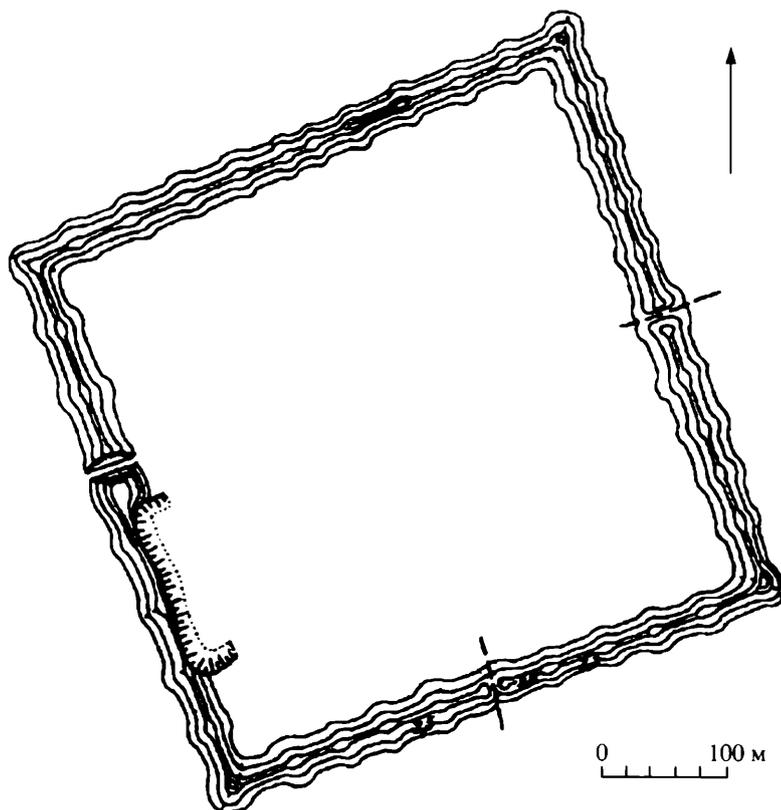

Рис. 2. Шелкозаводское городище (план М.Г. Магомедова)

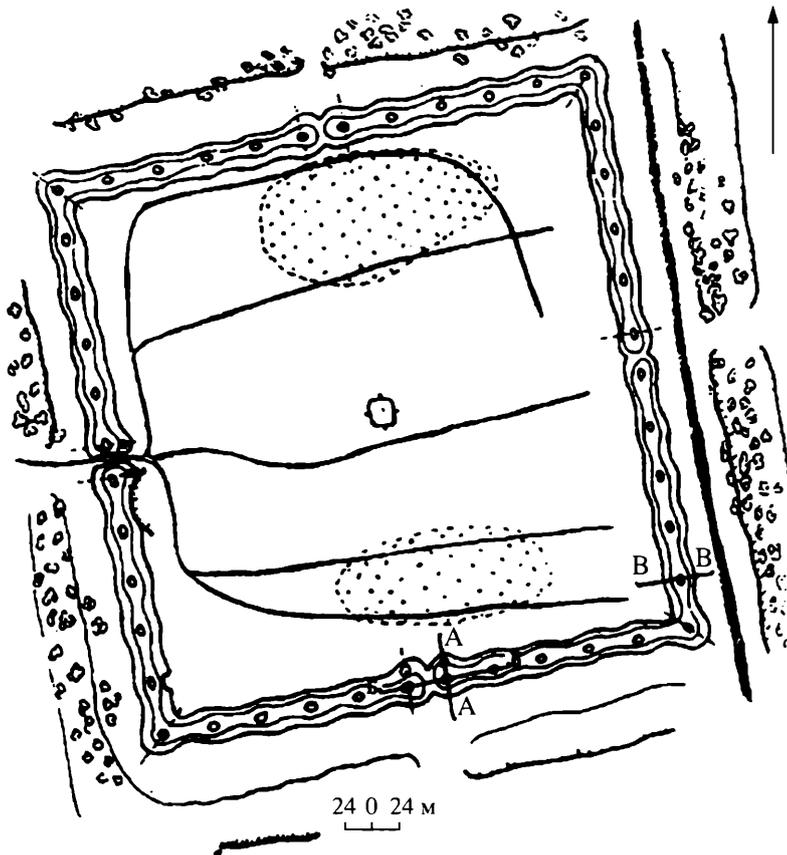

Рис. 3. Шелкозаводское городище (план Б.В. Виноградова, Е.И. Нарожного, С.Н. Савенко)

являться лишь пограничной крепостью на юге или юго-востоке Хазарского государства. Памятник также осматривал М.Г. Магомедов, составивший другой, отличный от Л.Н. Гумилева, план (рис. 2), и предложивший свою версию культурной принадлежности поселения, о которой будет сказано ниже. В своих дальнейших работах исследователь использовал другое название (Шелковское городище), которого также придерживались А.В. Гадло (Гадло, 1974; 1979) и С.А. Плетнева (Плетнева, 2000).

Приведем краткое описание памятника. Форма его подпрямоугольная, вернее, она представляет собой практически правильный квадрат 450×450 м (рис. 2) (существует, правда, еще два варианта: Л.Н. Гумилева – 200×200 м (Гумилев, 1966) и В.Б. Виноградова – 460×460 м (рис. 3); вариант М.Г. Магомедова приводится как наиболее распространенный). Ширина стен в верхней части колеблется от 2 до 2,5 м, максимальная сохранившаяся высота – 7 м. По всему периметру верхней части стены наблюдается 44 небольших всхолмления, четыре из которых располагаются по углам. В центре каждой стены находится сквозной проход. Внутреннее пространство городища практически ровное, на момент осмотра памятника В.Б. Виноградовым оно активно распахивалось (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2002. С. 93). М.Г. Магомедов, наблюдавший разрез вала, установил, что стены были возведены из чередующихся слоев глинобита и сырца, и заявил, что кир-

пичи по своим размерам соответствуют кирпичам с других памятников Прикаспия (Магомедов, 1983. С. 40–41).

Здесь необходимо упомянуть, что Шелкозаводское городище входит в массив памятников хазарского времени Терско-Сулакского междуречья, о культурной атрибуции которых исследователи дискутируют уже много лет. Из этих памятников наиболее тщательно исследованным является Верхнечирюртовское городище с одноименным могильником. С.А. Плетнева считает их дагестанским вариантом салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 2000), Л.Н. Гумилев причисляет к хазарам (Гумилев, 1966), М.Г. Магомедов заявляет, что территория приморского Дагестана является первоначальным центром, где на сармато-аланской основе формировалась культура Хазарского каганата (Магомедов, 1983). Особняком стоит версия А.В. Гадло о том, что местная культура хазарского периода формируется не в этом районе и приходит сюда уже в готовом виде (Гадло, 1974. С. 152). Надо отметить, что многие памятники Терско-Сулакского междуречья многослойны (Чирюрт, Хазар-кала, Андрейаульское), их нижние слои относятся к началу эры, а горизонты хазарского времени датируются VII–VIII – началом IX в. н.э. Многие из них имеют значительную площадь (до 150 га) и каменную фортификацию, их планировка полностью подчинена рельефу местности.

При изучении литературы, посвященной Шелкозаводскому городищу, сразу же бросается в глаза одна странная особенность. Оно упоминается в трудах множества исследователей, но по каким-то причинам никто из них не отмечал тот факт, что этот памятник является для данного региона абсолютно уникальным явлением. Исключение составляет только А.В. Гадло, выделявший Шелкозаводское (Шелковское) из общей массы однотипных, по его мнению, укрепленных поселений Терско-Сулакского района (Гадло, 1979. С. 202). По поводу культурной интерпретации памятника было высказано несколько разных точек зрения. Как уже упоминалось, Л.Н. Гумилев отождествлял его с Семендером. М.Г. Магомедов отрицал это утверждение, не выражая особых сомнений в том, что памятник являлся крупным центром средневековой эпохи (Магомедов, 1983. С. 42). В.Б. Виноградов сводит его роль к выполнению функции пограничной крепости. В 2002 г. вышла публикация, подытоживающая накопленную информацию о памятнике (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2002). Согласно их мнению, Шелкозаводское выполняло функцию контроля над стратегически важным путем на отрезке Терско-Сунженского междуречья (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2002. С. 96). Авторы статьи не стали делать далеко идущих выводов по поводу культурной принадлежности памятника, их позиция разумна и полностью оправдана – причислять ни разу не раскапывавшийся объект к той или иной традиции представляется крайне опрометчивым.

Однако следует обратить внимание на два характерных признака, отделяющих рассматриваемый памятник от других укрепленных поселений региона и придающих ему настоящую уникальность. Первый из них – идеально правильная геометрическая планировка, столь нехарактерная для этого региона. Даже если принять во внимание тот факт, что городище стоит на равнине, а не в горах и не в предгорной местности, это представляется для

данного района явлением совершенно незаурядным. Подобная планировка поселений абсолютно нехарактерна не только для Терско-Сулакского междуречья, но и для всего Северного Кавказа в целом, где фортификация в подавляющем большинстве случаев полностью подчиняется рельефу местности. Следует отметить, что это правило действует не только для горных ландшафтов, но и для равнин. Таковы городища степной зоны Дагестана (*Магомедов*, 1983. С. 38–45), земляные укрепления алан в верховьях Кубани (*Ковалевская*, 1983. С. 146). Второй признак – отсутствие или слабая выраженность культурного слоя внутри городища. По мнению М.Г. Магомедова, это является основным отличием Шелкозаводского от других местных памятников (*Магомедов*, 1983. С. 42). Ведь большинство изученных укрепленных поселений прикаспийского Дагестана являются, как уже говорилось, многослойными памятниками, жизнь здесь началась еще в первых веках нашей эры и не прекращалась до IX в.

В результате рассматриваемый памятник действительно оказывается уникальным. Если техника строительства стен из перемежающихся слоев глинобита и сырцового кирпича не является чем-то новым для сооружения местных укреплений (так возведены стены Тенг-калы, Сигитминского и Некрасовского городищ, III строительного этапа Чир-юрта) (*Магомедов*, 1983. С. 140), то по правильности планировки и по мощности культурного слоя ничего похожего в Терско-Сулакском междуречье нет. Ближайшими аналогиями, как то ни парадоксально, являются крепости салтово-маяцкой культуры на Дону, возведенные из камня и сырцового кирпича. Этим памятникам как раз свойственна подпрямоугольная форма. Правильной геометрической планировкой, вне зависимости от рельефа местности, отличаются такие эталонные памятники, как Саркел, Семикаракоры, городища Маяцкое, Красное, Алексеевское, Верхнеольшанское, Колтуновское и другие укрепленные поселения (*Афанасьев*, 2001). Так же на большинстве из них культурный слой либо отсутствует, либо обладает крайне незначительной мощностью, что является еще одной чертой, сближающей донские крепости с Шелкозаводским городищем. Исключение составляет разве что Саркел, являвшийся населенным пунктом – частью Великого Шелкового пути. Также из общих черт следует отметить наличие башен вдоль стен и по углам (башни были обнаружены на Семикаракорах (*Флёров*, 2001), в Саркеле, (*Плетнева*, 2000), на Правобережном Цимлянском городище (*Флёров*, 1995)) и использование при строительстве сырцового кирпича (опять же Саркел и Семикаракоры). Основные различия состоят, на мой взгляд, в том, что ни один из вышеперечисленных памятников не представляет собой настолько правильный квадрат, и не обладает столь внушительными размерами. М.Г. Магомедов также предполагает, что башни по углам и вдоль стен Шелкозаводского имеют округлую форму (*Магомедов*, 1983. С. 141), тогда как башни, обнаруженные на донских памятниках, прямоугольные. К сожалению, в данном случае не совсем ясно, чем он руководствовался, когда выдвигал эту версию, ведь памятник археологически не изучен.

Исследователь также говорит об истоках облика фортификационных элементов многих кавказских укрепленных поселений, в том числе и Шел-

козаводского городища. Согласно его мнению, прямоугольная форма рассматриваемого памятника восходит к античной строительной традиции. Ученый напоминает, что византийские специалисты, соблюдая интересы империи, оказывали хазарам содействие в строительстве крепостей. Магомедов утверждает, что квадратная форма Шелкозаводского вызывает ассоциации с римским военным лагерем (Магомедов, 1983. С. 143). Это действительно так, и может быть подтверждено на материале множества античных памятников Подунавья и Ближнего Востока (Tomović, 1996; Corač, 1996; Diehl, 1896). Ярким образцом римского военного строительства являются укрепления нижнедунайского лимеса. Согласно утверждению И.Т. Кругликовой, эти крепости строились по плану древних военных лагерей, самая характерная форма – правильный прямоугольник с башнями по углам (рис. 4, 5). Часто использовалась кладка стен из двух панцирей с забутовкой. Большинство из них своими размерами все же уступает некоторым городищам средневековья, но, тем не менее, некоторые из римских крепостей в этом отношении даже превосходят определенные хазарские (Алзо Казали – 165 × 116 м, Брецу – 180 × 160 м (Кругликова, 1955. С. 132–134)). Так же, как и средневековые салтовские городища, римские крепости располагались на высоких берегах и имели правильную геометрическую планировку. Недаром многие специалисты, занимавшиеся поисками архитектурных традиций каменных крепостей на Дону, высказывают предположения, что в их основе лежат именно элементы античной фортификации, что представляется вполне разумным, ибо, помимо прочего, достаточно внезапное появление этих крепостей на территории степи и лесостепи свидетельствует о ярко выраженных культурных вливаниях извне, в данном случае, из Византийской империи (Афанасьев, 1994; Плетнева, 1967; 1996), которая исторически наследовала Риму и Греции. Для того, что бы подтвердить эту точку зрения, нам необходимо обратиться к материалу известных памятников классической античности.

На знаменитых боспорских городах Пантикапей и Тиритака оборонительные стены из сырцового кирпича возводили еще в VI в. до н.э., это были укрепления самого раннего периода существования этих поселений. С первой половины V в. до н.э. начинают появляться классические стены из двух каменных панцирей с забутовкой на глине, хорошо известные нам по эпохе средневековья. Характерным примером здесь являются укрепления Мирмекия V–IV вв. до н.э. Стена, состоявшая из двух грубо обтесанных известковых панцирей и забутовки из рваного камня, устанавливалась на глиняной подушке и была защищена прямоугольными башнями (Блаватский, 1954). Здесь также следует отметить, что на некоторых памятниках башни изначально имели полукруглую форму, и лишь позднее заменялись прямоугольными (Херсонес) (Блаватский, 1954. С. 98). И надо обязательно учесть, что при строительстве практически всех боспорских городов с той или иной целью использовался сырцовый кирпич.

Впрочем, даже если принять за аксиому “античную” версию о происхождении архитектурных традиций салтовских крепостей, мы все равно не получим ответа на вопрос, почему Шелкозаводское городище обнаруживает

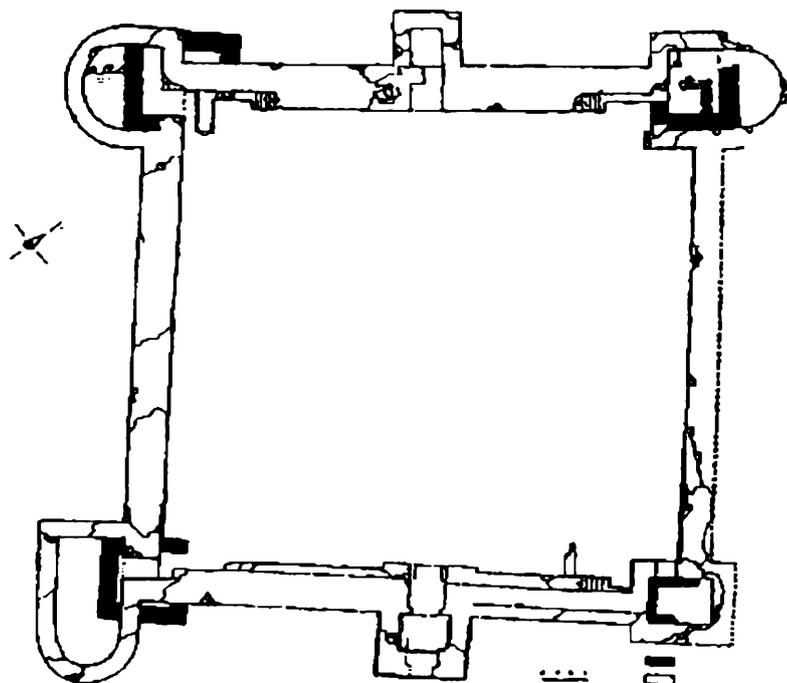

Рис. 4. Римская и ранневизантийская крепость Равна (Югославия)

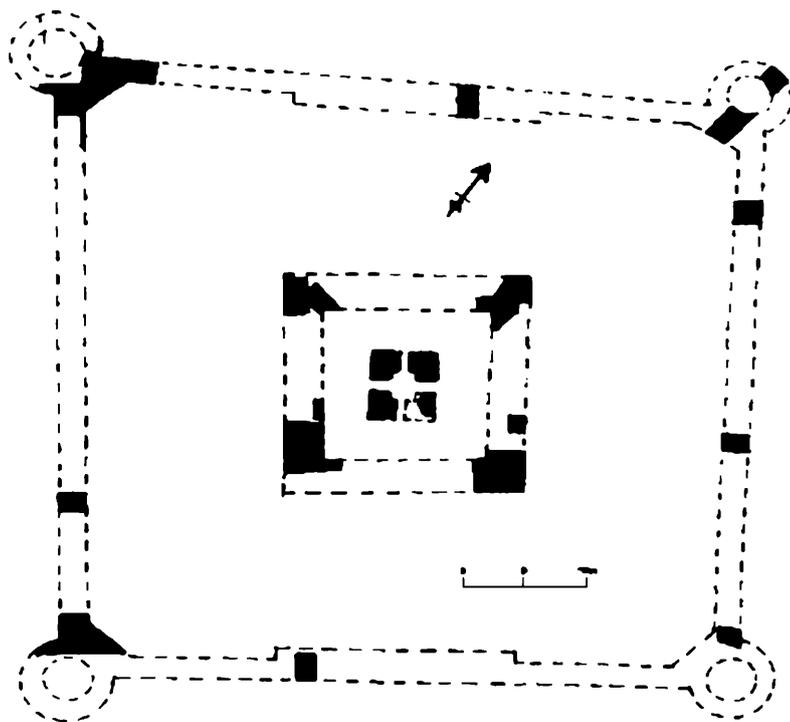

Рис. 5. Позднеримский форт Любичевац (Югославия)

большую степень типологической близости с этими памятниками, чем с соседними крепостями круга Чир-юрта.

На данном этапе возникает необходимость проведения специального анализа, основная цель которого – подытожить выявление общих черт Шелкозаводского городища и некоторых памятников хазарского времени в бассейне Дона, эталонных для салтово-маяцкой культуры. Ниже приводится таблица, включающая в себя ряд признаков, характеризующих основные элементы этих крепостей (табл. 1).

Здесь необходимо уточнить вопрос о хронологии. Большинство исследователей датируют хазарское время в Дагестане VII – началом IX в., что всегда вызывало вопросы о правомерности включения местной культуры в состав культуры салтово-маяцкой, расцвет которой приходится именно на IX в. Вопрос о точном времени существования Шелкозаводского не решен, да он и не мог быть решен, все данные, которыми располагают исследователи – лишь разрозненные образцы подъемного материала при отсутствии культурного слоя. Тем не менее, В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный и С.Н. Савенко предприняли попытку реконструкции исторической ситуации и вывели схему временной преемственности трех соседних крепостей, контролировавших водный рубеж Терека. Первое поселение, Гумси-Корт, закончило свое существование сразу же после возведения на левом берегу Терека Шелкозаводского, которое, в свою очередь, с того момента, когда кавказские аланы становятся данниками хазар, “уступает место” неукрепленному Гудермесскому поселению (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2002. С. 97). Происходит это в VIII в., тем же временем может быть датирована керамика (по аналогиям с аланских городищ), хотя авторы отмечают, что датировка керамики затруднена (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2002. С. 95). При этом можно вспомнить, что в сочинении Л.Н. Гумилева указано, что во время его посещения памятника, было обнаружено 337 фрагментов керамики, которые обрабатывал А.В. Гадло. В результате исследования материал был отнесен к VIII–X вв., причем эта оценка принадлежит не Гумилеву, а именно Гадло (Гумилев, 1969).

До конца не ясно, можем ли мы говорить о синхронности Шелкозаводского городища и классических салтовских памятников. Теоретически, в купе с чертами, придающими ему сходство с крепостями хазарского времени на Дону, оно могло быть частью оборонительной системы каганата, играть роль своеобразного форпоста на южных границах. Если донские крепости могли быть возведены для отражения потенциальной агрессии с севера, то логично было бы предположить, что нечто подобное могло в то же время быть построено и на рубежах хазарского юга. Единичность подобного памятника, с одной стороны, объясняется постепенным ослаблением угрозы арабского завоевания. С другой стороны, та тщательность, с которой возводились стены городища, может свидетельствовать о его огромной политической важности как единственного укрепления, призванного контролировать значительную территорию. Но все это остается лишь на уровне версий. А.В. Гадло не упоминает о керамическом материале IX и X вв. ни в одной из своих последующих работ, следовательно, говорить о синхронности салтов-

Таблица 1

Памятник	Местонахождение	Форма крепости	Размеры	Материал и техника строительства стен	Башни
Саркел	Нижнее течение Дона, Ростовская область	Прямоугольная	186 × 126 м	Без фундамента, обожженный кирпич, кладка в несколько рядов на известковом растворе	Прямоугольные башни по углам и вдоль стен
Семикаракоры	Нижнее течение Дона, Ростовская область	Неправильный четырехугольник, близкий к квадрату	200 × 215 м	Без фундамента, сырцовый кирпич, кладка в несколько рядов на глине	Одна прямоугольная башня на северной стене
Правобережное Цимлянское городище	Нижнее течение Дона, Ростовская область	Подтреугольная	110 × 130 × 135 м, угловая стена – 25 м	Без фундамента, известняковые блоки на основании из песчаниковых плит	Прямоугольные башни по углам и вдоль стен
Маяцкое городище	Верхнее течение Дона, Воронежская область	Прямоугольная подтрапециевидная	95 × 80 м	Без фундамента, двухпанцирная кладка из известняковых блоков и забутовка из щебня с меловым раствором	Возможно наличие башни у южного угла
Красное городище	Верхнее течение Дона, бассейн Тихой Сосны, Воронежская область	Прямоугольная подтрапециевидная	S = 0,5 га	Сырцовый и обожженный кирпич, кладка в несколько рядов	Отсутствуют
Верхнесалтовское городище	Верхнее течение Дона, бассейн Северского Донца, Харьковская область	Прямоугольная	140 × 100 м	Без фундамента, двухпанцирная кладка с забутовкой	Прямоугольная башня у юго-западного угла

Таблица 1 (окончание)

Памятник	Местонахождение	Форма крепости	Размеры	Материал и техника строительства стен	Башни
Белгородское городище	Берег Северского Донца, Белгородская область	Прямоугольная подквадратная	290 × 262 м	Без фундамента, сырцовый кирпич, жженный кирпич, облицовывающий деревянную конструкцию	Прямоугольные башни по углам и вдоль стен
Шелкозаводское городище	Бассейн Терека, Гудермесский район Чечни	квадратная	450 × 450 м	Кладка из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей	Башни (округлые?) по углам и вдоль стен

ских крепостей и Шелкозаводского городища, скорее всего, преждевременно. Памятник ни разу не подвергался документированным раскопкам, и, к большому сожалению, мы вынуждены констатировать, что это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Так что принадлежность памятника системе обороны Хазарского каганата – пока лишь гипотеза.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г.Е.*, 1994. Донские аланы. М.
- Афанасьев Г.Е.*, 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. № 2.
- Блаватский В.Д.*, 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Виноградов В.Б.*, 1968. Открыт ли Семендер? // История СССР. № 4.
- Виноградов В.Б.*, 1970. Через хребты веков. Грозный.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.*, 2002. О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир. Вып. 1.
- Гадло А.В.*, 1974. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала.
- Гадло А.В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа. IV–X в. Л.
- Гумилев Л.Н.*, 1966. Открытие Хазарии. М.
- Гумилев Л.Н.*, 1969. Где же тогда Семендер? // История СССР. № 3.
- Ковалевская В.Б.*, 1983. Кавказ и аланы. М.
- Кругликова И.Т.*, 1955. Дакия в эпоху римской оккупации // Причерноморье в античную эпоху. М. Вып. 8.
- Магомедов М.Г.*, 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Плетнева С.А.*, 1967. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнева С.А.*, 1996. Саркел и “шелковый путь”. Воронеж.
- Плетнева С.А.*, 2000. Очерки хазарской археологии. М.

Флёров В.С., 1995. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV.

Флёров В.С., 2001. “Семикаракоры” – крепость Хазарского каганата на нижнем Дону // РА. № 2.

Corač M., 1996. Late Roman and Early Byzantine Fort of Ljubicevac // Roman Limes on the Middle and Lower Danube. Belgrad.

Diehl Ch., 1896. L’Afrique Byzantine. Paris.

Tomovic M., 1996. Ravna – The Roman and Early Byzantine Fortification // Roman Limes on the Middle an Lower Danube. Belgrad.

Ю.В. Степанова

КЕРАМИКА ИЗБРИЖСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА X–XIII вв.

Полномасштабные раскопки в 1975–1997 гг. Избрижской курганной группы X–XIII вв. (Калининский р-н Тверской области) позволили собрать обширную керамическую коллекцию древнерусской посуды. В значительном количестве курганов Избрижья в погребениях, а также во рвах и насыпях курганов найдены глиняные целые или фрагментированные сосуды. Керамике из раскопок Избрижского комплекса посвящено значительное число публикаций (Арсланова, 1983; 1993; Арсланова, Ковалец, 1991; 1993; Жукова, 1997; 2000). Основным материалом для исследований являлись целые формы, найденные в большинстве своем непосредственно в погребениях. Изучались прежде всего морфология и технология изготовления гончарных сосудов. Керамике как элементу погребально-поминального обряда, особенно находящейся за пределами погребений, уделялось гораздо меньшее внимание. Отчасти это связано с методикой полевых работ, практиковавшейся до 80-х годов XX в., когда рвы курганов не подвергались полному исследованию. Тем не менее, полученные из раскопок Избрижья XIX–XX вв. материалы о распределении керамики в курганах представляются интересными для более детального рассмотрения.

Глиняные сосуды найдены в 68 погребениях Избрижья. Целые горшки (56 экземпляров) обнаружены в 54 погребениях, разбитые сосуды – в 15 захоронениях, из них полные формы восстановлены у 13 сосудов. В большинстве погребений найдено по одному горшку, в трех – по два, в одном – три сосуда. Они оставлены, как правило, в ногах погребенных, у ступней. В трех случаях посуда найдена в области голеней. Погребения, содержащие керамическую посуду, занимают большую часть территории Избрижской курганной группы. Исключением является северная окраина могильника (рис. 1)*. В южной части курганной группы, вдоль берега р. Волги, располо-

* План составлен по материалам исследований 1961 г. и 70–90-х годов XX в.; сведения о расположении курганов, раскопанных во второй половине XIX в., отсутствуют.

Рис. 1. Керамика погребения Избрижя

1-6 – керамические сосуды в погребениях: 1 – с линейным многорядным орнаментом; 2 – линейно-волнистым многорядным орнаментом; 3 – с зубчатым многорядным орнаментом; 4 – орнаментированные рядами линий, волн и отпечатков штампа; 5 – орнаментированные рядами линий и насечками; 6 – без орнамента; 7 – погребения без керамики; 8 – керамика в насыпях и рвах

жены наиболее ранние погребения Избрижья, датируемые первой половиной XI в. Большинство погребений Избрижья, занимающих южную и юго-восточную часть (ближе к берегу р. Избрижки), датируется не ранее середины XI в. (Степанова, 2003. С. 81). Глиняные горшки, поставленные у ног погребенных, являются обязательной принадлежностью этих погребений.

Ф.Х. Арсланова и Ю.А. Ковалец, Е.Н. Жукова, исследуя избрижскую посуду, использовали методы формализованного описания керамики (Арсланова, Ковалец, 1991; Жукова, 1997). Для классификации форм избрижской посуды исследователями рассматривались общие пропорции сосуда, характер профилировки (высота и ширина горловины, высота и выпуклость плечика, общая профилировка линии тулова), ширина днища. Всего в избрижской коллекции насчитывается 71 целая форма (сосуды, найденные непосредственно в погребениях, во рвах и насыпях курганов). Среди них выявлены 1 лепной сосуд (рис. 2, 2), 2 целых и фрагменты раннекруговых сосудов (рис. 2, 1, 3). Круговая посуда представлена 14 типами сосудов (по Ф.Х. Арслановой и Ю.А. Ковалец). Большинство выделенных типов сходны между собой по форме венчика и горловины. Как правило, избрижские горшки имеют округлое тулово, невысокую шейку и венчик, отогнутый наружу. 50 сосудов имеют S-видный профиль. У 32 край венчика косо срезан наружу, 18 имеют короткую шейку и скругленный край венчика (рис. 2, 5, 6). По типологии и хронологии новоторжской керамики эти сосуды соответствуют типу V и датируются до 60-х годов XII в. (Малыгин, 1991. С. 200, 208, рис. 4). 9 сосудов имеют выраженный S-видный профиль и закраины с внешней и внутренней стороны венчика (рис. 2, 7). Их можно отнести к типу VI, вариантам А и Б, новоторжской керамики, также датирующемуся до 1160-х годов (Малыгин, 1991. С. 200, 209, рис. 5). Среди избрижской керамики 6 сосудов имеют небольшую закраину с внутренней стороны венчика, его край слегка оттянут наружу (рис. 2, 8). Эта посуда соответствует типу VII новоторжской керамики, бытующему с конца XI в. до второй трети XII в. (Малыгин, 1991. С. 200–201, 209, рис. 5). 5 горшков имеют вытянутую шейку, горизонтально срезанный или оттянутый венчик и округлое тулово (рис. 2, 9). Их можно отнести к типу I (Малыгин, 1991. С. 199, 206, рис. 2), датирующемуся в Торжке до начала XII в. Сосуды этой формы из курганов 108 и 134 имеют вертикальную шейку и украшены сложным орнаментом (рис. 2, 10, 11). Подобный тип посуды выявлен в Новгороде и находит аналогии в поморской керамике типа Фрезендорф-Тетеров. В Новгороде керамика этого типа является одной из древнейших форм круговой посуды, и границы ее бытования определяются с 930-х годов до середины XII в. (Малыгин, Гайдуков, Степанов, 2001. С. 88, 90; рис. 2, 3; тип I).

В целом можно сказать, что среди избрижской посуды выделяются горшковидные и кринковидные сосуды. На многих горшках сохранился нагар, что свидетельствует об их использовании в качестве кухонной посуды. Кринковидные сосуды могли использоваться для хранения продуктов. Есть также отдельный экземпляр посуды, отличающийся от остальных. Это сосуд мисковидной формы на поддоне (погребение 19 (2)), имеющий загнутый

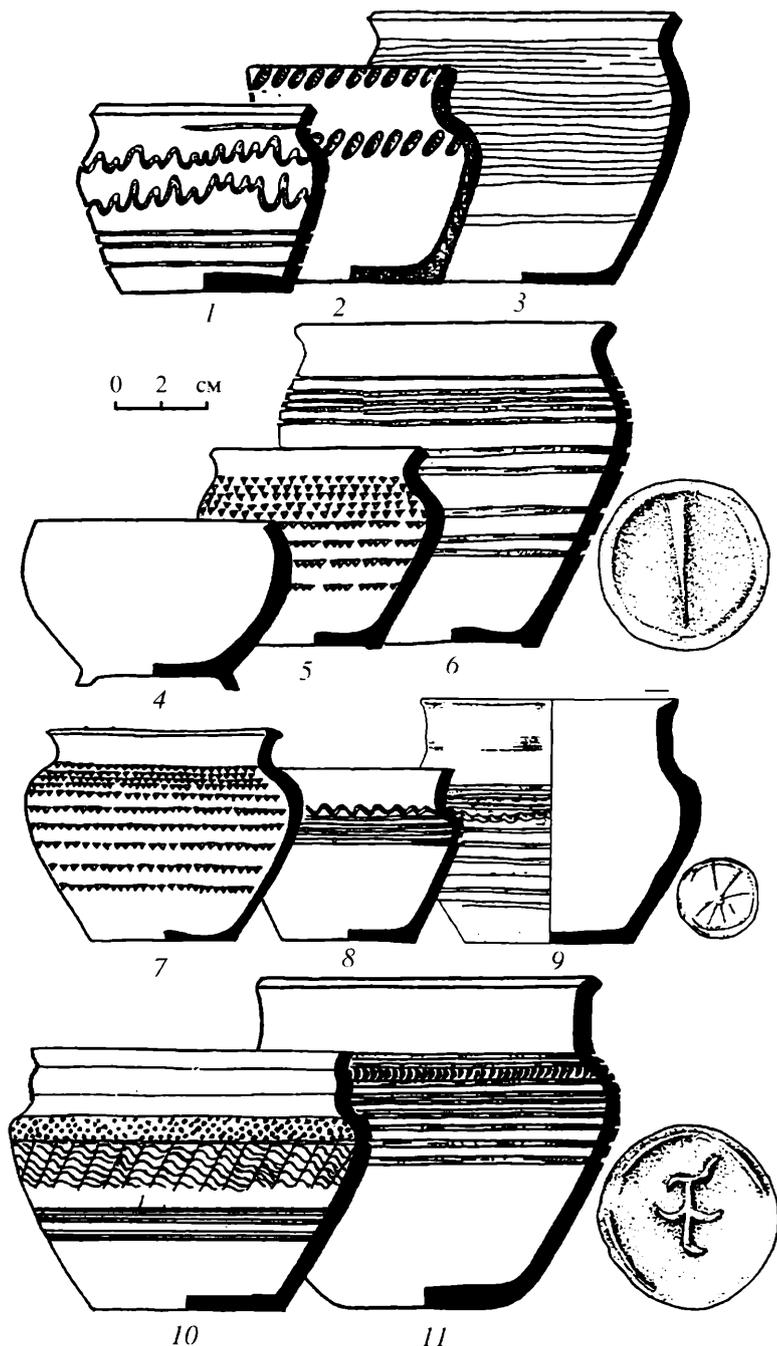

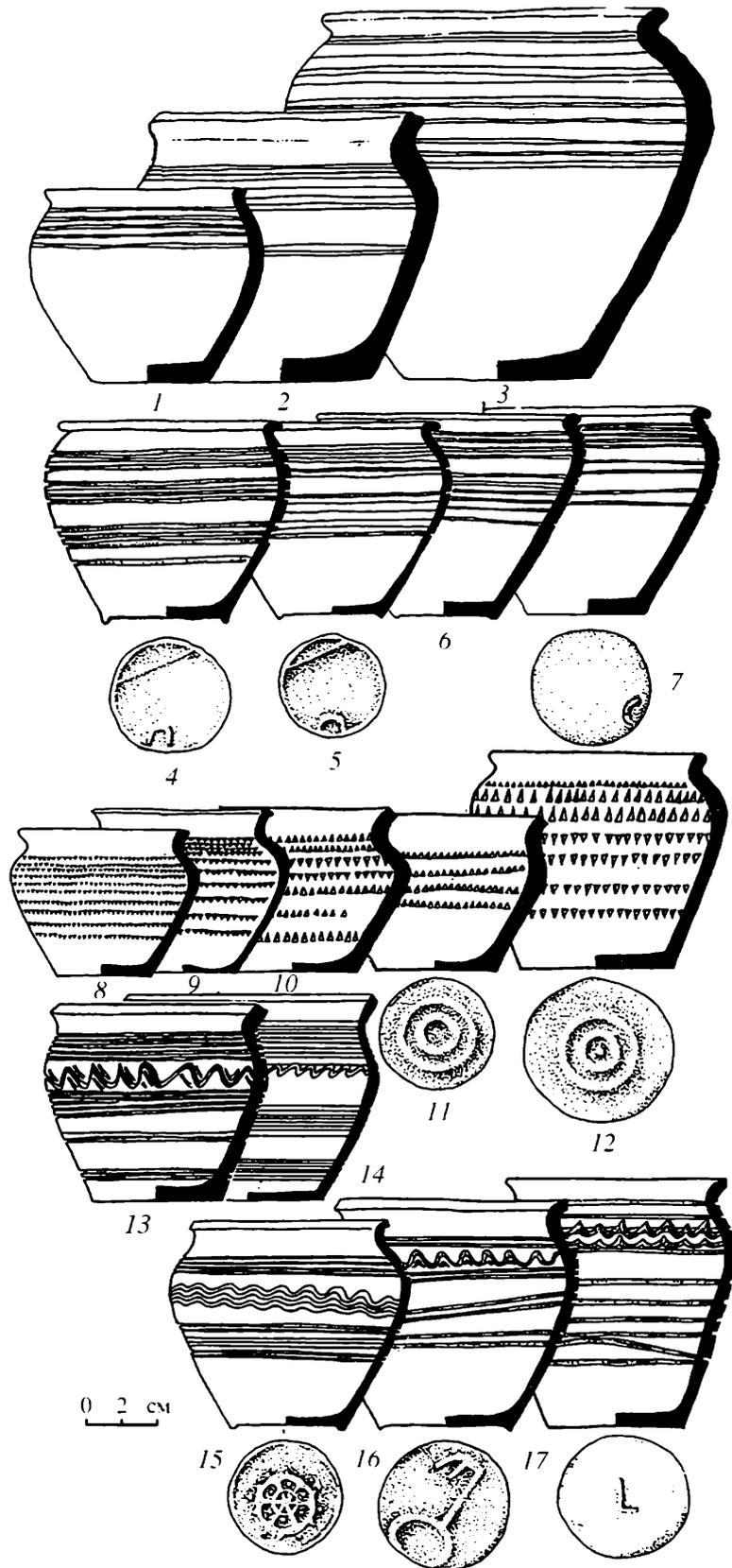
Рис. 2. Керамическая посуда из погребений Избрижя

1 – 132, 2 – 109, 3 – 134. 4 – 19(2), 5 – 19(1), 6 – 117. 7 – 48(2). 8 – 61(1), 9 – 47, 10 – 108. 11 – 134; 11 – лепная. 2, 3 – раннекруговая. 4–11 – круговая

внутри округлый венчик (рис. 2, 4). Он изготовлен на гончарном круге. Близкой аналогией ему является миска из погребения 76 курганной группы Шейки (Московская область), датируемого Т.В. Равдиной концом XI в. (Равдина, 1991. С. 7, 65, табл. 2), что вполне согласуется с датировкой погребения 19 (2) Избрижя – конец XI в.

Рассмотренные формы керамики распределяются среди датированных погребений Избрижья следующим образом. Для ранних погребений Избрижья (3, 88, 94, 115, 132, 134) – первой половины XI в. – характерны сосуды с короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком, срезанным наружу или округленным (тип V новоторжской керамики). Встречена также лепная и раннекруговая керамика и сосуд фрезендорфского типа. Для погребений второй половины XI в. (43 (2), 67 (1), 67а (1, 2), 82 (1, 2, 3), 109, 116 (1, 2)) характерны сосуды, имеющие небольшие закраины с внутренней стороны венчика (тип VI, варианты А и Б новоторжской керамики), а также V типа. В погребении 109 найден лепной сосуд. По форме и орнаментации он сходен с керамикой VIII–X вв. культуры смоленских длинных курганов (Енуков, 1990. С. 83–90). Среди керамики из погребений Избрижья, имеющих нижний хронологический рубеж – конец XI – начало XII в. (37, 42, 54, 58 (2, 3), 71, 74, 75 (1, 2, 3), 90 (1, 2), 105 (3), 135 (2)) – сосуды с небольшой закраиной на внутренней стороне венчика (VI тип (варианты А и Б) новоторжской керамики, тип VII), сосуды с высокой шейкой и оттянутым краем венчика (тип I новоторжской керамики) и сосуды V типа. В узкодатируемых погребениях Избрижья – первой трети XII в. (107 (1, 2), 84, 19 (2)) встречены сосуды с короткой шейкой и скругленными венчиками, мисковидный сосуд на поддоне. Кроме того, ряд погребений Избрижья имеет верхнюю дату – первая треть XII в. (19 (1), 61 (1, 2), 106 (1), 124 (2)). В них найдены сосуды, которые аналогичны формам V типа новоторжской керамики.

Вопрос об орнаментации сосудов нашел отражение в отдельной публикации Ф.Х. Арслановой и Ю.А. Ковалец (Арсланова, Ковалец, 1993). Лепной сосуд из кургана 109 орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа по краю венчика и плечу (рис. 2, 2), раннекруговые из курганов 132 и 134 – соответственно многорядной линией и многорядной волной (рис. 2, 1, 3). На 22 круговых сосудах имеется многорядный линейный орнамент (например, рис. 2, 6), на 19 – многорядный линейно-волнистый орнамент (рис. 3, 15), 17 сосудов орнаментированы рядами треугольного штампа (“волчий зуб”) (рис. 2, 5), 1 – рядами четырехугольного штампа, 3 сосуда орнаментированы многорядной линией и штампом, 2 имеют сложный орнамент из линий и рядов штампа (сосуды из курганов 108 и 134) (рис. 2, 10, 11), 5 сосудов неорнаментированы. Суммируя данные по выделенным типам посуды, Ф.Х. Арсланова и Ю.А. Ковалец выделяют хронологические группы орнаментов избрижской посуды. Так, орнамент из рядов отпечатков четырехугольного и треугольного штампа (“волчий зуб”) датируется ими не ранее второй половины XI в. Горшки с линейным и линейно-волнистым орнаментом бытуют весь XI в. и в начале XII в. Линейный орнамент, покрывающий верхнюю треть сосуда, характерен для посуды конца XI – начала XII в. (Арсланова, Ковалец, 1993. С. 61, 62). Прослеживаются закономерности в распределении посуды с различными типами орнамента в курганах Избрижья (рис. 1). Керамика с линейным многорядным орнаментом в основном находится в погребениях, расположенных в южной части курганной группы, на краю берега р. Волги. Посуда с линейно-волнистым орнаментом также встречается в этой части кладбища, но имеется область ее концентрации в

восточной части, ближе к берегу р. Избрижки. Погребения с сосудами, орнаментированными зубчатым и прямоугольным штампом, также компактно расположены в восточной части территории могильника и на его окраине. Сопоставляя эти материалы с данными о хронологии погребений, можно говорить, что посуда с линейным многорядным и линейно-волнистым орнаментом характерна как для погребений первой половины XI в., так и для датирующихся не ранее середины XI в. Керамика с отпечатками штампа появляется в погребениях с середины XI в.

Керамика Избрижья позволяет рассмотреть вопрос об определении гончарной продукции одного мастера и выявлении ее в пределах погребального комплекса. Подобная проблема рассматривалась на материалах Гнёздовского погребального комплекса (Каменецкая, 2001. С. 107–113). Решающее значение в определении продукции одного мастера имеет такой признак, как клеймо на сосуде, во вторую очередь – характер орнаментации и форма сосуда. В Избрижском некрополе найдены две группы горшков, которые однозначно можно определить как изготовленные на одном гончарном круге. На донцах сосудов из погребений 107 (1), 127 и 129 и насыпи кургана 129 отпечатался выпуклый оттиск в виде подковы, размером 1 см – вероятно, дефект подставки гончарного круга (Жукова, 2000. С. 18). Эти сосуды имеют сходную форму: короткая шейка и сильно отогнутый наружу венчик, а также линейный орнамент в верхней трети тулова (рис. 3, 4–7; 4, 3). На донцах двух сосудов – из погребений 64 и 58 (2) – имеются отпечатки одного клейма в виде круга, в который вписан круг меньшего диаметра, с точкой в центре (рис. 3, 11, 12). Сосуды имеют горшковидную форму и орнаментированы “волчьим зубом”. Курганы 64 и 58 расположены в восточной части могильника. Захоронения в них датируются также концом XI–XII в. Можно говорить с высокой степенью уверенности, что описанные сосуды каждой из групп изготовлены на одном гончарном круге.

Распределение керамики различной формы и орнаментации в курганах Избрижья также позволяет сделать некоторые выводы. Обращает на себя внимание преобладание двух типов орнаментов: линейно-волнистого и отпечатков зубчатого штампа на компактном участке курганной группы, возникшем, как уже говорилось, не ранее середины XI в. (рис. 1). Высокой степенью сходства обладают сосуды из курганов 135 (погребения 1 и 2), 36, 37, 53 и 54 (рис. 3, 13–17). Они имеют отогнутый и срезанный наружу венчик, многорядный орнамент из хорошо прочерченных линий и волн. Высота сосуда больше его максимального диаметра. На дне сосуда из кургана 36 имеется клеймо в виде ключа, на сосуде из кургана 37 – розетка. Клеймо горшка из кургана 135 (погребение 1) представляет собой плохо отпечатавшийся ключ. Эти погребения по инвентарю можно датировать второй половиной XI–XII в. Другая группа сосудов – из погребений 58 (2), 48 (2), 60 (2), 64, 84А (1) – отличается приземистостью, короткой шейкой, отогнутым и срезанным наружу венчиком,

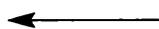

Рис. 3. Группы сосудов сходной формы из погребений

1 – 106 (2), 2, 3 – 106 (1), 4 – 129, 5 – 127, 6 – 107 (2); 7 – 107 (1); 8 – 84 А (1), 9 – 48 (2), 10 – 60 (2), 11 – 58 (2), 12 – 64; 13 – 54, 14 – 53, 15 – 37, 16 – 36, 17 – 135 (1)

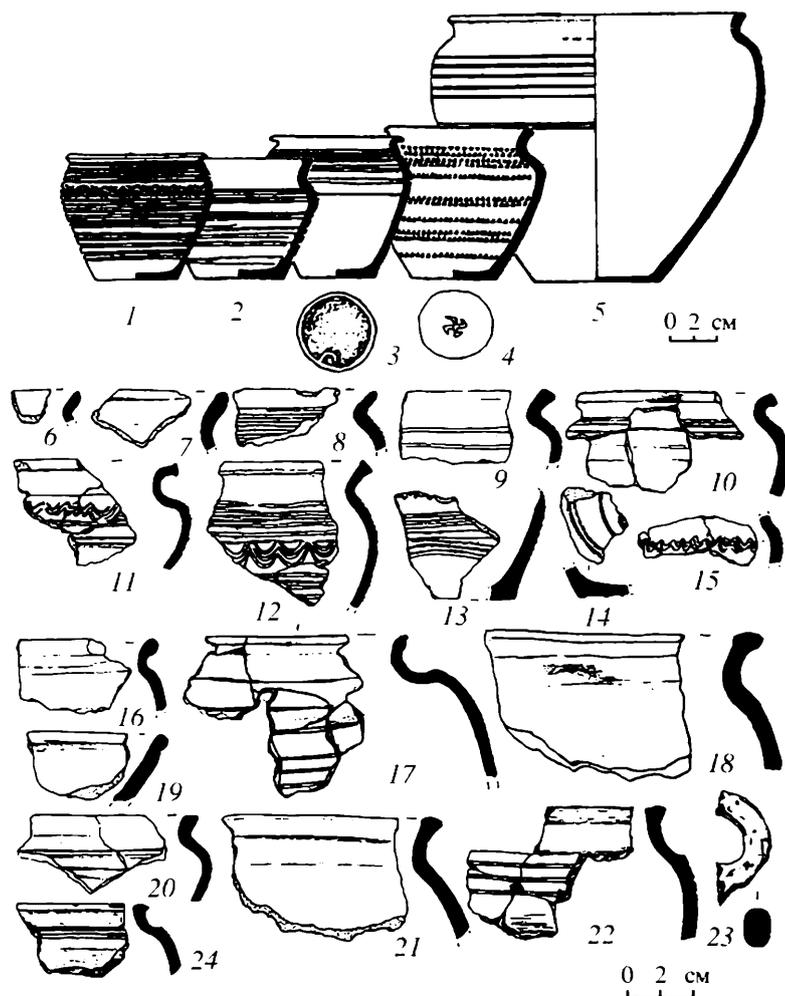

Рис. 4. Керамика из ровов и насыпей курганов Избрижья

древнерусская: 1 – 115 (насыпь), 2 – 61 (ров), 3 – 129 (насыпь), 4 – 64 (насыпь), 5 – 84 А (ров), 6, 13 – 69 (насыпь). 7, 12 – 96 А (насыпь, ров), 8, 10 – 81 (насыпь), 9 – 94 (ров), 11 – 52 (насыпь). 14 – 44 (насыпь), 15 – 64 (ров); *позднесредневековая:* 16 – 67 (ров), 17 – 71 (ров), 18, 21 – 75 (ров), 19 – 84 (ров), 20 – 19А (верх насыпи), 22–24 – 7 (пола кургана)

орнаментом “волчий зуб” (рис. 3, 8–12, 4; 4). У двух сосудов имеется слабо выраженная закраина с внутренней стороны. Высота горшков меньше их максимального диаметра. В этой группе – 2 вида клейм, круги (погребения 64 и 58 (2)) и свастика (насыпь кургана 64). Погребения 58 (2) и 84А (1) могут быть датированы не ранее конца XI–XII в., 64 и 48 (2) – второй половиной XI–XII в. Еще одна группа состоит из семи сосудов (погребения 106 (1 и 2), 107 (1 и 2), 127, 129, насыпь кургана 129). Они имеют сильно отогнутый наружу и скругленный венчик и короткую шейку, линейный орнамент покрывает верхнюю треть тулова (рис. 3, 1–7; 4, 3). Курганы 107, 127 и 129 расположены в прибрежной части могильника. Все они содержат мужские захоронения: 107 – мужчины 35–45 лет, 127 и 129 – подростков. Погребения 127 и 129 по инвентарю можно датировать лишь широко – XI–XII в. Погребение 107 (1) имеет более определенную хронологию – первая треть XII в.

Все эти данные позволяют предположить, что сосуды каждой из этих трех групп могли быть изготовлены рукой одного мастера. Разные клейма на сосудах одного типа в Избрижье подтверждают выводы, полученные на материалах Гнёздова, о том, что клеймо не являлось знаком принадлежности определенной мастерской (*Каменецкая*, 2001. С. 113). Всего в Избрижье найдено 15 сосудов с клеймами. За исключением описанных из погребений 64 и 58 (2), все они оригинальны. 4 из них изображают ключи, 3 – розетки, 2 – свастику, 1 – проросшее зерно, 2 – возможно, плохо отпечатавшиеся ключи, 1 – вероятно, вариант двузубца.

Выделение групп посуды одной гончарной мастерской позволяет уточнить хронологию погребений. Так, для погребений 127 и 129 хронологические рамки можно существенно сузить до конца XI – первой трети XII в.

Таким образом, в Избрижье четко выделяются группы гончарной посуды, изготовленной в одном “стиле”. При этом погребения с сосудами каждой группы концентрируются на определенном участке территории курганной группы. Эти наблюдения позволяют говорить о существовании в составе населения Избрижья групп, пользовавшихся услугами “своей” гончарной мастерской с определенными традициями в изготовлении посуды.

В 40 исследованных погребениях Избрижья посуда, поставленная рядом с погребенным, не встречена. Состояние пяти погребений, раскопанных при изучении поврежденных насыпей, которые сопровождалось многочисленным инвентарем, позволяет говорить, что сосуды в них не сохранились (63 (1), 96А, 120, 123, 136). Остальные захоронения без керамики расположены в основном в северной и северо-восточной частях могильника (5, 7 (1, 2, 3), 16 (2), 19 (3), 20 (1 и 2), 21, 26 (1 и 2), 27, 29, 40 (2), 44, 48 (1 и 3), 52, 56 (1), 65 (1 и 2), 84А (1, 2, 3), 85, 96 (1 и 2), 103, 104, 105 (1 и 2)). Четыре погребения без керамики найдены в восточной части могильника, в отдалении от основной группы (4 (1 и 2), 139, 140) (рис. 1). 23 из перечисленных 40 погребений являются малоинвентарными, 12 – безинвентарными (5, 7 (2 и 3), 21, 26 (2), 27, 40 (2), 65 (1), 84А (2 и 3), 96 (1), 103); 8 погребений совершены в могильных ямах (19 (3), 20 (2), 21, 26 (1), 56 (1), 96 (2), 105 (1 и 2)), 11 являются впускными в насыпях курганов (7 (1), 16 (2), 20 (1), 26 (1), 40 (2), 48 (1), 56 (1), 65 (2), 96 (1), 105 (1 и 2)). В целом, перечисленные погребения могут быть рассмотрены как наиболее поздние погребения Избрижья (не ранее конца XI в.).

Керамика найдена не только в погребениях, но и во рвах и насыпях курганов Избрижья. Целые гончарные сосуды найдены в насыпях курганов 64, 115 и 129, во рве кургана 61. Фрагменты древнерусской круговой керамики найдены во рвах курганов 19, 26, 64, 94, 96, 84, 84А, 105 и насыпях курганов 7, 19А, 20, 44, 52, 69, 75, 81, 96А, 140. Среди фрагментов посуды из рвов и насыпей – 12 фрагментов венчиков, 76 фрагментов стенок, 17 фрагментов донцев и придонных частей сосудов. Развалы гончарных сосудов найдены во рве кургана 84А (1 сосуд) и насыпи кургана 75 (1 сосуд). Сосуды из курганов 115, 61, 84А, 129 имеют короткую шейку и скругленный венчик. Их можно отнести к типу V новоторжской керамики. Целый горшок из насыпи кургана 115 имеет линейно-волнистый многорядный орнамент (рис. 4, 1). Сосуды из рва

кургана 61 и насыпи кургана 129 орнаментированы многорядной линией (рис. 4, 2, 3), из рва кургана 84А – семью рядами линий (рис. 4, 5). Отпечатки зубчатого штампа покрывают тулово горшка из насыпи кургана 64 (рис. 4, 4). Фрагменты из курганов 69, 81, 96А имеют S-видный профиль, края венчиков скруглены (рис. 4, 6–8). По типологии новоторжской керамики они относятся к типу V, бытующему до 60-х годов XII в. Фрагменты венчиков из курганов 52, 81, 94 и 96 (рис. 4, 9–12) относятся к “секировидной” керамике, имеют закраину с внутренней стороны. Они соответствуют типу VI, варианту Б новоторжской керамики, датирующемуся также до 1160-х годов. На шести фрагментах нанесен линейно-волнистый многорядный орнамент. 35 фрагментов орнаментированы многорядной линией. Обращает на себя внимание большое количество фрагментов донцев горшков, оставленных в курганах (7, 44, 69, 75, 81, 84, 84А, 105). На одном из них (курган 44) имеется клеймо в виде круга, в который вписан солярный знак (рис. 4, 14). Таким образом, можно сказать, что описанная посуда имеет характерный домонгольский облик и, вероятно, оказалась в насыпях и рвах курганов непосредственно в момент их создания. К сожалению, как уже говорилось, оставшиеся неизученными (до 80-х годов XX в.) рвы курганов снижают достоверность выводов об обряде оставления посуды в курганах. Тем не менее, показательно, что битая посуда обнаружена во рвах и насыпях курганов, в основном находящихся в наиболее поздней части могильника (рис. 1). 8 из них (курганы 19А, 20, 26, 44, 52, 84А, 96, 140) содержат погребения без керамики (в курганах 69 и 96А погребения не сохранились). В этом отношении данные курганы сходны с курганами группы Беседа-2, ближайшей к Избрижскому могильнику, расположенной на противоположном берегу Волги. Захоронения в Беседах малоинвентарные и безынвентарные, в целом их можно датировать концом XI–XIII вв. (Лагуткина, Степанова, 2001. С. 133). Характерным для погребального обряда этой группы является отсутствие керамической посуды в погребениях и наличие ее фрагментов в значительном количестве во рвах и насыпях. Таким образом, представленные материалы достаточно ярко демонстрируют изменения в погребально-поминальной обрядности. Присматривается не только уменьшение количества инвентаря в целом и исчезновение керамики из погребений. Посуда, оставленная индивидуально каждому умершему, сменяется разбитой посудой во рвах и насыпях, связанной, очевидно, уже не только с погребенным, но и с людьми, принимавшими участие в погребально-поминальных действиях.

В связи с поминальной обрядностью особого внимания заслуживает еще одна особенность курганов Избрижья – наличие в них не только древнерусской, но и керамики более позднего времени. На юго-восточной окраине курганной группы выявлены остатки деревни XV–XVII вв. Насыпи расположенных здесь курганов 96, 104, 109, 118, 120, 123, 128, 129, 130, 132, 134, 136 были значительно повреждены в период ее существования. Здесь открыты остатки печей и построек, материковые ямы, содержащие значительное количество позднесредневековой керамики. Поэтому интерес представляют курганы хорошей сохранности, находящиеся за пределами территории селища XV–XVII вв., в которых обнаружена такая керамика. Во рвах курганов

71 и 75 найдены развалы гончарных сосудов. Отдельные фрагменты обнаружены в полах курганов 7, 19А, 44, 67, 75, 105, заполнении рвов курганов 7, 71, 75, 84, 84А, 85, 140. Фрагменты белоглиняных сосудов найдены в курганах 7, 19А, 44, 71, 84 (рис. 4, 17, 19, 20, 22–24), красноглиняных – в курганах 67, 75, 84, 84А, 85, 105 (рис. 4, 16, 18, 21). В насыпи кургана 140 обнаружен фрагмент стенки чернолощеного тонкостенного сосуда с многорядным линейным орнаментом. В целом данную керамическую посуду можно датировать XIII–XVI вв. (Чернов, 1991а. С. 20–33; 1991б. С. 50–58). Аналогичное явление – поздняя керамика в полах, насыпях и рвах древнерусских курганов – было зафиксировано и при исследовании других погребальных комплексов Верхневолжья: курганные группы Беседы-2 (Лагуткина, Степанова, 2001), Плешково-1, Себельское (Комаров, 2002. С. 166). Эти материалы позволяют говорить о том, что древнерусские курганы Избрижья могли посещаться в более позднее время, возможно, для совершения поминальных обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х., 1983. Курганы у села Избрижье // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.
- Арсланова Ф.Х., 1993. Погребения с лепной керамикой из Избрижья // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.
- Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А., 1991. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А., 1993. Орнамент древнерусской посуды Избрижья // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.
- Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.
- Жукова Е.Н., 1997. Докомпьютерная обработка коллекции керамики Избрижского погребального комплекса // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. Минск. № 21.
- Жукова Е.Н., 2000. Гончарство древнерусской деревни Тверского Поволжья X–XIII вв. // Из архива тверских историков. Тверь. Вып. 3.
- Каменецакая Е.В., 2001. О возможности определения продукции одного гончара в древнем Гнёздове // Археологический сборник: Гнездово: 125 лет исследования. М. (Тр. ГИМ. Вып. 124).
- Комаров К.И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.
- Лагуткина, Степанова, 2001. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. II.
- Мальгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
- Мальгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и новгородская земля: История и археология. М. Вып. 13.
- Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.
- Степанова Ю.В., 2003. К вопросу о хронологии Избрижского погребального комплекса X–XIII вв. // КСИА. М. Вып. 213.
- Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.
- Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

В.Ф. Старков

В.П. АЛЕКСЕЕВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АРКТИКИ В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН

С самого начала своей работы в Институте археологии РАН академик В.П. Алексеев проявил большую заинтересованность в изучении проблемы истории освоения арктического региона. Это диктовалось целым рядом конкретных обстоятельств. Во-первых, В.П. Алексеев был к этому времени достаточно опытным полярником. Он неоднократно бывал в Арктике, где работал в ряде экспедиций, в том числе связанных с археологическими раскопками. Он прекрасно осознавал важность этих работ, слабую изученность региона и наличие там археологических культур, без которых невозможно осмысление общих проблем человеческой истории. Во-вторых, в институте к этому времени был уже накоплен значительный опыт работы в арктическом регионе и сложился коллектив исследователей, увлеченных этой тематикой.

Основателем этого направления исследований в Институте археологии явился В.Н. Чернецов. Его ямальские и североуральские археолого-этнографические экспедиции 1920–1930-х годов завершились в 1946 г. работами в заполярной Мангазее. Наряду с раскопками А.П. Окладникова русских памятников XVII в. в северных районах Таймыра, исследования В.Н. Чернецова положили начало направлению отечественной археологии, которое получило название “первоначальное освоение Арктики”.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. Институт археологии принял участие в широкомасштабных раскопках Мангазее. Результаты этих исследований трудно переоценить, до сих пор Мангазея является эталонным памятником при изучении первых русских городов азиатской части России.

Начиная с 1978 г., основным районом арктических исследований Института археологии становится архипелаг Шпицберген. В течение первого десятилетия работы Шпицбергенской экспедиции (до прихода в институт В.П. Алексеева) был получен огромный археологический материал, аналитическое осмысление которого позволило прийти к целому ряду принципиально новых выводов. Была доказана приоритетная роль русских людей в первоначальном освоении Шпицбергена, определен период промысловой деятельности поморов на архипелаге и выделены его этапы. Наконец, шпицбергенские находки до сих пор остаются единственным источником по материальной культуре русских поморов XVI–XVIII вв. Несомненно важ-

В.П. Алексеев (1929–1991)

ность имеет интернациональный характер археологических исследований на Шпицбергене, где работают экспедиции из многих стран Европы: Норвегии, Голландии, Дании, Швеции, Польши. Это явилось в дальнейшем основой для многолетнего международного сотрудничества Института археологии РАН на территории Арктики.

К сожалению, ряд организационных трудностей не позволил в начале 1980-х годов развернуть на должном уровне изучение арктического региона. Единственным районом наших работ оставался архипелаг Шпицберген, где так и не удалось в то время наладить совместные международные исследования.

Предложенная в 1988 г. В.П. Алексеевым программа научной деятельности Института археологии РАН, всколыхнувшая весь его коллектив, намечала реальные возможности активизации нашей деятельности в области изучения истории Арктики. Особенно важными для нас были такие направления, как комплексный характер работ, сопоставление данных археологических исследований с конкретными природными (экологическими) факторами, развитие международного сотрудничества. В том же 1988 г. в институте была создана межсекторальная группа полярной археологии, которая в 1992 г. была реорганизована в отдельное подразделение института – группу

арктической археологии. Основная тематика группы была определена тремя научными направлениями: история освоения арктического региона, начальное освоение русскими территории Сибири, деятельность морских экспедиций XVI – начала XX в. на территории Арктики.

С самого начала работа группы была построена на основе комплексного международного и внутрироссийского сотрудничества. Этому В.П. Алексеев придавал особое значение.

В 1991 г. после десятилетнего перерыва были возобновлены археологические исследования на острове Беринга. Там находился так называемый Командорский лагерь Второй Камчатской экспедиции, где во время зимовки умер ее руководитель Витус Беринг (*Белковский*, 1996). Среди организаторов и участников экспедиции 1991 г. были многие российские и зарубежные учреждения, в том числе Международное общество “Подводный мир”, Институт археологии РАН, клуб “Приключение”, Исторический музей г. Хорсенса (Дания) и др. Раскопки позволили выявить остатки жилищ и хозяйственных сооружений лагеря, могилы погибших участников экспедиции, в том числе ее руководителя. Результаты этих работ были широко освещены как в нашей стране, так и за рубежом.

Большой комплекс мероприятий по развитию российско-голландских отношений в области полярных исследований был проведен под руководством и при непосредственном участии В.П. Алексеева. Нужно сказать, что голландские научные учреждения, прежде всего Рейксмузеум (Амстердам) и Институт до- и протоисторической археологии Амстердамского университета уже давно были заинтересованы в установлении двусторонних контактов с Институтом археологии РАН. Эта заинтересованность в значительной мере диктовалась тематикой, связанной с именем Виллема Баренца, юбилей которого (400 лет со дня гибели) приходился на 1996 г. Как известно, в двух российских музеях – Арктики и Антарктики (С.-Петербург) и Архангельском областном краеведческом музее – хранится большое собрание предметов материальной культуры с места зимовки экспедиции В. Баренца на Новой Земле, кроме того, имелась перспектива завершения раскопок этого памятника на базе совместной экспедиции.

Такая перспектива довольно четко обозначилась во время подготовки совместной советско-голландской выставки “Голландцы и русские. 1600–1917 гг.”, в подготовке которой Институт археологии играл заметную роль. В рамках этого мероприятия в июне 1989 г. в Амстердаме был проведен симпозиум, на котором В.П. Алексеев и автор настоящей статьи выступили с докладами. По завершении симпозиума его организаторы издали сборник докладов. В вводной статье этой книги, написанной голландскими авторами, сказано: “Сборник посвящен памяти профессора В.П. Алексеева, который при жизни был директором Института археологии Академии наук в Москве, и чья активная заинтересованность стимулировала развитие контактов между археологами и историками России и Голландии” (*Russians and Dutchmen*, 1993).

В октябре 1988 г. в Институте археологии РАН были проведены переговоры с руководством Рейксмузеума и подписан Протокол о развитии науч-

ного сотрудничества в области изучения истории Арктики. Этот договор послужил основой многолетних совместных работ российских и голландских научных организаций, объединенных единой программой “Виллем Баренц”. В рамках этой программы, продолжавшейся около 10 лет, проведено большое количество широкомасштабных мероприятий, два симпозиума, обработка археологических коллекций, организация выставки в Голландии, совместные научные издания, создание экспозиции, посвященной В. Баренцу, в музее пос. Баренцбург на архипелаге Шпицберген. Центральное место в ряду этих мероприятий занимала российско-голландская экспедиция, которая в 1993 и 1995 гг. осуществила раскопки места зимовки В. Баренца на севере Новой Земли. Работы экспедиции не были ограничены только археологическими раскопками – они носили комплексный характер. Специалисты из России и Голландии дополнили их геоморфологическими, палеоботаническими и палеозоологическими наблюдениями. Экспедиция имела первоклассное техническое оснащение. По итогам этих работ в Голландии и России был издан ряд специальных работ (*Gawronski, Boyarsky et al.*, 1997; *Behouden uit het Behouden Huys*, 1998; *Старков, Державин*, 2003).

Основным районом работ Института археологии РАН на территории Арктики все эти годы был и остается до настоящего времени архипелаг Шпицберген. За первые десять лет своей работы Шпицбергенская экспедиция сумела обследовать целый ряд островов архипелага, в том числе удаленные и труднодоступные районы северной части острова Западный Шпицберген. В результате обнаружено около сорока русских поселений, многие из которых были исследованы раскопками, а также большое количество погребений и остатков судов. Это позволило решить ряд важных проблем в истории освоения архипелага, в частности, выявить целый пласт памятников XVI в., которые являются наиболее древними историческими объектами Шпицбергена, а также наметить периодизацию освоения русскими этого архипелага.

Начиная с 1987 г. основные усилия экспедиции направлены на изучение восточных районов Шпицбергена: островов Эдж, Баренца и Рик-Ис. Такая смена акцента не являлась случайной. Во-первых, это были районы, практически не обследованные археологами. Во-вторых, в исторических документах XVIII в. содержатся упоминания о русских промысловых поселениях на южном, западном и восточном берегах острова Эдж (*Keilhau*, 1831; *Lamont*, 1876; *Ле Руа*, 1975). В третьих, исследования восточных участков архипелага могли дать ответ на вопрос о путях проникновения первооткрывателей этих земель из северных районов России.

Дело в том, что первые походы поморов к Шпицбергену (как и в другие районы Севера Восточной Европы и Сибири) не являлись следствием стремления к открытию неведомых земель – это был процесс расширения зоны морских промыслов. Отсюда возникла гипотеза о том, что первоначальное появление поморов на Шпицбергене было связано с развитием новоземельских промыслов, откуда они проникли на Шпицберген по кромке паковых льдов, соединяющих оба архипелага (*Зубов*, 1953; *Белов*, 1956). Существует и другая точка зрения о возникновении поморского хода на Грумант-Шпиц-

берген: через северный берег Кольского полуострова – Варангер-фьорд – остров Медвежий (Старков, 2001). Проверка первой гипотезы требовала исследований на трех указанных выше островах.

Нужно сказать, что разведочные работы на самой восточной окраине Шпицбергена – островах Рик-Ис – дали в какой-то мере обнадеживающий результат. Там были обнаружены слабо сохранившиеся следы какой-то постройки, несомненно, русской, поскольку поблизости находилось довольно крупное скопление расщепленных моржовых черепов (морж являлся основным объектом поморских промыслов на Шпицбергене). Раскопки памятника не были произведены, поэтому говорить о его раннем возрасте пока нет никаких оснований.

В 1989 г. в работе экспедиции принял участие директор Института археологии РАН В.П. Алексеев. Целью его поездки было общее знакомство с нашей деятельностью на Шпицбергене, непосредственное участие в полевых работах и переговоры с губернатором Шпицбергена.

В конце июля один из отрядов экспедиции на борту морского буксира “Заря” вышел из порта Баренцбург в многодневный поход к восточным островам архипелага. Его первая остановка была на восточном берегу острова Эдж в заливе Экролхамна, где уже второй сезон проводились раскопки русского становища, одного из самых крупных на Шпицбергене. Он включал в себя восемь жилищно-хозяйственных сооружений, остатки большого приметного креста и несколько погребений.

Раскопки 1989 г. завершили вскрытие большого трехкамерного сооружения, в состав которого входили холодные сени и два теплых помещения: жилая изба и костерезная мастерская. Последний факт очень примечателен и характерен только для становищ XVIII в. Специализированные мастерские существовали в этот период в нескольких крупных поселках, таких как Руссекейла-1 (кузница), Хабенихтбукта (токарная мастерская). На Экролхамне функционировала костерезная мастерская, которая специализировалась на производстве гребней из местного сырья – китовой кости. Последнее определенно свидетельствует о том, что в XVIII в. поморы переходили от типично сезонного зверобойного промысла к круглогодичной производственной деятельности, основанной на изготовлении товаров рыночного характера. Это был переход к новой, постоянной форме обитания на Шпицбергене. В пользу этого говорит и появление там большого количества крупных поселений, а также наличие явных признаков присутствия женщин и детей.

Следующим районом полевых работ 1989 г. был остров Баренца. Это было первое посещение острова, и оно было посвящено обследованию его западного и южного побережий в районе реки Глома на полуострове Франкен и на побережье Баркхамодден. Следы поселений обнаружены не были, на побережье Баркхамодден зафиксировано большое количество судовых деталей.

Важной составной частью посещения В.П. Алексеевым архипелага Шпицберген был его визит в поселок Лонгиербюен, где он имел беседу с губернатором Л. Елдрингом. В ходе этой беседы был поднят целый ряд про-

блем, представляющих взаимный интерес: совместные археологические исследования на территории Норвегии и России, совместные публикации шпицбергенских археологических материалов, сохранение исторического наследия на Шпицбергене, создание объединенного археологического хранилища.

Последние два вопроса особенно актуальны для норвежской администрации, поскольку в это время происходила подготовка нового закона об охране памятников истории и культуры на Шпицбергене, который сильно ограничил производство раскопок на этой территории, практически сведя их только к спасательным работам. В.П. Алексеев отметил, что ему понятно стремление сохранить памятники для будущих поколений и стратегически такая позиция представляется правильной, хотя она должна быть увязана с потребностями науки сегодняшнего дня. С пониманием отнесся он и к идее объединенного археологического хранилища в поселке Лонгиербюен, хотя наши материалы и так не вывозятся со Шпицбергена. Более целесообразно, отметил он, создать общий банк данных не на основе общего хранилища, а единого каталога с указанием места хранения материала. После продолжительного обсуждения было также решено приступить к совместному созданию археологического атласа архипелага Шпицберген.

С тех пор прошло более десяти лет. Не все, что было задумано удалось реализовать. Но дух сотрудничества, стремление к взаимодействию при изучении и сохранении исторического наследия на территории Арктики сохранился. И в этом большая заслуга академика В.П. Алексеева.

ЛИТЕРАТУРА

- Белковский А.Н.*, 1996. Русские морские экспедиции. М.
- Белов М.И.*, 1956. История открытия и освоения северного морского пути. М. Т. I.
- Зубов Н.Н.*, 1953. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.
- Ле Руа П.-Л.*, 1975. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных. М. изд. 4.
- Старков В.Ф.*, 2001. Очерки истории освоения Арктики. М. Т. II: Россия и северо-восточный проход.
- Старков В.Ф., Державин В.Л.*, 2003. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле. М. Behouden uit het Bethouden Huys, 1998. Amsterdam.
- Gawronski J.H.G., Boyarsky P.V. et al.*, 1997. Nortbound with Barents. Amsterdam.
- Keilhau В.М.*, 1831. Reise I Øst og Vest Finnmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen I årene 1827og 1829. Christiania.
- Lamont J.*, 1876. Jachting in the Arctic Seas. London.
- Russians and Dutchmen*, 1993. Groningen.

В.Ф. Старков

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ АРХИПЕЛАГА ШПИЦБЕРГЕН”
(БАРЕЦБУРГ, АРХИПЕЛАГ ШПИЦБЕРГЕН, 2003)

15–16 августа 2003 г. в поселке Баренцбург на Шпицбергене проходила международная конференция, посвященная проблемам исторического прошлого этого арктического архипелага. Это была третья конференция, которую Институт археологии РАН проводил в Баренцбурге на базе Шпицбергенской экспедиции, отметившей в этом году свое 25-летие.

Практическую помощь в организации и проведении конференции оказали Консульство РФ на Шпицбергене, Государственный трест “Арктикуголь” и норвежская Контора губернатора. На конференции присутствовали ветераны Шпицбергенской экспедиции, около 20 лет проработавшие в ее составе: В.И. Завьялов и П.Ю.Черносвитов. Председатель оргкомитета конференции – В.Ф. Старков – все 25 лет возглавлял работу экспедиции.

В работе конференции приняли участие 20 человек из шести стран мира: России, Норвегии, Швеции, США, Голландии, Германии. Основной состав российской делегации определяли сотрудники Института археологии РАН: В.Ф. Старков, В.И. Завьялов, П.Ю. Черносвитов, В.Л. Державин, Е.Н. Бузни. Другие участники с российской стороны: В.Н. Звягин (Российский центр судебно-медицинской экспертизы), Б.Р. Мавлюдов (Институт географии РАН), В.Шарин (Полярная морская геолого-разведочная экспедиция). Пять человек включала в себя делегация шведских ученых во главе с Д. Аванго (Центр истории науки Королевской шведской академии наук). Из Голландии прибыл Л. Хаквеборд (директор Арктического центра Гронингенского университета), из США – Д. Мартин (департамент социальных наук Мичиганского технологического университета), из Германии – А. Умбрайт (владелец туристических компаний “Шпицберген турз” и “Терра полярис”).

На открытии конференции с приветствием к ее участникам выступили: консул РФ на Шпицбергене А.А. Антипов, заведующий отделом охраны окружающей среды при конторе губернатора Шпицбергена О. Сатер, заместитель генерального директора треста “Арктикуголь” В.Т. Гуков, начальник гляциологической экспедиции Института географии РАН Е.М. Зингер, главный геолог Полярной морской геолого-разведочной экспедиции Департамента природных ресурсов А.М. Тебеньков.

На заседаниях конференции заслушано и обсуждено 18 докладов, которые тематически разбиваются на пять групп: археологическое изучение Шпицбергена, перспективы международного сотрудничества в области исторической археологии, история научных исследований на Шпицбергене, изменение природной среды в эпоху голоцена, прошлое и настоящее хозяйственной деятельности на Шпицбергене.

Участники конференции в поселке Баренцбург (архипелаг Шпицберген)

Основной доклад о деятельности Шпицбергенской экспедиции ИА РАН под названием “Археологические исследования Института археологии РАН на архипелаге Шпицберген: Итоги и перспективы” был прочитан В.Ф. Старковым. В нем дана характеристика основных научных задач, которые экспедиция последовательно решала, начиная с 1978 г.

Одним из ключевых вопросов истории Шпицбергена является проблема его первоначального освоения. На основе комплексного метода датирования с применением данных дендрохронологии, стратиграфических наблюдений, геоморфологических признаков, палеографического анализа надписей и дат, вырезанных на деревянных предметах, был выделен наиболее ранний пласт русских поселений, относящихся к XVI в.

Вторым направлением исследований было определение исторической географии распространения русских поселений на Шпицбергене. Как показали исследования, наиболее ранние памятники связаны с южными районами архипелага, а их последовательное перемещение к северу происходило по западному побережью острова Западный Шпицберген.

По мере накопления материала основным направлением работы экспедиции становится определение периодизации русского промыслового дела на Шпицбергене, которое в общем виде выглядит следующим образом: XVI–XVII вв. – становление промыслового дела, XVIII в. – расцвет хозяйственной деятельности поморов на Шпицбергене, первая половина XIX в. – упадок и прекращение промыслов.

В последние годы основная работа экспедиции сводится к исследованию разрушающихся исторических объектов, составлению банка данных, а также решению проблемы мореплавания и судового обеспечения поморских походов на Шпицберген.

Последний вопрос был изложен П.Ю. Черносвитовым в докладе “Опыт реконструкции поморского грумантского коча по археологическим материалам Шпицбергена”. В нем изложена точка зрения о “грумантском коче” как об особом типе северорусского морского судна. На основе большого археологического материала, полученного на Шпицбергене, с использованием изображений поморских судов XVI–XVII вв. была предпринята первая попытка изобразить реконструктивный облик грумантского коча как большого двухмачтового судна со сложным парусным оснащением.

Итоги работы Шпицбергеновской экспедиции были отражены также в докладах В.И. Завьялова “Поморское поселение в заливе Дундербукта” и “Кузнечное дело у поморов”. В первом из них дана интерпретация одного из ранних поморских поселений на Шпицбергене, которое было исследовано в 1983 г. По данным дендрохронологии поселение функционировало во второй половине XVII в.

Второй доклад В.И. Завьялова носит обобщающий характер, где кузнечное дело поморов рассмотрено на фоне общерусского железообрабатывающего производства XV–XVII вв. Аналитический анализ шпицбергеновских поковок позволил автору сделать вывод о том, что они являются продукцией высококвалифицированных мастеров, кузнечное ремесло которых укладывается в общий контекст русской железообработки XVI–XVII вв.

В докладе В.Н. Звягина “Медико-криминалистическое исследование палеоантропологического материала на Шпицбергене” дан анализ костного материала (фрагменты скелетов 11 человек), хранящегося в музее “Помор” на Шпицбергене. Особый интерес представляет реставрация черепов и определение их расовых признаков. Все черепа относятся к большой европеоидной расе. Среди них выделяются три черепа из поселений Хабенихтбукта и Скольтнесет, которые не могут быть достоверно отнесены ни к одному локальному подразделению большой европеоидной расы. Их принадлежность к русскому этносу маловероятна. По всей вероятности, они могут быть связаны с некоторыми реликтовыми группами населения северо-запада Европы. На четырех черепах обнаружены следы тупых и рубленых травм.

Большой интерес вызвал доклад У. Урокберга “Время пионеров и любителей: физик Вильгельм Карлхайм-Гюлленшельд и начальный этап археологии Шпицбергена”. Он посвящен раскопкам русского поселения на Северном Русском острове в заливе Мерчисон-фьорд, которые произвел в 1898 г. шведский геофизик В. Карлхайм-Гюлленшельд. Это были одни из первых раскопок на Шпицбергене, причем в его самой северной части. О них хорошо известно по публикации самого автора, который, к сожалению, сопровождал свою работу лишь несколькими предметами материальной культуры. Коллекция до сих пор хранится “в почти не тронутом виде” в Стокгольме в Шведской королевской академии наук.

Проблемы, связанные с китобойным промыслом, которые в XVII в. вели некоторые страны Западной Европы, были рассмотрены в докладе Л. Хаквеборда “Сравнение английских и голландских китобойных баз на западном берегу Шпицбергена (Свальбарда)”. Основной вопрос, поднятый Л. Хаквебордом, был связан с конкурентной борьбой Англии и Нидерландов – главных добытчиков кита на Шпицбергене. Исследуя этот вопрос, в том числе с привлечением археологических и геоморфологических материалов, автор приходит к выводу, что победа голландцев в значительной мере была обеспечена рациональным размещением китобойных баз на местности и методом добычи китов.

Важное значение для решения вопроса о динамике освоения Шпицбергена, арктического архипелага, более 60% территории которого покрыто ледниковым покровом, особенностях расположения археологических памятников, интенсификации хозяйственной деятельности, имеют данные естественных наук относительно вариации местных природных условий, в том числе наблюдения гляциологов. Этому вопросу были посвящены два доклада Б.Р. Мавлюдова: “История и перспективы исследования внутреннего дренажа ледников на Шпицбергене” и “Изменение некоторых ледников западной части острова Западный Шпицберген в двадцатом столетии”.

По разделу “История научных исследований на Шпицбергене” следует отметить доклад В.Л. Державина «Отчет об экспедиции на судне “Персей” к Шпицбергену в 1924 г.» Это была первая советская морская комплексная экспедиция к берегам архипелага Шпицберген. На основании архивных материалов автор доклада проследил маршрут экспедиции и выявил новые сведения относительно раннего периода индустриальной деятельности на Шпицбергене, в том числе в заливе Колсбей, где вела добычу угля англо-русская компания “Груммант” на месторождении, открытом В.А. Русановым.

Большое количество докладов было прочитано по тематике “Прошлое и настоящее хозяйственной деятельности на Шпицбергене”, в которых были рассмотрены различные аспекты развития угледобывающей, туристической и иной деятельности на Шпицбергене в конце XIX–XX столетиях и высказаны мнения относительно перспектив этого процесса в ближайшем будущем. На эту тему выступили: Е.Н. Бузни – “От статуса Шпицбергена до статуса России”, А. Умбрайт – “Туризм, как основа экономического будущего российских поселков на Шпицбергене: Уроки истории, возможности и перспективы”, К. Авебро – «Шахта “Свеа груве” – международная перспектива», П. Мартин, Э. Нордберг, Ф. Тиббите – “Роль Мичигана в добыче угля в Арктике”, Д. Аванго “Актанты на ничейной земле: горнорудная материальная культура и империализм в Арктике”, У. Густавсон – «Полярная угледобывающая компания – шведское предложение по участкам “Пирамида” и “Земля Бунсоу”».

16 августа после завершения работы конференции состоялось совещание представителей делегаций, посвященное организации и развитию международного сотрудничества в области археологии.

В результате детального обсуждения всех организационных вопросов (целесообразность создания археологического центра, финансирование,

проведение полевых исследований и др.) было принято следующее решение:

1. Создать на архипелаге Шпицберген международный археологический центр.
2. Основное направление деятельности центра: историческая археология.
3. Основная форма работы центра: археологические исследования на базе проведения студенческой практики.
4. Основные направления работы центра: полевые исследования, проведение конференций, обучение студентов и аспирантов.
5. Место нахождения центра: поселок Баренцбург.
6. Для решения практических вопросов был избран организационный комитет из представителей всех заинтересованных организаций.

В.Ю. Коваль

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР “АРХЕОЛОГИЯ ПОДМОСКОВЬЯ” (МОСКВА, 2003)

17–18 декабря 2003 г. в Институте археологии РАН совместно с Музеем истории города Москвы (МИГМ) проходил научный семинар, посвященный результатам археологического изучения Подмосковья. Семинар стал продолжением серии подобных мероприятий, проводившихся в МИГМ в 1996–2002 гг. Целью семинара было обсуждение результатов полевого сезона 2003 г. и широкого круга вопросов археологического вещеведения, исторической географии, хронологии древностей, касавшихся раскопок в Подмосковном регионе. Двери семинара были широко открыты для всех заинтересованных исследователей, студентов, краеведов.

Семинар был открыт приветственным словом директора Института археологии РАН Н.А. Макарова, отметившего широкие масштабы и разнообразную направленность археологических исследований Подмосковного региона, результаты которых важны для всей русской средневековой исторической науки. Высоко оценив значение работ, проводимых Подмосковной и Ростиславльской экспедициями Института археологии РАН, Музеем истории города Москвы, Археологической службой города Коломны и другими аналогичными структурами, Н.А. Макаров подчеркнул необходимость их дальнейшего расширения, более тесного сотрудничества со специалистами в области естественно-научных методов исследований и скорейшей публикации полученных результатов для введения их в научный оборот.

На заседаниях семинара были заслушаны и обсуждены 24 доклада (в том числе один – стендовый). Восемь докладов были посвящены 850-летию летописного города Ростиславля (в Озерском р-не Московской обл.) и 10-летию Ростиславльской археологической экспедиции ИА РАН и МИГМ. В.Ю. Коваль (ИА РАН) в докладе “Ростиславлю Рязанскому 850 лет (10 лет работы Ростиславльской экспедиции)” подвел основные итоги археологического

изучения Ростиславльского городища и обрисовал программу дальнейших исследований. Было отмечено, что отсутствие реальной государственной охраны памятника приводит к его постепенному разрушению под действием естественных сил природы и в результате кладоискательских разрытий.

Доклад *А.А. Гольевой* (Институт географии РАН) “Комплексное естественно-научное исследование Ростиславля Рязанского” был посвящен результатам палеопочвенного изучения площадки городища с привлечением данных радиоуглеродного и биоморфного анализов. Установлено, что на территории будущего Ростиславля лесная растительность была сведена еще 3 тыс. лет назад, т.е. в эпоху поздней бронзы, и в дальнейшем почвы здесь развивались в безлесных условиях. Эти изменения можно связывать с появлением городища дьяковской культуры и последующих сменявших друг друга поселений.

Доклад *А.В. Трусова* (ИА РАН) “Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль” касался открытия на площадке Ростиславльского городища неизвестной ранее стоянки эпохи финального палеолита со своеобразным кремневым инвентарем, ряд образцов которого имеет аналогии в западно-европейских памятниках круга Лингби и Аренсбурга.

Е.Ю. Тавлицева (МИГМ) выступила с докладом “Керамические литейные формы городища Ростиславль”, в котором в научный оборот вводились самые восточные на Русской равнине находки форм для отливки ложнозерненных треугольных нашивных бляшек и отмечалась их близость с ранне-средневековыми древностями Северо-Запада Восточной Европы. В то же время, в отличие от аналогичных форм из более западных регионов, изготовленных из известняка, ростиславльские образцы были сделаны из глины, в чем прослеживается связь с традицией бронзолитейного производства дьяковской культуры.

Доклад *П.Е. Русакова* (ИА РАН) “Работы на раскопе II Ростиславля Рязанского в 2003 году” был посвящен результатам исследования поздне-средневекового некрополя на площадке Ростиславльского городища и открытию места деревянного храма, сооруженного на мощной суглинистой подсыпке, возведенной не позднее середины XII в., т.е. в самые первые годы после основания города в 1153 г. Вероятно, храм продолжал размещаться здесь и в последующие 5 столетий.

Из доклада *Д.В. Пежемского* (МГУ) “Население средневекового Ростиславля по антропологическим данным (предварительное сообщение)” присутствующие узнали, что останки погребенных на Ростиславльском некрополе принадлежали европеоидному (очевидно, славянскому) населению, имевшему своеобразные черты, отличающие его от известных антропологических серий среднерусского региона.

Д.О. Осипов (МИГМ) в докладе “Исследование постройки XVI в. на городище Ростиславль” рассказал собравшимся об изучении подпольной части крупной наземной постройки, в заполнении которой впервые на памятнике были найдены следы военного погрома города в середине XVI в. – наконецники стрел и разрозненные человеческие кости, в том числе со следами действия огня.

В докладе “Ростиславль Рязанский в XVII в.” *А.Н. Медведь* (РГГУ) привел собранные им архивные данные, свидетельствующие о сборе мытных пошлин в Ростиславле в первой половине и середине XVII в., т.е. в тот период, когда по данным археологии жизнь на городище уже прекратилась. Докладчик выдвинул гипотезу о возможности существования на площадке городища небольшого участка с застройкой XVII в., который пока еще не удалось локализовать.

Пять докладов, представленных сотрудниками Археологической службы города Коломны были посвящены результатам раскопок 2003 г. в историческом центре Коломны. Доклад *А.С. Сыроватко* и *А.Б. Мазурова* “Раскоп по ул. Болотникова в Коломне (общая характеристика)” представил материалы раскопок в северо-западной части Коломенского Кремля. По особенностям размещения находок лепной керамики дьяковской культуры была предложена реконструкция расположения неукрепленного поселения раннего железного века, значительная часть которого оказалась уничтожена позднейшим строительством и эрозионными процессами.

А.Б. Мазуров (Коломенский гос. педагогический университет) в докладе “Планировка и застройка территории по улице Болотникова в Коломне (раскоп 2003 г.)” охарактеризовал динамику планировочной структуры исследованного участка Кремля, формировавшейся с XV по XIX в. Отсутствие заглубленных частей жилых построек (погребов, подполий) убедительно объяснено тем, что данный участок находился в понижении рельефа с избыточным увлажнением, на месте нескольких оврагов, полностью засыпанных на протяжении XIV–XVI вв.

В.В. Черкасов выступил с докладом “Керамика из раскопа на ул. Болотникова 2003 г. как хроноопределитель культурного слоя (предварительное сообщение)”, в котором был сделан вывод о смене в Коломне традиции керамического производства в конце XIV–начале XV в., когда на смену керамике из красножгущихся глин пришла белоглиняная посуда, получившая в последующие три столетия широкое распространение в центральной части России (известная в Москве XVII–XVIII вв. как “белая гладкая” керамика).

С.И. Самошин (Коломенский краеведческий музей) и *А.С. Сыроватко* в совместном докладе “Нумизматические находки из раскопок 2003 г. в Коломне” сообщили о новых находках монет XVII в. и костяных рычажных монетных весов XV в., представляющих интерес для изучения денежного обращения в средневековой Руси.

Доклад *Т.Н. Ульяновой* (Археологическая служба Коломны) “Предметы вооружения XIV–XVI вв. из раскопа по ул. Болотникова в Коломне” ставил своей целью ознакомить с образцами средневекового русского вооружения (наконечники стрел, копья, науш от шлема и др.), найденными в Коломне.

Изучению древностей эпохи раннего железного века в Подмосковье посвящены три выступления. *М.Г. Гусаков* (ИА РАН) в докладе “Типология городищ дьяковской культуры” предложил принципиально новый подход к систематизации городищ раннего железного века в Волго-Окском междуречье, основывающийся на двух критериях – геометрической форме площадки и количестве защищавших ее валов. В остро полемической форме был

высказан ряд гипотез о культовом предназначении дьяковских городищ и об использовании их валов для захоронения кремированных (?) погребений.

Большой интерес вызвал доклад *В.В. Сидорова* и *О.А. Лопатиной* (ИА РАН) “Новые раскопки Мутёнковского городища” о результатах последних раскопок этого неординарного памятника середины I тыс. н.э. из окрестностей Каширы. Здесь удалось зафиксировать ряд бревенчатых построек (по негативам в подстилающем слое и материке) с очагами и крупными (подпольными?) ямами. Среди керамического материала памятника преобладала лепная гладкостенная керамика, доля же “сетчатой” керамики, близкой посуде дьяковской культуры, была невелика.

Стендовый доклад *И.А. Сапрыкиной* (ИА РАН) “Предварительные результаты изучения ювелирных изделий из раскопок Троицкого городища” представил попытку нового осмысления материалов старых раскопок на основе современных методов исследования, в том числе с привлечением спектрального анализа металла ювелирных украшений.

Восемь докладов были посвящены различным проблемам средневековой истории и археологии Подмосковья. *К.А. Аверьянов* (Институт российской истории РАН) в докладе “О дате основания Андроникова монастыря” рассмотрел существующие точки зрения на эту проблему и на основании имеющихся источников высказал предположение, что один из крупнейших монастырей Москвы был основан в период между пожаром Москвы 1365 г. и началом строительства белокаменного Кремля в 1366 г.

В.И. Вишневецкий (Сергиево-Посадский музей-заповедник) в докладе “Некрополь бояр Плещеевых XVI в. в Троице-Сергиевом монастыре” не только представил свод новых находок белокаменных надгробий, но и связал эти памятники с конкретными историческими личностями XVI–начала XVII в. Всего удалось идентифицировать 14 надгробий, тогда как ранее в некрополе Троице-Сергиевого монастыря было известно лишь 4 захоронения представителей рода Плещеевых.

Доклад “Денежное обращение в XIV – начале XV в. на пограничье Московского и Рязанского княжеств” *Ив.В. Волкова* (ГИМ) ставил целью пересмотреть привычные представления об отсутствии встречных монетных потоков в этих соседних землях. Находки последних лет свидетельствуют о взаимном проникновении денежных номиналов Москвы и Рязани по обе стороны московско-рязанской границы.

Доклад *А.Л. Высоцкого, Р.А. Мимохода, О.И. Хижнякова* (ИА РАН) “Археологические исследования на посаде г. Дмитрова в 2002–2003 гг.” осветил результаты работ Подмосковной экспедиции ИА РАН на участке посада, примыкающего с востока к Дмитровскому Кремлю, где впервые были археологически зафиксированы материалы, относящиеся к XIII в. (скорее всего, ко времени накануне татаро-монгольского нашествия). Тем самым подтверждено предположение о значительных размерах города Дмитрова уже на этапе его становления.

О.В. Двуреченский (ГИМ) выступил с докладом “Опыт классификации наконечников стрел Московской Руси конца XIV – первой половины XVII в.”. В предложенной классификации наконечники стрел были разделе-

ны на 23 типа, объединенные в 3 группы – универсальные, объемно-броневой и рассекающие наконечники. Отмечено, что в отличие от домонгольской эпохи, когда преобладали броневые наконечники, золотоордынская эпоха и период сложения Московского государства характеризуются подавляющим преобладанием универсальных наконечников, что связывается докладчиком с изменениями в тактике боя и защитном вооружении, происходившими в то время.

Обработке керамических материалов XII–XIX вв. из раскопок Подмосковной экспедиции ИА РАН в г. Дмитрове был посвящен доклад *К.И. Панченко* (ИА РАН) “Целые формы сосудов из раскопок в Дмитрове в 2001–2003 гг.”. Коллекция археологически целых форм из этого города насчитывает уже несколько десятков сосудов, что позволяет перейти к детальному анализу традиции керамического производства, сложившейся на пограничье Московской и Тверской земель.

П.Е. Русаков (ИА РАН) в докладе “Сеть дорог в восточной части Моржевского стана (попытка реконструкции)” представил картографический материал по планам Генерального межевания XVIII в., позволяющий, по его мнению, составить представление о дорожной сети одного из участков Рязанской земли в более ранние эпохи.

В докладе *С.В. Шполянского* (ГИМ) “Особенности размещения курганов бассейна р. Пахры как источник по исторической географии региона” на основании проведенного картографирования курганных могильников был сделан вывод об их концентрации в среднем и нижнем течении Пахры. Исходя из этих материалов и данных о размерах могильников выдвинуто предположение о том, что внутренняя колонизация региона славянским населением проходила от долины р. Москвы к верховьям Пахры.

Доклады вызвали большой интерес собравшихся и подвергались обстоятельному обсуждению, в котором принимали активное участие сотрудники отдела славяно-русской археологии и отдела охранных раскопок ИА РАН. Было принято решение продолжить проведение семинаров по тематике археологии Подмосковья в стенах Института археологии РАН. По результатам семинара издан сборник, в который вошли материалы докладов, прозвучавших на заседаниях (Археология Подмосковья. М., 2004).

SUMMARY

The Introduction concerning Russian-French co-operation in the field of early Medieval archaeology, the contribution by G.E. Afanas'ev and A.V. Mastykova informs the reader about the scientific co-operation maintained between the Institute of Archaeology, RAS and the National Centre of Scientific Researches at the Museum of National antiquities of France since 1997. A brief information on the joint events held in 1997–2003 is published. Two field seminars on the problems of Merovingian culture were organised. The first one was entitled “Burial archaeology of the early Medieval epoch and the possibilities of historic and social reconstructions” (1998), the second was devoted to the historic, social and demographic interpretation of the materials from early Medieval cemeteries and dwelling sites (1999). In 1999 in Namur (Belgium) the international colloquium on the Merovingian archaeology was held.

In the Museum of National antiquities the colloquium “Military elites from the Iron Age to the early Middle Ages” was organised in 1998, the next year it was the symposium concerning the problems of late classical antiquity and the early Middle Ages. Since 1998 French archaeologists have become participants of Krupnov colloquiums on the archaeology of the North Caucasus.

In 2002 was launched the three-year program “The North Caucasus and the Great Silk road in the early epoch of the Middle Ages”.

Within the framework of Russian-French co-operation in 2003 in Moscow was held the round table on the actual problems of the archaeology of the Great Migration and the early Middle Ages. The materials of the round table are published in the present issue.

The paper by V.V. Sedov “The North of the East European Plain in the Great Migration period and the early Middle Ages (the early history of the north Russians)” investigates the northern regions of the East European plain in the Early Iron Age, when the discussed region was inhabited by different Finnish-speaking and Baltic tribes. In the late 4th and the 5th cc. a new population comes to this territory from the provincial Roman area in Central Europe. The process is evidenced by over 100 sites with the finds originating from the region between the Vistula and the Oder. At first the population was of polyethnic character, then, in the course of their settling within the new lands the agricultural Slavic tribes gained domination. The development of earlier cultures had ceased, and new units were formed that may be associated with the “tribes” mentioned in the “Book of Annals”.

Settling of separate Venedian group of the Slavs in northern regions of the East European Plain formed the basis for formation of a specific dialectic and ethnographic group of the East Slavs – the north Russians. In the Medieval period this

group of the Slavic population is clearly singled out by the traditions of their house-building and specific features of women's costume. This data give grounds to date formation of the north Russian group as early as the 10th – the 12th cc.

In the paper by M. Kazansky and P. Périn the inventory from the grave of the Franc king Childeric, occasionally uncovered in 1653 in Tourne (now in Belgium) is considered. The authors claim that the objects made in incrustation technique were produced not in Byzantium, as it was believed before, but in a workshop of West Roman Empire. The said concerns also the ceremonial sword of Childeric decorated in the discussed style.

Scholars repeatedly paid attention to the similarity of the grave goods from Childeric's burial and those from the "royal" burials of the Danubian Germans. The Danubian links are also indicated by the horse burials discovered around the grave of Childeric. The authors have shown that the Hunnic customs and fashions were easily adopted by European royal courts, and the Huns were highly respected among the European barbarians. The "princely" culture of the early Merovingian Europe was of heterogeneous origin and easily adopted alien traditions, whether they originated from the Roman Mediterranean or the Danubian Barbaricum.

The theme of the article by P. Périn is the analysis of the Merovingian ornaments decorated with garnets carried out in the Scientific and restoration centre at the Administration of National museums of France. The investigated objects come from the excavations of the necropolis in the royal basilica St. Denis. They are adorned with the gems traditionally called garnets. All the inlays on the artefacts of the 5th – the 6th cc. are identified as almandines originating from two different deposits in India. One of them producing the almandines with high calcium content is situated in Rajasthan, another with the gems with high iron content has not been reliably identified yet. It is established that the almandines were procured to Europe by the Indian Ocean and then the Red Sea via Alexandria, the latter being basic centre of gem trade. In the 570-s the Yemen shores were captured by Iran, thus the way for precious stones procurement to Europe ceased to function. In the 7th c. the demands of Merovingian market were met with the piropes extracted from Check mines.

In the work by V.I. Kulakov is presented the information concerning the "princely" graves in the Western Baltic region. The burials are clearly distinguished among the ordinary mass of graves. The author presents the analysis of the burials in question against general European background. The interpretation of the "princely" graves from palaeosociological standpoint is a debatable one, nevertheless, the majority of scholars hold them to be related with princes-priests, the leaders of the German armed detachments.

C. Zuckerman in his paper discussing the Alans and the As in the early Middle Ages presents the analysis of the information from The Book of Ceremonies of Byzantine court (946), The Cambridge document (949–950), The Armenian Geography and some other written sources. The author maintains geographical and tribal difference between the Alans and the As. Their land called Assia was an independent political unit and never entered the Alanic kingdom. It was disposed to the east from the Alans, the Ossetians are the descendants of the As.

V. Yu. Koval in his paper "Byzantine amphorae in South-Western Rus" presents the information on over 2500 fragments (reconstructed whole vessels included) of

the amphorae attributed to Byzantine cultural circle found during the archaeological excavations of South-Western centres of Medieval Rus. The material is distributed among six basic groups, the amphorae of “Nikea-Trillia” and “Trabzon” groups dominate. The pieces of the first group are as frequently found in the Galich Rus as those of the second one, this fact differs clearly this region from the other Russian lands, where the finds of “Trabzon”-type vessels prevail. In the studied region the sherds of other types are also registered, such as small-size yellow-clay amphorae, brown-clay amphorae attributed to the stamp group SSS, as well as those with convex bottom. Few separate finds are known from the 11th c., whilst practically all the rest date back to the 12th – the first part of the 13th cc.

The paper by R.F. Voronina is devoted to the southern and steppe influences in the culture of the Mordvinians in the Middle Tsna basin in the 8th–11th cc. The Mordvinians that inhabited the Middle Tsna river were the westernmost group of the medieval Mordvinian tribes. The discussed group maintained regular contacts with southern peoples since the 1st c. AD, in the 2nd and the 3rd cc. the contacts became more intensive. In the early Middle Ages the contacts of the Mordvinians of the Middle Tsna with the South and steppe regions are registered since the late 7th – the first half of the 8th cc. Several stages can be singled out in the development of these relations. On the first stage (the late 7th – the first half of the 8th cc.) they were of purely economic character. The links became stronger on the second stage (the second half of the 8th – the first half of the 9th cc.) after formation of Khazar Kaganate; the Mordvinian tribes of the Middle Tsna participated in exchange processes, which led to economic rise and considerable changes in their society. Connections can be traced not only with steppe, but also with the Caucasus, Byzantium, Central Asia and the Near East.

In the second part of the 9th – the first part of the 10th cc. relations with the Volga Bulgaria developed. Some typically southern features were introduced into the burial rites of the Mordvinians. These are: placing rattle-bells into the graves, making ritual fire over the grave, horse sacrifices. Apparently, in some cases the representatives of southern tribes were incorporated into the Mordvinian groups.

In the work by O.A. Druzhinina devoted to the problem of the earliest settlement of Kaliningrad region territory insufficient state of archaeological investigation of the Palaeolithic sites in Kaliningrad region is discussed. The author stresses special importance of the methods of palaeogeography in this case.

Proceeding from some preliminary hypotheses based on comparative materials and the logical suppositions, as well as from the data of geology and pollen analysis, the palaeogeographic situation of the Palaeolithic is reconstructed. Its analysis lets the author to conclude that from Lower Dryas (approximately 15–14 thousand years BP) during the Middle Lithuanian glacial phase the environmental conditions were rather favourable, or at least did not hampered human settlement within the territory of modern Kaliningrad region. Glacial border was situated somewhat northward from the modern valleys of the rivers Instruch and Pregola. The primitive hunters developed the adaptive model of exploitation of tundra and forest-tundra landscapes.

Under the Arctic climatic conditions characterised by lack of humus layer only limited Arctic biocenoses could survive. Specific landscapes typified by combination

of tundra-steppe features widely spread. It was tundra zone where reindeer migrated for summer grazing, and they were followed by the first human groups of hunters. The humans penetrated from the south into the territory free from the glacier moving along the glacier water-pools' sides and land bridges; now and then they reached the glacier border and arranged their stations on the nearby lake sides and on the islands.

The paper by R.M. Munchaev and N.Ya. Merpert summarises the excavations carried out by the expedition of the Institute of Archaeology, RAS, at Tell Hazna I in Syria in 2003. The investigations of the religious and administrative centre Tell Hazna I started in 1988 were continued. The site is situated in North-Eastern Syria and dates from the late 4th – the first third of the 3rd millennia BC. The excavations were concentrated on the cultural deposit dated back to the Early Dynastic period in Mesopotamia, its thickness exceeding 12 m. The area excavated in 2003 at Tell Hazna I has reached 3000 sq. m, 400 objects being registered within it. Main attention was paid to the researches of the monumental fortification system. It is 2 m wide and 4.5 m high, the length of its studied portion is 70 m long. The plots densely built up were investigated on the eastern and western slopes of the tell. They stretch to the summit, where the children necropolis has been discovered. Of special interest is the treasure of bronze artefacts dated to the mid 3rd mill. BC. The excavations' results confirm the unique character of Tell Hazna I and its importance for studying the problem of formation of the earliest civilization in the Near East and the role Syrian region played in this process.

The publication by V.V. Zotov on Shelkozavodskoe fortified settlement discusses the fortified site located in Gudermes district, Chechnya. The site's cultural attribution has raised serious scientific interest for almost forty years. The site of absolutely geometrically regular layout is dated to the Khazar epoch (the 8th – the 9th cc.). Its spatial structure and some other details are rather not typical of the discussed territory. According to some features the Shelkozavodskoe site is close to the stone and brick fortresses of the Khazar period known on the Don and attributed to Saltov-Mayatskoe culture.

The work by Yu.V. Stepanova is devoted to the analysis of the collection of clay pottery from the kurgan cemetery Izbrizhye on the Volga (Tver' region). The site dates to the 10th – the 13th cc. The author characterises the vessels' shapes and decoration. Having investigated potters' marks, the author singles out two groups of vessels manufactured of the same potter's wheel. Pottery fragments from the burial mounds are considered separately.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	–	Археологические открытия. Москва
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	–	Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург; Петроград
ИГАИМК	–	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАК	–	Материалы Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ЛИМ	–	Львовский исторический музей
МАИУ	–	Музей Археологического института украиноведения. Львов
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МНИИЯЛИЭ	–	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
РА	–	Российская археология. Москва
РАН	–	Российская академия наук
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СА	–	Советская археология. Москва
AV ČR	–	Akademie Ved České Republiky
BAR	–	British Archeological Report. Oxford
OIP	–	Oriental Institute Publication. Chicago

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти В.В. Седова (1924–2004)	3

ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА. МОСКВА, 21 НОЯБРЯ 2003 г.

<i>Г.Е. Афанасьев, А.В. Мастыкова.</i> Российско-французское сотрудничество в области раннесредневековой археологии (1997–2003).....	6
В.В. Седов . Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов).....	12
<i>М.М. Казанский, П. Перен.</i> Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований ...	24
<i>П. Перен.</i> О происхождении гранатов на вещах инкрустационного стиля из базилики Сен-Дени во Франции	42
<i>В.И. Кулаков.</i> “Княжеские” захоронения в Балтии фаз В ₁ –С ₁	48
<i>К. Цукерман.</i> Аланы и асы в раннем Средневековье	65

СТАТЬИ

<i>В.Ю. Коваль.</i> Византийские амфоры в Юго-Западной Руси.....	85
<i>Р.Ф. Воронина.</i> Южные и степные влияния в культуре среднеэцнинской мордвы VIII–XI вв.	98
<i>О.А. Дружинина.</i> Проблема первоначального заселения территории Калининградской области (палеогеографический аспект)	109

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт.</i> Телль Хазна 1 (Сирия): итоги исследований 2003 г.	114
<i>Зотов В.В.</i> Шелкозаводское городище: к вопросу о культурной принадлежности.....	129
<i>Ю.В. Степанова.</i> Керамика Избрижского погребального комплекса X–XIII вв.	139

ХРОНИКА

<i>В.Ф. Старков.</i> В.П.Алексеев и изучение истории Арктики в Институте археологии РАН	150
<i>В.Ф. Старков.</i> Международная конференция “Археология и история архипелага Шпицберген” (Баренцбург, архипелаг Шпицберген, 2003)	156
<i>В.Ю. Коваль.</i> Научный семинар “Археология Подмосковья” (Москва, 2003)	160
SUMMARY.....	164
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	169

CONTENTS

Obituary of Valentin Vasilievich Sedov (1924–2004)	3

THE PROBLEMS OF CONTACTS BETWEEN WESTERN AND EASTERN EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES. MATERIALS OF RUSSIAN-FRENCH ROUND TABLE HELD IN MOSCOW, NOVEMBER 21, 2003

<i>G.E. Afanas'ev, A.V. Mastykova.</i> Russian-French co-operation in the field of early Medieval archaeology.....	6
V.V. Sedov . The North of the East European Plain in the Great Migration period and the early Middle Ages (the early history of the north Russians)	12
<i>M.M. Kazansky, P. Périn.</i> Childeric's grave (481/482): The state of investigations	24
<i>P. Périn.</i> On the origin of the garnets on the artefacts made in incrustated style from St. Denis basilica (France).....	42
<i>V.I. Kulakov.</i> The "princely" burials in the Baltic zone of B ₁ –C ₁ phases.....	48
<i>C. Zuckerman.</i> The Alans and the As in the early Middle Ages	65

ARTICLES

<i>V.Yu. Koval.</i> Byzantine amphorae in South-Western Rus	85
<i>R.F. Voronina.</i> Southern and steppe influences in the culture of the Mordvinians of the Middle Tsna basin in the 8 th –11 th cc.	98
<i>O.A. Druzhinina.</i> The problem of the earliest settlement of the territory of Kaliningrad region: Palaeogeographical aspect.....	109

PUBLICATIONS

<i>R.M. Munchaev, N.Ya. Merpert.</i> Tell Hazna I: The results of investigations 2003	114
<i>V.V. Zotov.</i> Shelkozavodskoe fortified settlement: The problem of cultural attribution	129
<i>Yu.V. Stepanova.</i> Pottery from the burial complex Izbrizhye of the 10 th – the 13 th cc.	139

CHRONICLE

<i>V.F. Starkov.</i> V.P. Alexeev and investigations of the history of the Arctic in the Institute of Archaeology, RAS	150
<i>V.F. Starkov.</i> International conference "Archaeology and history of the Spitsbergen archipelago", Barentsburg, 2003.....	156
<i>V.Yu. Koval.</i> Scientific seminar "The archaeology of Moscow region", Moscow, 2003.....	160
SUMMARY.....	164
ABBREVIATIONS.....	169

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Периодическое издание “Краткие сообщения Института археологии” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие интерес для специалистов.

Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в издании.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике издания и относиться к одному из разделов: статьи, публикации и полевые исследования, хроника. Иные материалы (письма в редакцию и пр.) публикуются только по решению редакционной коллегии.

2. Рукопись представляется в печатном (1 экземпляр) и компьютерном варианте. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman Cyr., кегль 14, интервал 1,5 и распечатан на принтере на бумаге формата 290 × 210 с одной стороны листа. К рукописи прилагается дискета (или CD-ROM) с текстом статьи (в формате Word, имя файла – фамилия автора, а также файлы иллюстраций в формате jpg или .tif и разрешением не менее 300 dpi). Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 25 мм, справа – 10 мм, сверху – 20 мм, снизу – 25 мм. Не допускаются рукописные поправки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы, включая список литературы, подрисуночные подписи и резюме.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: 1) основного текста, 2) списка литературы, 3) списка подрисуночных подписей, 4) резюме, 5) списка сокращений, 6) иллюстраций, 7) сведений об авторах. Все части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы) (инициалы перед фамилией), название. Например:

Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДЮРСО

5. Общий объем рукописи не должен превышать 15 стандартных страниц и 6 иллюстраций, включая основной текст, список литературы, подрисуночные подписи, резюме, цифровые таблицы и графики.

6. Все буквенные обозначения, отличающиеся от стандартных алфавитов кириллицы и латиницы, должны быть набраны при помощи функции “Символ” (“Вставка” – “Символ”), или к статье должен быть приложен файл с необходимыми шрифтами.

Каждый рисунок представляется на отдельном листе. **Ксерокопии не допускаются.** Фотографии представляются только глянцевые размером не менее 10 × 15 см. На оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо на обороте карандашом написать “верх” или “низ”. В списке иллюст-

раций должны быть расшифрованы все условные обозначения. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисовочных подписях и на рисунках.

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

8. Таблицы должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, без сокращений. Колонки должны отделяться вертикальными линиями.

9. Текстовые пояснения (сноски) даются через 1,5 интервала внизу на соответствующей странице под цифрой.

10. Ссылки на литературу. В тексте статьи в круглых скобках указывается фамилия автора цитируемой работы курсивом (без инициалов, за исключением работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), через запятую – год издания, далее через точки страница (С.), рисунок (Рис.), таблица (Табл.). Если авторов двое, указываются фамилии обоих, если более двух – указывается фамилия первого автора и сокращение “и др.”.

11. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами автора, набранными курсивом, указывается год выхода, название работы и место издания, том (выпуск). Если работа опубликована в сборнике статей, журнале или ином периодическом издании, то от их названия она отделяется двумя косыми чертами. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При цитировании разных работ одного автора, вышедших в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке русского алфавита.

Источником библиографического описания является титульный лист издания. Например:

Мелькова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.

Псковские летописи. 1941. М.; Л. Т. 1.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Амиров Ш.Н., 2000. Природная среда верховьев Хабура // РА. № 3.

Чернов С.З., 1971. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Бери в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции приводятся в тексте в скобках и в список литературы не включаются.

12. К статье необходимо приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи) объемом не более 0,5 стандартной страницы. Для перевода на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, производных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в

переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Summary).

13. Тексты должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего (по возможности и электронного) адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

**КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ**

Выпуск 218

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректор *Е.Л. Сысоева*